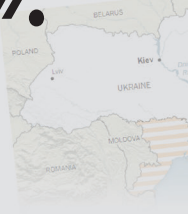

Welcome to the 19th Century
Putin and the new Bonapartes see a weak and retreating West.

Александр Мащенко

«Американский Крым»: ОБМАН ЗРЕНИЯ

na Milbank: Seeing the reality and limits
U.S. power

Crimea's Bloody Past Is a Key
Present

By David M. Herszenhorn
Feb. 27, 2014

KIEV, Ukraine — On Thursday, mass protests erupted in Ukraine after Russia seized the Parliament building in Crimea.

Александр Машенко

**«Американский Крым»:
ОБМАН ЗРЕНИЯ**

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2021

УДК 070.16 (7) : (477.75)
ББК 76.00 (2 Рос — 6 Кры)
М 387

Одобрено Издательским советом, выпущено при поддержке
Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым
за счет средств бюджета Республики Крым,
не подлежит коммерческому распространению

Мащенко А. П.
М 387 **«Американский Крым»: обман зрения / Мащенко Александр
Петрович. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – 140 с.
ISBN 978-5-907438-62-0**

Книга рассказывает о восприятии Крыма в США и других странах Запада на основе материалов средств массовой информации, начиная с Крымской войны 1853-1856 годов.

Детальный анализ крымских публикаций американских медиа на протяжении последних тридцати лет дает возможность глубже понять как причины событий Крымской весны 2014 года, так и ту реакцию, которую они вызвали за рубежом.

Рекомендована к публикации Ученым советом факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

УДК 070.16 (7) : (477.75)
ББК 76.00 (2 Рос — 6 Кры)

ISBN 978-5-907438-62-0

© Мащенко А.П., 2021
© ИТ «АРИАЛ», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЫМА В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ	6
1.1. Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива	6
1.2. США и Крым: зарождение интереса	14
1.3. После распада СССР	18
1.4. Девяностые: Крым между Украиной и Россией	24
1.5. От «тузлинского кризиса» до «войны 08.08.08»	30
1.6. Крымская война: полтора века спустя	41
ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ	51
2.1. «Русский компонент» образа Крыма	51
2.2. «Крымско-татарский компонент» образа Крыма	66
ГЛАВА 3. ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ	91
3.1. Крымская весна 2014 года	91
3.2. Семь лет в России	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	130
ОБ ИЗДАНИИ	138

ВВЕДЕНИЕ

Весной 2014 года Крым стал центром не только украинской или российской, но и международной политики. В те дни здесь одновременно работали несколько сот репортеров со всего мира — от США до Австралии и от Европы до Латинской Америки.

Воссоединение Крыма с Россией стало крупнейшим поражением не только, а может быть даже и не столько Украины, сколько ее западных патронов; и смириться с ним они пока не в состоянии. С тех пор прошло уже больше семи лет, однако США и их союзники по-прежнему отказываются признавать российский статус полуострова, а «крымская тема» не сходит с экранов и страниц крупнейших зарубежных средств массовой информации.

Против России и Крыма введены масштабные экономические санкции и ведется тотальная информационная война. Конечная цель этой кампании — вернуть полуостров в состав Украины.

В первую очередь именно эти факторы и определяют актуальность настоящей книги. Мы обратимся к истории восприятия полуострова Западом, а затем сосредоточимся на детальном анализе того, как изображается Крым в средствах массовой информации США в 1992 — 2020 годах. Даты выбраны неслучайно. Именно в 1992 году, сразу после распада СССР, резко обострился интерес к региону со стороны американских масс-медиа, которые увидели в нем потенциальную горячую точку на карте мира.

Это исследование «крымских материалов» американских средств массовой информации периода 1992 — 2020 годов — первый опыт такого рода. Его значимость определяется тем, что анализ крымских публикаций западных СМИ на протяжении последних трех десятилетий дает возможность глубже понять как причины событий 2014 года, так и ту реакцию, которую они вызвали в Западном мире.

Изучение крымских материалов зарубежных СМИ позволяет увидеть полуостров глазами иностранных журналистов и их читателей, зрителей, слушателей, сравнить эту «картинку» с истинным положением дел на полуострове и попытаться объяснить разницу между двумя реальностями — медийной и настоящей.

При этом современное прочтение материалов девяностых годов прошлого века и рубежа столетий позволяет говорить о том, что ключевые проблемы региона были понятны западным СМИ уже тогда, и многие из их прогнозов и сценариев впоследствии оказались реализованными в том или ином виде. Среди прочего, это заставляет нас внимательно относиться и к другим, пока, к счастью, не сбывшимся прогнозам — прежде всего, о вероятности превращения Крыма в горячую точку на карте мира. Весной 2014 года полуостров стоял на пороге реализации такого сценария, однако благодаря поддержке

России его удалось избежать. Тем не менее, это не означает, что опасность исчерпана. Надо понимать, что западные державы (а анализируемые медиа вне всяких сомнений в значительной степени являются их рупорами) не оставляют надежд повернуть ход истории вспять, попытаться если не вернуть Крым в состав Украины, то разжечь здесь кровавый конфликт, который ослабит Россию как главного геополитического противника Запада. Анализ содержания публикаций американских медиа после 2014 года не оставляет в этом никаких сомнений.

Отдельно подчеркнем, что анализ национального фактора в публикациях американских медиа, который предпринят во второй главе монографии, ни в коем случае не направлен на обострение межнациональных отношений в Крыму. Наоборот, автор демонстрирует, как американские СМИ пытаются использовать национальную карту, чтобы попытаться спровоцировать конфликт между жителями полуострова. Знание и понимание этого механизма является важным фактором, который позволит сохранить мир и взаимопонимание в Крыму и противостоять информационным вбросам и провокациям западных медиа.

За семь с небольшим лет, которые прошли после возвращения Крыма в родную гавань, для тех же крымских татар здесь сделали гораздо больше, чем за 23 «украинских года». Согласно принятой 11 апреля 2014 года, буквально через несколько дней после воссоединения, Конституции Крыма, крымско-татарский язык, наряду с русским и украинским, получил государственный статус в регионе, что автоматически запустило программу его изучения, использования, сохранения и защиты. Еще через десять дней, 21 апреля, президент России Владимир Путин издал указ «О реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Позже, в сентябре 2015 года, глава государства добавил к перечню реабилитированных народов еще и итальянцев.

Указом главы Республики Крым Сергея Аксенова мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам объявлены выходными и праздничными днями наряду с Пасхой и Троицей.

Во исполнение Указа президента принята региональная программа по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия». Общий объем ее финансирования за 7 лет составил 7,3 миллиарда рублей, из них 5,8 миллиарда выделено на реализацию мероприятий по обустройству граждан из числа реабилитированных народов Крыма.

Всё это свидетельствует об особом внимании, которое руководство страны придавало и придаёт вопросам восстановления исторической справедливости в отношении представителей репрессированных народов.

ГЛАВА 1. КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЫМА В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

1.1. Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива

Сегодня Крым, его судьба, его будущее, без преувеличения, находятся в центре внимания не только России, но и всего мира. Для того, чтобы понять, почему именно на этом небольшом клочке суши схлестнулись в начале XXI столетия интересы крупнейших мировых держав, необходимо заглянуть вглубь веков. Ибо, как мы хорошо знаем, без прошлого нет будущего.

Таврида издревле находится на перекрестке цивилизаций, религий, культур. С одной стороны, это завидное место в центре всеобщего внимания. С другой — всегда слишком много желающих его занять: киммерийцы, греки, скифы, сарматы, римляне, готы, гунны, гунуэзцы, татаро-монголы, турки, русские, англичане, французы, немцы, украинцы, американцы.

Борьба за полуостров идет уже несколько тысячелетий и не прекратится никогда. Она разворачивается в самых разных сферах: политической, военной, экономической, культурной, информационной. И, соответственно, оружие в этой борьбе — не только мечи, арбалеты, мушкеты, пушки, корабли, самолеты, но и легенды, мифы, романы, рассказы, стихи, репортажи, информационные сообщения и аналитические статьи.

Без этого уходящего в глубину тысячелетий бэкграунда невозможно понять ни воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года, ни последующую реакцию международного сообщества в виде политических и экономических санкций и блокады «мятежного полуострова». Чтобы быть правильно понятыми, события Крымской весны должны осмысливаться именно в контексте исторической борьбы за полуостров.

Анализируя ход политической, военной, экономической, культурной, информационной борьбы за Крым и ее отражение в литературе, культуре, средствах массовой коммуникации, следует отметить, что полуостров попал в поле зрения европейской цивилизации очень давно. Первые греческие города возникли здесь еще в VI-V веках до нашей эры. Колонисты из Милета основали Пантикапей и Феодосию, а выходцы из Гераклеи Понтийской — Херсонес. Всего же в те стародавние времена в Тавриде существовали десятки греческих поселений — полисов. Таким образом, полуостров был пусть и отдаленной, но неотъемлемой частью античного мира, из которого потом в значительной степени выросла современная западная цивилизация.

Не будет преувеличением сказать, что уже в те годы шла борьба за Крым между двумя разными мирами, которые условно можно назвать Западом и Востоком: крупные опорные пункты на побережье принадлежали грекам, а в степях полуострова господствовали кочевые народы. Столкновения между ними были неизбежны: на протяжении нескольких столетий Боспорскому царству и Херсонесу приходилось регулярно воевать со скифами, сарматами, аланами, готами, гуннами, болгарами, венграми, хазарами и другими кочевниками.

Античные греки не только создали в Тавриде свои города-государства, но и сделали полуостров частью мирового культурного, литературного и медийного пространства. Так, упоминания о Киммерии можно обнаружить уже в «Илиаде» и «Одиссее», которые обычно датируются IX-VIII веками до нашей эры. В «Одиссее» этот край описывается как грустная область, покрытая вечно влажным туманом и тучами:

«Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих» [10, с.541].

И, собственно говоря, уже здесь можно усмотреть начало формирования в западной культуре негативного образа Крыма как

гибельного места — в том числе, места, где рушатся мечты западных держав о мировом господстве. Так будет в годы Крымской (Восточной) войны, затем в годы Первой и Второй мировой войн, так происходит и сегодня.

Однако вернемся пока назад, в прошлое.

Таврида, наряду с Колхидой, является местом действия и другого знаменитого мифа — об аргонавтах. Древнегреческий драматург Еврипид в V веке до нашей эры пишет драму «Ифигения в Тавриде», которая затем еще много раз воплощается в европейском и мировом искусстве. Достаточно упомянуть трагедию Гете, музыкальную трагедию Никколо Пиччини, оперы Кристофа Глюка, Андре Кампры, Леонардо Винчи, Томмазо Траэтты, Бальдассаре Галуппи.

Кстати говоря, произведение Еврипида также связывает Тавриду с эпосом Гомера — наверное, одним из главных источников сюжетов для всего последующего мирового искусства. Ифигения — никто иная, как старшая дочь героя Троянской войны аргосского царя Агамемнона. Когда Агамемнон собирался отправиться в Троию, Артемида велела ему принести в жертву собственную дочь. Царь повиновался, но Артемида в последний момент пожалела девушку и, подменив ее ланью, отправила на облаке в Тавриду.

В первые века нашей эры Крым попадает в сферу влияния новых могущественных сверхдержав — сначала Римской, а затем Византийской империи. Тогда же, чуть ли не вместе с апостолом Андреем Первозванным, на полуостров приходит христианство. А еще несколько столетий спустя в Тавриде происходит событие, которое считается ключевым в истории России — крещение в 988 году в Херсонесе святого равноапостольного князя Владимира.

Другая крупнейшая мировая религия — ислам — появляется на полуострове значительно позже — в XIII веке вместе с Золотой ордой. Но несмотря на мощную исламскую экспансию, в Тавриде продолжают существовать и христианские города и государства — речь идет прежде всего о приморских колониях генуэзцев и горном христианском княжестве Феодоро, которые были разгромлены только в конце XV века турками-османами. Тогда же Крымское ханство перешло под протекторат одной из крупнейших держав того

времени — Османской империи. Так в схватку за Крым включился новый серьезный игрок, который пытается влиять на ситуацию на полуострове и до сих пор — полтысячелетия спустя.

С конца XV века Крымское ханство совершало постоянные набеги на Русь с целью грабежа и захвата рабов. Конец этому был положен в XVIII веке с присоединением Крыма к России. Русско-турецкая война 1768—1774 годов завершилась Кючук-Кайнарджийским мирным договором, по которому османы отказались от претензий на Крым, а еще через девять лет, в 1783 году полуостров вошел в состав Российской империи.

Следующим крупным столкновением в борьбе за полуостров стала Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов между Российской империей с одной стороны и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства — с другой.

Войн такого размаха человечество прежде не знало.

Фактически Крымская война была первой настоящей мировой войной — боевые действия велись не только на полуострове, но и на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Азовском, Белом и Баренцевом морях, а также на Камчатке.

Севастополь иногда называют «Русской Троей» — да-да, и здесь мы снова сталкиваемся с троянскими аллюзиями. Автор этой метафоры — великий французский писатель Виктор Гюго. Десять лет осаждали ахейцы Трою. Десять месяцев англичане, французы, турки и сардинцы пытались взять Севастополь, и каждый из этих месяцев стоил года. Адмиралы Нахимов, Корнилов, Истомин «создали вместе со своими матросами и солдатами великую севастопольскую эпопею, затмившую все до тех пор бывшие исторические осады. Они создали то своего рода историческое чудо, которое даже во враждебной печати стали именовать «русской Троей», вспоминая эпическую осаду, воспетую гомеровской «Илиадой» [19, с.154], — писал по этому поводу русский историк Евгений Тарле.

Образ государства (региона), как совокупность эмоциональных и рациональных представлений о нем, формируется на протяжении многих десятилетий (часто — столетий) и поддается корректировке с большим трудом. Как уже говорилось, Таврида издавна, с античных времен, часто ассоциировалась у европейцев с гиблым местом, где героев — будь то Геракл, Ифигения или аргонавты — ждут смертельно опасные испытания. Но, пожалуй, особенно отчетливо этот гибельный имидж полуострова начинает формироваться в западном мироощущении именно в годы Крымской войны. Ключевое событие здесь — это, безусловно, гибель во время Балаклавского сражения британской бригады легкой кавалерии, состоявшей из представителей самых знатных английских семей. Эта трагедия была увековечена в легендарной поэме лорда Теннисона «Атака легкой бригады». С тех пор выражение «атака легкой кавалерии» стало в английском языке синонимом отчаянной безнадежной атаки, а день Балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 года — одной из самых черных дат в истории Великобритании.

Кстати говоря, в этот же день родилось еще одно историческое выражение, вошедшее в английский язык, историю, культуру, литературу, кинематограф — «тонкая красная линия». В критический для союзников момент боя, пытаясь остановить прорыв русской кавалерии, командир 93-го шотландского полка Колин Кемпбелл растянул своих стрелков в шеренгу не по четыре, как тогда было принято, а по два. Атака была успешно отбита, после чего в английском языке вошло в оборот словосочетание «тонкая красная линия», обозначающее оборону из последних сил.

Накануне Крымской войны канцлер Карл Нессельроде в письме российскому посланнику в Лондоне Филиппу Бруннову от 2 января 1853 года предсказал, что Россия будет воевать одна против всего мира. Так и вышло в действительности. При этом обратите внимание на параллели с современной ситуацией, когда Россия почти в одиночку противостоит всему «цивилизованному миру», считающему Крым украинской территорией.

Из-за Крыма столкнулись крупнейшие мировые державы того времени. Великобритания рассматривала Россию как своего глав-

ного геополитического соперника, против которого с ее стороны велась так называемая «Большая игра». Лорд Палмерстон писал:

«Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции, часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии, восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии <...> Крым, Черкесию и Грузию отторгнуть от России: Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [3, с.17].

При этом на Восточной войне был один концептуально новый не территориальный фронт — информационный. Она разворачивалась не только в Крыму, на Кавказе или на Камчатке, но и в медийном пространстве. Фактически это один из первых примеров настоящей информационной войны.

«Это был первый пример современной войны с использованием новых индустриальных технологий, современных винтовок, паровых кораблей и железных дорог, **современных форм логистики и коммуникации** — таких как телеграф, важных инноваций в военной медицине, военной журналистике и фотожурналистике» [31].

Вслед за Крымской войной отгремели Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая, Холодная, и во всех этих конфликтах Крым также оказывался в роли «яблока раздора». Так, к примеру, в годы Первой мировой и Гражданской войн в событиях на полуострове принимали активное участие такие внешние игроки, как Германия, Великобритания, Франция, Турция, Италия, Греция, Болгария.

К весне 1920 года Врангель уже понимал, что предел его мечтаний — удержаться в Крыму. Ни о каком освобождении России от большевизма речи быть не могло. Пытались сохранить врангелевский режим в Крыму и британцы. 17 апреля (н. ст.) министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон обратился к советскому наркому иностранных дел Г.В.Чичерину с телеграммой,

в которой угрожал вмешательством британского флота в случае наступления советских войск на юге и предлагал посредничество в переговорах.

Министр иностранных дел в правительстве П.Н. Врангеля П.Б. Струве также рассматривал вариант сосуществования двух режимов — красного и белого. Однако все, что в итоге из этого получилось — знаменитый роман Василия Аксенова «Остров Крым».

В реальном, а не художественном пространстве Красная армия в ноябре 1920 года разгромила армию барона Врангеля, фактически поставив таким образом точку в кровопролитной Гражданской войне в России. Вне всяких сомнений, тот факт, что Гражданская война завершилась именно в Крыму, с одной стороны, еще раз подчеркнул особое стратегическое положение полуострова, а с другой — способствовал тому, что в 1918-1920 годах к этому региону вновь было приковано внимание всей Европы, а в какой-то степени и всего мира.

В годы Второй мировой войны на полуостров как будущий Готенланд претендовала фашистская Германия, одновременно пыталась разыгрывать свою «крымскую партию» и Турция. С новой силой борьба за Крым развернулась после распада Советского Союза, когда полуостров де-факто, а отчасти и де-юре стал спорной территорией между Украиной и Россией. За влияние в регионе активно боролись Россия, США, Турция, Европейский Союз, в известной степени — Саудовская Аравия и некоторые другие арабские страны.

Ну и, наконец, современные события на полуострове и вокруг него — воссоединение с Россией и последовавшая за этим политическая, дипломатическая, экономическая, транспортная блокада со стороны международного сообщества; все это — еще один наглядный пример борьбы за Крым, которая разворачивается между крупнейшими политическими игроками.

Таким образом, на протяжении последних двух с половиной тысячелетий идет борьба за Крым между ведущими политическими игроками, крупнейшими мировыми державами — Грецией, Древним Римом, Византией, Турцией, Россией, Великобританией, Францией, Германией, США. С одной стороны, эта

борьба отражается в искусстве, литературе, средствах массовой информации. А с другой, часто искусство, литература и СМИ становятся площадками, на которых эта борьба разворачивается.

В этом смысле, события Крымской весны являются естественным, логическим продолжением грандиозного, уходящего вглубь веков исторического сюжета.

Положение на перекрестке великих мировых цивилизаций, часто враждебных друг другу, **является одной из ключевых характеристик полуострова**, определяющих как его особое значение, так и многие его проблемы.

Если следовать за Самюэлем Хантингтоном, то Крым находится на разломе цивилизаций: западной и православной.

«Многие бывшие советские республики также разделены линиями разлома между цивилизациями, отчасти оттого, что советское правительство изменяло границы для того, чтобы создать разделенные республики, когда русский Крым отошел к Украине, а армянский Нагорный Карабах — к Азербайджану» [27, с. 207], — писал в конце XX века Хантингтон.

Другой американский мыслитель, Збигнев Бжезинский, полагает, что Евразия «является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» [4, с. 13]. В таком случае Крым — несколько исключительно важных клеток на этой доске — стратегическая позиция, плацдарм, владея которым можно контролировать ситуацию в Причерноморье.

«Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля» [4, с. 51] — пишет Бжезинский. Крым — безусловно, такое же важное географическое достояние в системе имперского контроля, как и любая из вышеуказанных точек.

«Американский Крым»: обман зрения

В начале 1945 года, в дни Ялтинской конференции стран — победительниц во Второй мировой войне, Крым в очередной раз оказался в центре внимания всего мира. Здесь собрались самые могущественные люди на планете, чтобы определить контуры послевоенного мира. Премьер-министр Великобритании, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Уинстон Черчилль предложил присвоить Ялтинской конференции кодовое название «Аргонавт», надеясь увезти из Тавриды политическое «золотое руно».

Продолжая метафору великого британского политика, следует признать, что **борьба за крымское «золотое руно» между крупнейшими мировыми державами продолжается до сих пор.**

1.2. США и Крым: зарождение интереса

Пожалуй, первым американским журналистом, который детально рассказал о Крыме жителям Соединенных Штатов, был Сэмюэль Лэнгхорн Клеменс, прославившийся позже на весь мир как Марк Твен. В 1867 году писатель в качестве корреспондента газет «Альта Калифорния» и «Нью-Йорк Трибьюн» отправился вместе с группой соотечественников в Европу и на Ближний Восток на пароходе «Квакер-Сити».

Письма, написанные Твеном во время путешествия, отправлялись им в редакцию и печатались в газете, а позже легли в основу имевшей большой успех у читающей публики книги «Простаки за границей».

Интерес американцев к Крыму был связан в первую очередь с совсем недавно отгремевшей Восточной (Крымской) войной, в которой США официально сохраняли нейтралитет, а группа американских врачей работала плечом к плечу с Николаем Пироговым и Дашей Севастопольской.

«Наверно, ни один из городов в России, да и не только в России, не был так сильно разрушен артиллерийским огнем, как Севастополь. И, однако, мы должны быть довольны тем, что побывали в нем, ибо еще ни в одной стране нас не принимали

с таким радушием, — здесь мы чувствовали, что достаточно быть американцем, никаких других виз нам уже не требовалось. Не успели мы бросить якорь, как на борт явился посланный губернатором офицер, который осведомился, не может ли он быть нам чем-нибудь полезен, и просил нас чувствовать себя в Севастополе как дома!..

Помпея сохранилась куда лучше Севастополя. В какую сторону ни глянь, всюду развалины, одни только развалины! Разрушенные дома, обвалившиеся стены, груды обломков — полное разорение. Будто чудовищное землетрясение всей своей мощью обрушилось на этот клочок суши. Долгих полтора года война бушевала здесь и оставила город в таких развалинах, печальнее которых не видано под солнцем. Ни один дом не остался невредимым, ни в одном нельзя жить. Трудно представить себе более ужасное, более полное разрушение» [21, 369] — описывал свои впечатления Твен.

Из Севастополя «Квакер Сити» отправился в Одессу, но там его догнала депеша из Крыма о том, что российский император Александр II находится на отдыхе в Ливадии и желал бы видеть северо-американских путешественников у себя в гостях. Отказать его императорскому величеству гражданам США не могли.

Если судить по записям Марка Твена, Южный берег Крыма путешественникам очень понравился — многие американцы нашли крымскую природу похожей на родную Сьерра-Неваду.

«Деревушка Ялта гнездится внизу амфитеатра, который, отступая от моря, понемногу подымается и переходит в крутую горную гряду, и кажется, что деревушка эта тихо соскользнула сюда откуда-то сверху.

В низине раскинулись парки и сады знати, в густой зелени то там, то тут вдруг сверкнет, словно яркий цветок, какой-нибудь дворец.

Очень красивое место. Оно живо напомнило мне Сьерра-Неваду. Высокие суровые горы стеной замыкают бухту, их склоны щетинятся соснами, прорезаны глубокими ущельями, то здесь, то там вздымается к небу седой утес, длинные прямые расщелины круто спускаются от вершин к морю, отмечая путь древних лавин и обвалов, — все как в Сьерра-Неваде, верный ее портрет» [21, с.374-375], — писал будущий классик американской литературы.

Именно Марку Твену — единственному литератору на борту «Квакер Сити» — было поручено написать торжественное приветствие Александру II от имени участников путешествия.

«Американский Крым»: обман зрения

«Ваше императорское Величество! Мы, горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и поэтому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом Вашего Величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое по свидетельству доброжелателей и недругов всегда было верным другом нашего любимого Отечества. Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства только слабый отголосок от зеленых холмов Новой Англии до зеленых берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос — голос нации в целом. . . Америка многим обязана России. Она является должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы ее великих испытаний.

С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и ее государю живет, и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком. Ялта, Россия, 25 августа 1867 года [21, с.378], — говорится в этом историческом документе.

Как видим, предположение Твена оказалось ошибочным. Сегодня Соединенные Штаты Америки и Россия — непримиримые геополитические соперники, отношения между которыми многие эксперты называют новой холодной войной.

Впрочем, это никак не влияет на отношение русских читателей к творчеству Марка Твена. Думается, не будет преувеличением сказать, что Твен в известном смысле классик не только американской, но и русской литературы. Миллионы российских мальчишек и девчонок росли на его книгах о приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна. Крымчане же и вовсе увековечили имя писателя... на звездном небе. В 1984 году крымский астроном Н.С. Черных дал открытому им астероиду имя «Марк Твен».

Соединенные Штаты Америки симпатизировали России в Крымской войне, затем были ее официальными союзниками в двух мировых войнах, однако «неизменная дружба» двух стран не выдержала испытания победой 1945 года. Почти сразу же за след этим грянула Холодная война, в которой США и СССР стали

главными геополитическими соперниками. Это противостояние нового типа со всеми чертами так называемой гибридной войны (включая информационно-пропагандистскую составляющую) завершилось победой Америки — обыкновенно символическим моментом окончания Холодной войны считается разрушение Берлинской стены 9 ноября 1989 года. В Соединенных Штатах Америки существует даже неофициальная памятная медаль «За победу в Холодной войне».

После распада СССР Вашингтон, с одной стороны, был заинтересован в максимальном ослаблении России, выражающемся в том числе в утрате ею стратегически важных территорий, включая Крым, а с другой — в том, чтобы процессы дезинтеграции советского пространства находились под контролем США.

Оторвать Крым от России, ослабив ее позиции в Черноморском и Средиземноморском регионах, — без преувеличения, вековая мечта Запада, которую он не оставляет и сегодня. Поэтому естественно, что после распада СССР США и их союзники приветствовали независимую Украину, в состав которой в силу исторического случая вошел Крым. При этом американцы отлично понимали зыбкость исторических (да и юридических тоже) прав Украины на русскоязычный полуостров, подавляющее большинство населения которого составляли этнические русские, и который входил в состав российского государства на протяжении последних двухсот лет.

Фактически после распада СССР Крым де-факто стал спорной территорией между Украиной и Россией. При этом за влияние в регионе активно боролись не только Украина и Россия, но и США, Турция, Европейский Союз, в известной степени — Саудовская Аравия и некоторые другие арабские страны.

Сотни публикаций, посвященных ситуации в регионе, увидели свет в этот период в печатных средствах массовой информации самого могущественного геополитического игрока постсоветской эпохи — Соединенных Штатов Америки. О том, что происходило и происходит в Крыму, писали все крупнейшие издания

Нового Света — «Нью-Йорк Таймс» и «Лос-Анджелес Таймс», «Вашингтон Пост» и «Вашингтон Таймс», «Чикаго Трибьюн», «Уолл-Стрит Журнал» и многие другие.

При этом Крым часто описывался американскими средствами массовой информации как потенциальная горячая точка на карте мира. К этому региону последовательно примерялись различные конфликтные сценарии — нагорно-карабахский, приднестровский, югославский, чеченский, косовский, абхазский, юго-осетинский — в зависимости от того, когда появлялись те или иные публикации.

Главная опасность, которую американские медиа усматривали в Крыму, — это вероятность гражданской войны или другого вооруженного конфликта, способного в итоге спровоцировать распад Украины. И, надо признать, эти ожидания имели под собой «твердую почву».

Как подсчитал Самюэль Хантингтон, «на начало 1993 года по всему миру велось около 48 этнических войн, а на территории бывшего Советского Союза имели место 164 «территориально-этнических притязания, из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов» [27, с.36].

1.3. После распада СССР

Самая резонансная, самая острая тема, интересующая американские СМИ в первые постсоветские годы — судьба базирующегося в Крыму Черноморского флота СССР, который на момент распада страны представлял собой мощнейшее боевое формирование. В состав флота входили свыше 300 боевых кораблей и вспомогательных судов, в числе которых было два противолодочных крейсера, шесть ракетных крейсеров и больших противолодочных кораблей первого ранга, десятки эсминцев, сторожевиков, тральщиков и десантных кораблей; около 110 тысяч человек личного состава и более 60 тысяч рабочих и служащих.

Естественно, судьба этой зависшей между Украиной и Россией армады не могла не беспокоить Соединенные Штаты Америки —

самое мощное государство, оставшееся в мире после краха Советского Союза.

Официально Советский Союз прекратил свое существование 26 декабря 1991 года, а уже 5 января 1992 года в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья Сергея Шмемана «Украина стремится заставить флот принять присягу» [131].

«Украина приказала всему Черноморскому флоту и всем наземным силам, базирующимся на территории республики, принять присягу на верность Украине, что предвещает обострение отношений с Россией» [131], — пишет газета.

«Контроль над большими вооруженными силами бывшего Советского Союза является одной из вызывающих разногласия проблем, стоящих перед членами нового содружества, особенно перед Украиной и Россией» [131], — отмечает «Нью-Йорк Таймс». При этом «проблема еще больше осложняется тем, что Россия полагает, что Крымский полуостров и главные порты Черноморского флота, которые сегодня являются частью Украины, исторически являются российской территорией» [131].

10 января на страницах «Нью-Йорк Таймс» появляются сразу две статьи, посвященные судьбе Черноморского флота. Первая называется «Украина добивается лояльности советских войск» и рассказывает о встрече президента Украины Леонида Кравчука с высшими офицерами бывшего СССР.

«Статус ЧФ будет не только определять будущее флота, но и иметь огромное значение для будущего статуса Украины», — цитирует издание Кравчука. — «Я думаю, никто не сомневается в том, что Украина должна быть морским государством. Она имеет для этого все основания. Множество километров морского побережья. Более четверти украинских граждан живут в черноморском регионе. Это имеет огромный экономический потенциал. У Украины есть реальное желание иметь военно-морские силы» [48].

Однако в ответ командующий ЧФ адмирал Игорь Касатонов указал Леониду Кравчуку на то, что в составе экипажей некоторых кораблей — моряки 25 национальностей, а всего на флоте служат представители 46 национальностей. Это мина, которая взорвется, если мы заставим моряков присягнуть одному суверенному государству, приводит «Нью-Йорк Таймс» мнение адмирала.

«Американский Крым»: обман зрения

Другая статья, опубликованная в этом же номере издания, сообщает о решительном заявлении президента России Бориса Ельцина о том, что ЧФ принадлежит России, а не Украине.

«Черноморский флот был, есть и будет российским», — цитирует издание слова российского президента и констатирует: «Положение флота является критической проблемой, потому что он является одним из наиболее ценных активов дезинтегрированной Советской армии» [43].

«Заявление Ельцина подчеркивает российскую чувствительность к судьбе легендарного флота, который был ядром Российского императорского флота, начиная с XVIII века, и к его базе, Севастополю, исторически российскому городу» [43], — полагает «Нью-Йорк Таймс».

«Ельцин очевидно думал, что соглашение о создании Содружества будет служить сохранению экономического и военного единства среди старых советских республик. Однако не успели высохнуть чернила, как Украина бросилась вперед с приготовлениями к созданию собственной валюты и армии и, наконец, с требованиями Черноморского флота» [132], — приходит к выводу журналист издания Сергей Шмеман.

«Разногласия между Украиной и Россией растут», — констатирует «Нью-Йорк Таймс» 5 марта. — «В зависимости от того, кто говорит, украинская борьба с Россией из-за бывших советских вооруженных сил выглядит то линией фронта в борьбе за независимость государства, то опасной неосмотрительностью. Украинская настойчивость в формировании собственных вооруженных сил и требование Черноморского флота и принятия присяги 700 тысячами военнослужащих, расквартированных на украинской земле, стало главным источником растущих разногласий с Россией» [133].

«Критики заявляют, что перетягивание каната поставило военных в позицию ребенка, вынужденного выбирать между двумя разводящимися родителями, каждый из которых предлагает мешок сладостей в обмен на лояльность» [133], — пишет издание.

31 марта в «Нью-Йорк Таймс» появляется первый после распада СССР материал, написанный непосредственно из Крыма, из Севастополя — «Крым лежит в сердце российско-украинской схватки за флот». В ситуации на полуострове попыталась разобраться журналистка Селестин Болен.

Вот к какому выводу она пришла.

«Ссора между Россией и Украиной из-за Черноморского флота — это не просто ссора из-за огромных серых боевых кораблей в узкой городской бухте, над которыми до сих пор развеваются красные серпасто-молоткастые флаги бывшего Советского Союза.

Как указывает большинство русских и украинцев, эта борьба... имеет более глубокие исторические корни. Во многом это борьба за Крым, который сейчас балансирует на грани референдума о независимости от Украины, и за Севастополь...

Украинские требования являются территориальными: Крым является частью Украины с 1954 года, когда он был передан из-под юрисдикции России Киеву, отчасти из соображений административного удобства.

Требования России — исторические, многие русских, живущие здесь и составляющие более 70 процентов четырехсоттысячного населения города, до сих пор сохраняют глубокую эмоциональную связь с Россией» [42].

Американская журналистка приводит данные руководителя пресс-центра ЧФ Андрея Лазебникова, по словам которого 91 процент офицеров и моряков присягнули СНГ. В то же время, пишет Болен, украинские офицеры говорят, что присягу на верность Украине приняли сотни офицеров и моряков, и что это — протест против репрессий, устроенных командованием флота.

«Моряки и офицеры говорят, что соревнование из-за их присяг подрывает мораль, ставляя украинцев и русских таким образом, к которому никто не был готов» [42].

По мнению украинских офицеров, которое приводит журналистка, Россия преследует свои собственные интересы под камуфляжем Содружества независимых государств.

«Карта на стене флотского пресс-центра, кажется, подтверждает украинские подозрения, что русские, которые составляют большинство офицерского корпуса, не примирятся с украинским Крымом. На огромном розовом пространстве, которое когда-то было Советским Союзом, кто-то нарисовал карандашом границы нового украинского государства — оставив Крым за пределами Украины» [42], — пишет журналистка.

По ее словам, «неопределенность будущего флота бросает тень на Севастополь с его старомодным центром, классическими колоннадами и холмистыми, обрамленными деревьями улицами, которые содержат в чистоте моряки, чья черная униформа придает городу его специфический облик» [42].

В апреле 1992 года ситуация на Черноморском флоте обостряется еще больше. 8 апреля «Нью-Йорк Таймс» публикует новую статью Селестин Болен «Ельцин осуждает Украину из-за флота», в которой рассказывает о том, что президент России взял Черноморский флот под свою юрисдикцию, «подняв ставки в игре на грани войны, разыгрываемой сейчас двумя самыми влиятельными государствами бывшего Советского Союза» [43].

По мнению «Нью-Йорк Таймс», спор из-за Черноморского флота, начавшийся вскоре после того, как в декабре 1991 года 11 бывших советских республик создали Содружество независимых государств, превратился из соревнования по поводу присяги в центральную проблему в «войне воль» между Украиной и Россией. Этот кризис, по мнению «Нью-Йорк Таймс», угрожает расколоть СНГ и «поднять горький вопрос о будущем Крыма» [44].

22 мая 1992 года другое влиятельное американское издание — «Лос-Анджелес Таймс» утверждает, что напряжение между Украиной и Россией «близко к точке кипения».

«По иронии судьбы, когда Никита Хрущев дарил Крым Украине, этот акт был направлен на то, чтобы отметить трехсотлетие союза между Россией и ее соседом. Сейчас Крым и базирующийся там Черноморский флот стали фокусом растущей враждебности между Россией и Украиной» [69], — отмечает газета и указывает на то, что растущее в Крыму напряжение может привести к массовому кровопролитию между сторонниками Украины и пророссийскими активистами.

Однако на пике конфронтации Украине и России удалось прийти к совместному решению о судьбе флота, и «горький вопрос о будущем Крыма» был если не решен, то отложен. 24 июня Сергей Шмеман в статье «Главные российско-украинские споры разрешены» на страницах «Нью-Йорк Таймс» рассказывает о том, что на встрече в Дагомысе Борис Ельцин и Леонид Кравчук достигли широкой договоренности по главным вопросам, которые отравляли отношения между их странами после распада Советского Союза — в том числе, по вопросу о том, кому принадлежит Черноморский флот.

«Вечерние телевизионные новости показали Ельцина, прогуливающегося по пирсу вдоль моря, обнимающего Кравчука и говорящего: «Смотрите, как мы близки» [134], — пишет Сергей Шмеман. «Соглашение в Дагомысе означает начало фундаментального поворота в отношениях двух больших государств» [134], — цитирует издание слова, сказанные Леонидом Кравчуком на совместной пресс-конференции.

Тем не менее, до окончательной нормализации ситуации было очень далеко. Об этом свидетельствует публикация «Моряки подняли мятеж и передали корабль Украине», появившаяся в «Нью-Йорк Таймс» 22 июля.

«Фрегат береговой охраны Черноморского флота поднял украинский флаг и ушел из военно-морской базы в Крыму в украинский порт Одессу, преследуемый другими боевыми кораблями» [130], — рассказывает издание. «Россия и Украина продолжают ссориться из-за того, как разделить Черноморский флот, насчитывающий около 300 кораблей» [130], — констатирует газета.

4 августа Селестин Болен рассказывает о том, что в соответствии с новым соглашением, достигнутым Борисом Ельциным и Леонидом Кравчуком, «Черноморский флот, который является символом и источником напряжения между Россией и Украиной» [45], будет оставаться под общим командованием двух стран до 1995 года.

«Встретившись в Крыму, недалеко от Ялты, два президента появились рука об руку перед телевизионными камерами, сигнализируя об окончании обмена угрозами и конфликтными президентскими указами» [45], — пишет издание.

Это соглашение «должно успокоить население России, Украины и Крыма, а также офицеров Черноморского флота» [45], — цитирует «Нью-Йорк Таймс» президента Украины Леонида Кравчука.

Соглашение рассчитано на трехлетний период, после чего Россия и Украина примут решение о разделе флота и его активов, рассказывает газета, однако замечает, что в соглашении не говорится, как именно будет разделен флот. За спором из-за флота лежит «кипящая проблема Крыма», автономного региона в составе Украины, большинство населения которого русские» [45], — констатирует издание.

Как уже говорилось, соглашения в Дагомысе и Ялте действительно несколько снизили напряжение в Крыму, однако отнюдь не поставили точку в спорах вокруг Черноморского флота, которые будут оставаться одной из главных украино-российских проблем на протяжении всей постсоветской истории.

1.4. Девяностые: Крым между Украиной и Россией

Главные опасности, которые видят в этот период в Крыму американские СМИ, — возможный конфликт между регионом и Киевом, в который может вмешаться Москва, а также межэтнический конфликт между славянским и крымско-татарским населением полуострова.

Уже тогда, в начале девяностых годов прошлого века, самые проникательные американские эксперты и журналисты прекрасно понимают: **Крым входит в состав Украины по историческому недоразумению и в силу этого обстоятельства будет стремиться к воссоединению с Россией**, что неизбежно приведет к серьезному российско-украинскому конфликту.

1 июня 1992 года «Вашингтон Пост» публикует статью «Крым подхватил вирус суверенитета; регион хочет свободы от Украины».

«Крым, любимый царями, поэтами и генеральными секретарями Коммунистической партии, возможно, самая опасная точка потенциальной конфронтации, потому что она касается чувств двух самых влиятельных членов Содружества — России и Украины» [74], — пишет газета.

26 июня 1992 года в этом же издании появляется публикация «Самое интересное развитие событий в бывшем Советском Союзе происходит за пределами России». В этой статье можно обнаружить показательную метафору: «Украина находится на лезвии ножа потенциального конфликта с Россией из-за Крыма» [72].

16 августа 1992 года «Лос-Анджелес Таймс» публикует статью: «Перетягивание каната (по-английски это звучит более зловеще

— tug of war) в Крыму вновь открывает старые раны этнического противостояния: желанный черноморский полуостров снова охвачен политическим перекрестным огнем».

«Крым возбуждает души: русскую, украинскую, татарскую. Станет ли Крым независимым государством? Воссоединится с Россией? Или останется с Украиной, но с большей автономией?» [30] — задается вопросом издание.

20 июня 1993 года «Вашингтон Таймс» прямо указывает на вероятность гражданской войны в Крыму. В статье «Украинские риски растут» газета рассказывает о четырех гражданских войнах на территории бывшего СССР — в Азербайджане (Нагорный Карабах), Грузии, Молдавии и Таджикистане и пишет о том, что события в Крыму могут развиваться по похожему сценарию. «Тысячи убитых. Намного больше искалеченных и вынужденных стать беженцами», — напоминает медиа о развитии событий в других конфликтных регионах бывшего СССР [153].

В 1994 году в Крыму проходят выборы первого и пока последнего президента автономии, которые уверенно выигрывает про-российский кандидат Юрий Мешков, рассматриваемый американскими СМИ как сепаратист и националист.

Пожалуй, в девяностых именно на этот год приходится наибольшее количество публикаций, в которых американские медиа выражают обеспокоенность вероятностью вооруженного конфликта в Крыму. 8 января 1994 года журналистка «Нью-Йорк Таймс» Джейн Перлез в публикации «Голосование в Крыму приводит к росту региональной напряженности» рассказывает о выборах президента Крыма. Перлез пишет:

«Эти выборы — не просто выборы президента Крыма, новый титул и должность которого направлены на то, чтобы дать Крыму ауру отделения от Украины. Эта кампания — о будущих связях Крыма с Россией».

По мнению журналистки, «отколовшийся Крым, присоединившись к России, может вызвать эффект домино в других регионах Украины, особенно в Донбассе, где большинство населения составляют этнические русские» [116]. Согласитесь, сегодня, после событий Крымской весны, этот материал читается почти как пророчество.

«Американский Крым»: обман зрения

«Украинский интеллектуал Тарас Кузьо недавно написал статью для Института международных исследований в Лондоне, в которой он утверждает, что Крым может стать для Европы следующей Боснией, — рассказывает газета. — Западные дипломаты в столице Украины Киеве называют крымские выборы бомбой замедленного действия для Украины» [116].

«Если пророссийские силы выигрют, цитирует «Нью-Йорк Таймс» источники в окружении тогдашнего кандидата в президенты Крыма Николая Багрова, война будет развязана украинскими националистическими силами в парламенте, которые не будут терпеть такого унижения» [116].

«Такие прогнозы могут быть просто горячей предвыборной риторикой, — замечает журналистка, — однако украинцы здесь говорят, что они взволнованы этими разговорами» [116].

Через четыре дня, 12 января 1994 года, «Вашингтон Таймс» пишет:

«Русские называют Крым «бриллиантом в короне», украинцы — «орденом на груди планеты». Если бы две эти страны воевали, это было бы из-за Крыма» [59].

26 января 1994 года «Нью-Йорк Таймс» в статье «Руководитель ЦРУ обзревает мировые горячие точки» рассказывает об оценках тогдашнего директора ЦРУ Роберта Джеймса Вулси. Его больше всего беспокоят военное строительство в Северной Корее, возможность разрушительной гиперинфляции в России и политическое и этническое напряжение в Крыму, которое может расколоть Украину.

«Господин Вулси сказал, что потенциальный политический кризис лежит в растущем сепаратистском движении в Крыму, единственном регионе Украины, где этнические русские составляют большинство. Их стремление к воссоединению с Россией угрожает расколоть опережающую республику» [159], — пишет издание.

И это уже не просто мнение репортера влиятельной газеты, а точка зрения руководителя крупнейшей разведывательной спецслужбы в мире.

30 января 1994 года «Лос-Анджелес Таймс» публикует статью американского эксперта по ситуации в бывшем СССР Эжена Румера, в которой автор предлагает модель поведения правительства США по отношению к Крыму.

По мнению эксперта, Вашингтон должен быть готов противостоять любым сепаратистским требованиям в Крыму и подтвердить свое обязательство защищать территориальную целостность Украины.

«США должны также донести до России свою заинтересованность ситуацией в Крыму и апеллировать к российским политикам, чтобы они использовали свое влияние для того, чтобы успокоить ситуацию» [126], — пишет Румер.

31 января 1994 года в «Нью-Йорк Таймс» появляется публикация «Сепаратист выигрывает крымское президентство». Эта статья отсылает читателей к новостной программе на российском телевидении, которая называлась: «Станет ли Крым следующим Нагорным Карабахом или Абхазией?» Это были две самые кровавые гражданские войны со времени коллапса Советского Союза, в которых были убиты тысячи людей, напоминает издание. В этой же публикации «Нью-Йорк Таймс» цитирует 45-летнюю крымчанку Аллу Иванову, этническую украинку, которая говорит: «Я тоже хочу жить лучше, но я не хочу гражданской войны» [137].

14 марта 1994 года в «Нью-Йорк Таймс» появляется концептуальная статья «Заговор для того, чтобы вернуть обратно Украину», которая предлагает стратегию поведения Соединенных Штатов Америки в сложившейся ситуации. «Украина — независимая страна, хотя многие русские неохотно признают этот факт», — пишет издание. По его мнению, сторонники жесткой политической линии из российской армии и КГБ жаждут вернуть Украину обратно.

«Их стратегия — возбудить гражданские протесты, начиная с Крыма, который является частью Украины. Подрывая территориальную целостность Украины, сторонники жесткой линии надеются уничтожить независимость республики», — пишет издание. — «Эта стратегия может привести к гражданской войне и разрушить власть Бориса Ельцина и его коллег-реформаторов в России» [150].

«События в Крыму выглядят зловеще — как стратегия «разделяй и властвуй», которой сторонники жесткой линии в России придерживались в Молдавии и Грузии, где русские сепаратисты, при участии перебежчиков в армии и КГБ, объявили независимость и попросили Россию защитить их» [150], — пишет издание.

«Американский Крым»: обман зрения

В этой ситуации Вашингтон может стать связующим звеном в споре между Украиной и Россией.

«Он может призвать Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе гарантировать права меньшинств по обе стороны границы. Он может призвать Украину и Россию гарантировать совместное экономическое развитие в сильно русифицированной восточной Украине и соседней России. И он может направить американскую помощь на эти цели. Короче, США могут попытаться убедить украинцев и русских сконцентрироваться на экономическом развитии, а не на этнической идентичности, и дать им возможность улучшить их общую участь в жизни» [150].

15 марта 1994 года в «Вашингтон Таймс» появляется прямая параллель между событиями в Боснии и в Крыму.

«Параллели между неразделенной Боснией и постсоветской Украиной являются поразительными. Приближающиеся украинские выборы, с растущими признаками национального радикализма и сепаратизма, спонсируемого Россией, могут привести Украину к конфликту, более опасному чем балканский» [148].

14 мая 1994 года «Вашингтон Пост» пишет:

«В соответствии с мнением множества аналитиков, включая ЦРУ, сепаратистские настроения в Крыму — и похожие настроения в восточно-украинских регионах — формируют пороховую бочку, которая угрожает как российско-украинским отношениям, так и стабильности внутри Украины» [79].

30 мая 1994 года Алессандра Стэнли в публикации «Крым ведет войну нервов с Украиной», опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», пишет:

«Много крымчан уверенно прогнозируют, что компромисс для того, чтобы сгладить конфликт, будет найден. Однако некоторые беспокоятся о том, что кипящее в регионе этническое и националистическое напряжение, если оно не будет контролироваться, может превратить тихий полуостров у Черного моря, известный своими солнечными и праздничными санаториями, в следующую Боснию или Нагорный Карабах» [145].

2 июня 1994 года «Нью-Йорк Таймс» утверждает:

«Спор между Киевом и Крымом грохочет начиная с 1992 года; он разразился вскоре после коллапса Советского Союза, создав потенциальную горячую точку, непосредственно затрагивающую Россию» [154].

12 сентября 1994 года «Вашингтон Пост» утверждает:

«Крым является горячей точкой с момента распада Советского Союза и особенно со времени избрания в январе президентом Юрия Мешкова на платформе требования большей автономии от Украины и более тесных связей с Россией... Мешков и парламент привели Крым на грань гражданской войны, приняв конституцию, расцененную Киевом как равносильную декларации о независимости» [120].

Эту же опасность видят и эксперты, в частности, Самюэль Хантингтон, который в своей книге «Столкновение цивилизаций» достаточно подробно анализирует крымские события 1994 года, говоря о том, что именно тогда на полуострове был впервые после распада СССР поднят вопрос об отделении от Украины:

«В январе 1994 года жители Крыма избрали президента, чья предвыборная кампания велась под лозунгом «единства с Россией». Это заставило некоторых поднять вопрос: «Станет ли Крым следующим Нагорным Карабахом или Абхазией?» [27, с.257].

Всплеск интереса к Крыму со стороны американских медиа в начале девяностых годов прошлого века обусловлен таким мощным катализатором, как распад Советского Союза. Накладывало свой отпечаток на происходящее и возвращение на полуостров крымских татар, а вместе с ним — изменение межнациональной и межконфессиональной ситуации в регионе. Все эти обстоятельства сделали ситуацию в Крыму взрывоопасной. Неслучайно, пожалуй, именно с этого времени, с момента распада СССР, многие эксперты начинают рассматривать полуостров как потенциальную горячую точку.

При этом мы видим, что **уже тогда западным наблюдателям очевидна глубокая, неразрывная историческая связь Крыма с Россией**, которая ставит под сомнение как будущее этого региона в составе Украины, так и будущее самой Украины в ее неорганичных, неестественных постсоветских границах.

Фактически, противоречия, описанные в публикациях американских СМИ начала девяностых, получили свое разрешение во время событий Крымской весны 2014 года, завершившихся

воссоединением полуострова с Россией. Всю эту четверть века «кипящая проблема Крыма» оставалась предметом пристального внимания транснациональных СМИ, а в начале 2014 года и вовсе превратила регион в эпицентр мировой политики.

Однако пока вернемся в год 1995. После политического разгрома Юрия Мешкова и его команды ситуация в Крыму стабилизируется. Украину, «успокоившую» Крым, ставят в пример России, как раз в это время истекающей кровью в Чечне. 21 марта 1995 года в «Вашингтон Таймс» появляется статья «Украинский урок для новой России». Если в России президент Ельцин пытается «под дулом пистолета» «заставить чеченцев остаться под российской оккупацией», то, по контрасту с этим, «довольно похожие сепаратистские действия в соседнем Крыму в сердце Украины не привели ни к каким кровавым последствиям» [156].

Похожую мысль можно обнаружить и в «Нью-Йорк Таймс». 11 мая 1995 года это издание замечает: «В отличие от московской кровавой непопулярной войны в восставшей Чечне, Киев сумел спокойно ненасильственно сдержать сепаратистский регион Крыма» [146].

Таким образом, после разрешения острого политического кризиса 1994 года Украина становится своеобразным примером того, как можно мирно урегулировать ситуацию в конфликтном регионе. Окончательный раздел флота и подписание в 1997 году так называемого Большого договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Украиной стабилизируют отношения между двумя странами, и вообще, кажется, что «крымский узел» развязан. Однако, как мы знаем сегодня, это иллюзия. Более того, если уход Крыма из состава Украины весной 2014 года оказался практически бескровным, то развернувшаяся вслед за этим гражданская война на Донбассе по своим масштабам и количеству жертв вполне сравнима с войной в Чечне.

1.5. От «тузлинского кризиса» до «войны 08.08.08»

Отчетливый сигнал о том, что «крымский узел» не развязан и не разрублен, звучит в 2003 году, когда между Украиной и Росси-

ей разворачивается конфликт из-за крохотного островка Тузла в Керченском проливе. Естественно, это противостояние не могло не привлечь внимания американских медиа, пристально следящих за взаимоотношениями между двумя крупнейшими обломками бывшего СССР.

3 ноября 2003 года «Лос-Анджелес Таймс» публикует материал «Российско-украинские связи разрушаются на берегу крошечного острова; Тузла, с ее стратегическим положением, неожиданно стала яблоком раздора» [107]. Издание отмечает, что в момент распада Советского Союза вопрос о принадлежности Тузлы казался незначительным, однако обострился годы спустя.

Новые противоречия между Украиной и Россией вспыхивают после избрания президентом Украины националиста Виктора Ющенко. 30 января 2006 года в «Вашингтон Пост» появляется статья Маши Липман «Рискуя еще одной славянской войной». Среди тем, которые поднимаются в этой публикации — конфликт между Украиной и Россией из-за расположенных в Крыму гидрографических объектов и спор из-за российско-украинской границы в Керченском проливе [94].

24 марта 2006 года ту же тему поднимает «Нью-Йорк Таймс» в статье «Этнические и культурные разногласия преследуют Украину перед выборами».

«В январе Украина оккупировала один из флотских маяков в Ялте, утверждая, что Россия использует их незаконно, и спровоцировав таким образом войну слов и новый раунд переговоров», пишет издание.

«Вашингтон Пост» цитирует «близкого союзника Виктора Ющенко, олигарха» Петра Порошенко, который «жаловался недавно, что сторонники языкового референдума пытаются превратить Крым в сателлита России».

«Посмотрите, что произошло в Абхазии при поддержке России», — сказал Порошенко, апеллируя к черноморскому региону в Грузии, который стал сепаратистским анклавом с помощью России после кровавой войны в начале 1990-х годов. «Земля почти такая же красивая как Крым, и они имеют сотни тысяч беженцев. Это не развитие» [108].

«Американский Крым»: обман зрения

Еще громче «кавказские аналогии» зазвучали летом 2008 года. Именно в этот период фиксируется следующий резкий всплеск интереса к Крыму со стороны американских медиа. Он обусловлен таким мощным катализатором, как война между Российской Федерацией и Грузией, вошедшая в историю как «война 08.08.08».

Вскоре после ее окончания Крым посетили журналисты сразу целого ряда известных американских газет — «Лос-Анджелес Таймс», «Вашингтон Пост» и других. Вот неполный перечень американских изданий, на страницах которых обсуждалась ситуация на полуострове: «Нью-Йорк Таймс», «Лос-Анджелес Таймс», «Лос-Анджелес Кроникл», «Вашингтон Пост», «Вашингтон Таймс», «Чикаго Трибьюн», «Ньюсуик», «Уолл-Стрит Джорнал», «Крисчен Сайнс Монитор», «Интернешнл Геральд Трибьюн», «Форбс», «Стратфор» и другие.

Всех их интересует по большому счету один вопрос: вероятность повторения юго-осетинского сценария в Крыму. Так, к примеру, 29 сентября 2008 года «Лос-Анджелес Таймс» опубликовала статью Меган Стэк «Крым: напряжение в украинско-российских отношениях нарастает». Газетный репортер лично побывала в Крыму для того, чтобы рассказать читателям о своих впечатлениях и выводах. Вкратце их можно свести к следующему:

«Жители Севастополя и остальной части Крымского полуострова поддерживают тесные связи с Москвой, и аналитики полагают, что Украина может распасться, если ее лидеры оттолкнут Россию» [144].

1 октября 2008 года в «Вашингтон Таймс» появляется публикация «Россия вторгнется на Украину?»

«Как сообщается, Россия недавно выдала 7 миллионов паспортов на Украине. Точно такая же процедура была осуществлена в Грузии перед атакой российских войск 7 августа, за которой последовало недавнее заявление Кремля о том, что Россия имеет право вмешиваться в любую страну, где может быть угроза ее гражданам. Российские войска могут вторгнуться в Украину и потребовать часть ее территории, такой как Крым» [161].

12 октября 2008 года «Вашингтон Таймс» продолжает эту же тему в статье Джеффри Кюнера «Следующая европейская война?»

«Европа стоит перед риском еще одной большой войны. В 1939 году вторжение нацистской Германии в Польшу привело к началу Второй мировой войны. Сегодня возможный trip wire это не Польша, а Украина. И агрессором будет не Адольф Гитлер, а российский премьер-министр Владимир Путин. Под его железной хваткой Россия стала гангстерским государством» [90], — пишет автор.

«К сожалению, Украина снова находится перед лицом российской агрессии. Только на этот раз не со стороны марксизма-ленинизма, а со стороны мессианского национализма» [90], — утверждает Кюнер.

По его мнению, «Украина, как и Грузия, презираема кремлевской ксенофобской элитой по одной простой причине — она стремится вырваться из авторитарной московской хватки. В ответ Россия пытается дестабилизировать Украину».

«Главная цель Москвы — вырвать Крымский полуостров из-под контроля Киева», — утверждает автор. — «Однако Украина — это не Грузия; это большая мощная в военном отношении страна, которая помнит о длительном периоде российского господства. Любая попытка расчленения Украины со стороны Москвы встретила бы яростное сопротивление. Это привело бы к кровавой российско-украинской войне» [90].

Клиффорд Леви в статье «Лужков — рука Кремля за границами России», опубликованной на страницах «Нью-Йорк Таймс» 22 октября 2008 года, задается вопросом, должна ли Россия попытаться востребовать назад весь Крым или Севастополь у Украины?

«Крым не зеркальное отражение Южной Осетии, мятежного анклава Грузии, ставшего предлогом для продвижения российских солдат и танков вглубь грузинской территории. . . Автономный парламент Крыма придерживается украинской конституции и подчиняется Киеву. Однако есть и определенные черты пугающего сходства с сепаратистскими областями Грузии. . . , — пишет журналист. — В Крыму, как и в Южной Осетии, широко распространена неколебимая лояльность по отношению к России. Больше половины крымчан — этнические русские, и больше 70 процентов говорят по-русски, а не по-украински. Жители Южной Осетии ненавидят союзного США лидера Грузии Михаила Саакашвили, а в Крыму многие терпеть не могут Ющенко, активно добивающегося вступления Украины в НАТО» [92].

25 мая 2009 года влиятельный американский журнал «Тайм» публикует статью Джеймса Марсона «Путин — Западу: руки

«Американский Крым»: обман зрения

прочь от Украины». Вывод, к которому приходит журналист, звучит так:

«Возникают опасения, что после военного вторжения в Южную Осетию в августе прошлого года Россия может обратить внимание на принадлежащий Украине полуостров Крым, где основную часть населения составляют русские и где размещается российский Черноморский флот» [100].

Причем эти русские, по мысли американских медиа, симпатизируют России, а не Украине. Еще большую тревогу за будущее Крыма вселяет опубликованное газетой «Балтимор Сан» «фото дня», на котором крымские «подростки проходят подготовку в военном учебном лагере под руководством местных казачьих организаций в горах Крыма в районе города Бахчисарай» [124]. Фотография и подпись под ней вызывают у читателей двойное впечатление. Дети на фото отнюдь не отдыхают в лагере, а пробираются вброд через реку с огнестрельным оружием в руках. И это снова напоминает нам о том, что Крым очень часто рассматривается политиками, экспертами и журналистами как потенциальная горячая точка.

Большинство публикаций в американских СМИ, рассказывающих о ситуации в Крыму в этот период, акцентируют внимание на возможности войны в регионе. При этом их авторы **симпатизируют Киеву и рассматривают Россию как враждебное государство.**

Редким исключением из этого правила является разве что статья старшего научного сотрудника и директора Центра мира и свободы Независимого института Ивана Эланда «Не пускайте Украину в НАТО», которая увидела свет на страницах «Лос-Анджелес Кроникл» 20 мая 2009 года. По мнению Эланда, вступление Украины в НАТО не соответствует интересам не только России и Украины, но и Соединенных Штатов.

«Для Соединенных Штатов любое противостояние с Россией, вызванное вовлечением Украины в НАТО, может в конечном итоге приобрести ядерный характер, что поставит под угрозу выживание нации, — пишет Эланд. — Более того, как показала российско-грузинская война августа 2008 года, далекие Соединенные Штаты,

скорее всего, оказались бы бессильны против России, даже если она использует на своих задворках только обычные силы. Для Соединенных Штатов прием Украины означал бы почти невыполнимое обязательство по защите страны, которая мало чем может обогатить военный потенциал альянса» [62].

«Вступая в НАТО, Украина должна подумать о подобном шаге дважды, — утверждает Эланд. — Полагаясь на бумажные гарантии, даваемые членством в НАТО, Украина по вполне естественным причинам будет нагнетать напряженность в отношениях с Россией из-за таких вопросов, как Крым, газ и прочее. Но если на Украине к власти придет безрассудный лидер наподобие президента Грузии Михаила Саакашвили, то он или она может воспользоваться натовским щитом, чтобы спровоцировать войну с гораздо более сильной Россией. Такой лидер слишком поздно обнаружит, что со стратегической точки зрения Украина гораздо ближе соседней России, чем далеким Соединенным Штатам, и что Соединенные Штаты не готовы идти на риск ядерной войны ради защиты Украины» [62].

После обострения, связанного со страхами перед повторением в Крыму юго-осетинского сценария, отношения между Украиной и Россией вновь на некоторое время нормализуются. Во многом этому способствует приход к власти в Киеве в 2010 году условно «пророссийских» политических сил во главе с Виктором Януковичем. Именно тогда, в частности, был подписан договор о продлении базирования Черноморского флота России в Севастополе до 2042 года. Однако ни украинская националистическая политическая «элита», ни покровительствующий ей Запад не могли с этим смириться. Иллюстрацией настроений американских СМИ того периода является статья уже упоминавшегося выше Джеффри Кюнера «Украина выживет?», опубликованная в «Вашингтон Таймс» 18 ноября 2010 года [91]. В этой публикации автор развивает мысль о том, что после прихода к власти президента Виктора Януковича и продления сроков базирования Черноморского флота России в Севастополе Украина превращается в государство, находящееся под протекторатом России.

Как мы знаем теперь, попытки вырвать Украину из-под этого «протектората» в 2014 году приведут к потере Крыма и Донбасса и фактическому распаду страны.

«Американский Крым»: обман зрения

Американские СМИ конца XX — начала XXI века, рассказывая о ситуации в Крыму, акцентируют внимание на конфликтном потенциале региона и возможности гражданской войны или другого вооруженного конфликта, способного привести к распаду Украины.

При этом вплоть до событий Крымской весны можно выделить несколько пиков повышенного внимания американских медиа к ситуации на полуострове.

Это:

1992 год — период сразу после распада СССР, связанный с неопределенностью статуса полуострова и неопределенностью судьбы Черноморского флота бывшего Советского Союза;

1994 год — период после победы на президентских выборах в Крыму Юрия Мешкова, связанный с так называемым крымским сепаратизмом и возможным отделением Крыма от Украины и присоединением его к России.

2003 год — конфликт между Украиной и Россией из-за острова Тузла в Керченском проливе.

2008 год — период после войны 08.08.08, связанный со страхами перед повторением в Крыму юго-осетинского сценария.

Пристальное внимание американских СМИ к полуострову обусловлено сразу целым рядом причин, среди которых:

- ✓ базирование в Крыму Черноморского флота Российской Федерации;
- ✓ претензии на Крым, которые время от времени предъявляли радикальные политические силы в России;
- ✓ мощное пророссийское политическое движение в регионе;
- ✓ стратегическое географическое положение полуострова в Черноморском регионе;
- ✓ сложная история Крыма, который на протяжении долгих лет входил в состав России и лишь в 1954 году волею исторических судеб был передан Украине;
- ✓ сложный этнический состав населения региона, который характеризуется подспудным противостоянием между славянским населением и крымскими татарами;

- ✓ сосуществование, и тоже не всегда мирное, на полуострове двух мировых религий: христианства и ислама;
- ✓ исторические симпатии большинства русскоязычного населения региона к России.

С другой стороны, у регионов третьего мира (а «украинский Крым» относился именно к таковым) есть не очень много шансов оказаться в центре внимания крупных мировых средств массовой информации. И главные из них — война, революция, стихийное бедствие или большая техногенная катастрофа.

Пример Крыма в этом смысле вполне показателен.

Давайте вспомним традиционные позитивные представления о полуострове «до нашей эры», имея ввиду — до 2014 года.

Итак, Крым — это:

- 1) мост дружбы между Украиной и Россией, регион, который связывает две эти страны неразрывными историческими, культурными, языковыми, ментальными нитями.
- 2) крупный туристический регион, бывшая всесоюзная здравница, который в перспективе способен конкурировать с ведущими европейскими и мировыми курортами.
- 3) перекресток цивилизаций — греческой, скифской, римской, турецкой, русской.

Однако эти и другие конструктивные образы Крыма, увы, были очень мало востребованы крупными зарубежными медиа. **Чаще всего Крым интересовал их как очаг напряженности, противостояния между Россией и Украиной, между славянами и крымскими татарами, как очаг сепаратизма и потенциальная горячая точка на карте мира.**

Если же вдруг западные журналисты все-таки брались за какую-то мирную крымскую тему, то получалась тоже не очень привлекательная картинка.

Всего один пример. В 2006 году в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья «Joining the tucoons at a Black Sea playground in Crimea». На русский язык это можно перевести приблизительно так: «Присоединившись к олигархам на черноморских курортах Крыма» [141].

«Американский Крым»: обман зрения

Что же увидел автор этой публикации — Андрей Сливка — у нас на полуострове? Свою статью он начинает с чеховской цитаты:

«В рассказе «Дама с собачкой» Антон Чехов, житель Ялты, обращает внимание на две особенности приморской толпы в этом знаменитом крымском курортном городе: «Пожилые дамы были одеты, как молодые, и было много генералов» [141].

«Сегодня генералов в этом черноморском городе немного, однако старая благоухающая Ялта снова, после длительного перерыва советской эры, место, куда восточноевропейские «денежные классы» едут расслабиться, — пишет автор. — Это на самом деле музей под открытым небом новых русских и украинских нравов. Олигархи с бычьими шеями посасывают кубинские сигары, их оживленные подруги покачиваются на высоченных шпильках. Случайный «Бентли» катит сквозь толпу пешеходов рядом с Приморским парком. Повсюду среди городских улочек гудят и свистят казино» [141].

Любопытно, что практически такая же картинка бросилась в глаза другому журналисту «Нью-Йорк Таймс», Стивену Эрлангеру, в тепер уже совсем далеком 1992 году.

«Этот традиционный курорт простых людей и коммунистических королей слишком дорог сегодня для обыкновенного посетителя, однако для предприимчивого поколения новых бизнесменов это место, которое они выбирают для того, чтобы покрасоваться», — писал Эрлангер в своей статье «Блеск справа, кич слева, нувориши едут в Крым» [63].

«Для женщин, днем это мини-юбки или теснейшие лосины из мерцающих тканей и, у бассейна, крошечные бикини, высокие каблуки и солнцезащитные очки. Ночью, в забитых шумных ресторанах и новых стриптиз-шоу, это микроскопические коктейльные платья» [63], — описывал Эрлангер господствующую в Крыму манеру одеваться (или раздеваться) и замечал, что Карл Маркс называл тот период, который переживают Украина и Крым, «периодом примитивного накопления капитала».

Впрочем, вернемся в 2006 год.

«Однако блеск — это только одна, и поверхностная, сторона этого города с населением около восьмидесяти тысяч человек — в Крыму, как и везде в бывшем Советском Союзе, это выясняется очень быстро, — замечает Андрей Сливка. — Достаточно пройти несколько кварталов от ялтинской набережной, и обнаруживается, что красивый старый город находится в упадке. Стены обваливаются, штукатурка осыпается» [141].

Даже в туристическом очерке не обходится без политики:

«Кроме того, Крым — это по преимуществу бедное, проблемное место даже по украинским стандартам. За пределами Южного берега и даже вдоль него это арена, на которой этнические русские, составляющие подавляющее большинство населения полуострова, и коренные татары — мусульмане, возвращающиеся сейчас после массовой сталинской депортации, осторожно всматриваются друг в друга. Нынешняя весна видела татарские протесты против России и пророссийские протесты против НАТО» [141].

Автор в скобках замечает, что Крым стал частью Украины в 1954 году, когда Никита Хрущев в качестве «подарка» передал административный контроль над полуостровом Украинской Советской Социалистической Республике, и рассказывает о том, что основным языком на полуострове является не государственный украинский, а русский.

Как полагает Сливка, преобладающее настроение в Крыму: развлекайся здесь и сейчас, потому что, как свидетельствует история, в любой момент это может закончиться.

«Западные посетители этого замечательного места со средиземноморским климатом, конечно, не нуждаются в том, чтобы беспокоить себя всеми этими деталями. Однако с другой стороны, почти все, что можно увидеть, если вы сбежите с ялтинских галечных пляжей, так пропитано «русскостью» или «татарскостью», что вы можете невольно получить отличные знания о крымской раздвоенной богатой культурной реальности» [141], — пишет газета.

Особенно пристальное внимание «Нью-Йорк Таймс» уделяет татарскому колориту Крыма.

«Хорошее место для того, чтобы оценить татарские корни Крыма — Бахчисарай, древний город в залитых солнцем горах к северо-западу от Ялты, туда можно совершить хорошее однодневное путешествие с курорта. . . Из этого пыльного горного места татарские ханы под патронажем их оттоманских сюзеренов в Стамбуле управляли полуостровом на протяжении столетий, прежде чем Екатерина Великая завоевала Крым для ее империи» [141].

Еще один татарский «оазис» нью-йоркский гид обнаружил на вершине Ай-Петри:

«Американский Крым»: обман зрения

«Вы неожиданно оказываетесь среди татар, которые построили на плато обслуживающий туристов лагерь, что так же очаровательно, как и неожиданно» [141].

«Во время моей последней поездки на Ай-Петри я провел несколько часов в комплексе маленьких ресторанов и крытых террас, попивая сладкое домашнее вино, пережидая один из частых на побережье ливней» [141], — описывал Сливка.

Ему было определенно невдомек, что, во-первых, «очаровательный туристический лагерь» на Ай-Петри существовал вне закона и способствовал уничтожению этого действительно уникального места, а во-вторых, что он, Андрей Сливка — «lucky man», чудом избежавший пищевого отравления, ибо можно себе представить, какой бурдой напоили его ай-петринские шалманщики под видом «сладкого домашнего вина».

Упоминает «Нью-Йорк Таймс» и знаменитую Ялтинскую конференцию. «Во время Ялтинской конференции 1945 года Черчилль назвал побережье, которое тогда представляло собой выжженное поле сражения, «ривьерой царства мертвых» [141], — замечает газета и описывает придающие Крыму «призрачность» артефакты советской эпохи — развалины «брутальных советских санаториев», памятники Ленину, которые еще стоят в Ялте и других крымских городах, а также ялтинский гастроном №1 на улице Краснова, в котором можно за 75 центов купить стакан молочного коктейля.

Среди «царского наследия» «Нью-Йорк Таймс» выделяет «впечатляющий, наполовину мавританский, наполовину шотландский дворец крымского генерал-губернатора XIX века Михаила Воронцова» и «более трогательный» Ливадийский дворец.

«Снаружи семьи расположились на лужайках, поедая мороженое и попивая квас, очень мягкий алкогольный напиток, продающийся из больших стоящих на улице бочек, — описывает автор нравы, царящие среди аборигенов. — Внутри дворца, сразу после того, как вы минуете экспозицию, посвященную проходившей здесь Ялтинской конференции, вы оказываетесь в личных покоях царской семьи, которая едва успела завершить строительство дворца в 1911 году, перед тем, как ее свергли. Николай II мог быть реакционным наследником отвратительной династии, но экспонаты на выставке волнующие. Дружелюбный царь и его очаровательные дочери пристально смотрят с роскошных фотографий, всего за несколько лет до страшной смерти» [141].

Вот таким выглядит туристический Крым на страницах «Нью-Йорк Таймс». Блеск справа, кич слева, разруха — за спиной. Дворец татарского хана и дворец российского императора. Памятники Ленину. Тени Черчилля и Рузвельта.

1.6. Крымская война: полтора века спустя

Последовательно примеряя к Крыму современные конфликтные сценарии, западные СМИ одновременно регулярно используют в своих материалах исторические аналогии с Восточной (Крымской) войной из вроде бы далекого XIX века. Пожалуй, это главный образ из прошлого, с помощью которого осмысливается ситуация в регионе.

Восточная (Крымская) война 1853-1856 годов занимает особое место в истории России и Запада. Она завершилась больше полутора веков назад, но до сих пор остается в поле внимания ученых, публицистов и средств массовой информации. Не случайно американские и европейские медиа и сейчас часто описывают борьбу за полуостров со ссылками на те вроде бы уже очень далекие события.

В известном смысле, **сегодня идет новая Крымская война между Западом и Россией**, лишь методы ее стали более изощренными и технологичными.

Крымская война оставила на Западе глубокий исторический след. Иллюстрацией тому — например, карта Франции, где в предместье Парижа можно обнаружить городок Малакоф, названный так в честь Малахова кургана, или площадь Альму в самом Париже. Есть крымские топонимы в Великобритании, в Австралии, в Америке. Так что пусть те же американцы не притворяются, им прекрасно известно, что Крым и Севастополь — это русская земля. Доказательства, повторимся, на карте их собственной страны. В США есть сразу несколько Севастополей — в Калифорнии, Висконсине, Индиане, Миссури. Причем, что любопытно, эти насе-

лённые пункты получили своё название в честь защитников города русской славы. Тогда, в дни Крымской войны 1853-1856 годов, США сохраняли нейтралитет, а несколько десятков американских врачей-добровольцев оказывали помощь раненым русским солдатам и матросам «плечом к плечу» с Николаем Пироговым и Дашей Севастопольской. Увы, сегодня времена изменились. Американские власти, следуя украинскому примеру, переписывают историю собственной страны, сбрасывая с постаментов «героев вчерашних дней» — Роберта Ли, Джефферсона Дэвиса, Пьера де Борега и других. Так что, неровен час, дело дойдёт и до переименования «американских севастополей» — чтобы не напоминали, что город, в честь которого они названы, всегда был частью России.

Другой фактор, обуславливающий обилие аллюзий на события Крымской войны в современных западных СМИ, заключается в том, что именно во время той кампании стали формироваться технологии информационных войн, достигшие своего расцвета в начале нынешнего, XXI века. Иначе говоря, можно сказать, что информационная война за Крым началась как раз тогда, в середине XIX столетия.

«Крым стал тем полигоном, на котором впервые были обкатаны технологии информационной войны, отныне ставшей таким же видом боевых действий, как и все остальные, разве что крови проливалось меньше, — констатирует крымский исследователь Сергей Ченнык. — Этому способствовали прежде всего два фактора: возрастание скорости прохождения информации, происшедшее благодаря появлению такого технического новшества, как электрический телеграф, и появление штатных корреспондентов СМИ на театрах военных действий». [16, с.14].

Да-да, именно в Крыму, в дни Восточной войны, делала первые шаги европейская военная журналистика. Редактор лондонской «Таймс» Джон Дилейн отправил освещать военные действия на полуострове журналиста Уильяма Рассела — первого военного корреспондента в истории британской прессы.

«Репортажи Рассела с места боев вдохновляли поэтов, строки его репортажей становились крылатыми выражениями, а его разоблачения военных и политических кругов привели к отставке правительства и к смене военного руководства» [2, с.41].

«Деятельность Рассела на поприще военного репортажа в Крыму стала одним из трех знаковых «столпов» Восточной войны для Британии. Вторым стала атака Легкой бригады под Балаклавой 25 октября 1854 года, но не как военное событие, а как сюжет одноименного эпического творения Теннисона, третьим — подвижничество Флоренс Найтингейл» [16, с.17].

Если Уильям Рассел был первым пишущим военным корреспондентом, то другой британец, Роджер Фентон, стоял у истоков военной фотожурналистики. И это тоже происходило на фронтах Крымской войны. В 2011 году «Сан-Франциско Кроникл» и «Нью-Йорк Таймс» публикуют рецензии на книгу известного американского кинорежиссера-документалиста Эррола Морриса «Верить значит видеть: размышления о мистических фотографиях», автор которой посвятил целую главу двум загадочным фотографиям Крымской войны, «принадлежащим объективу» Роджера Фентона.

«В 1855 году, — пишет Моррис, — британский фотограф Роджер Фентон... был послан... фотографом на продолжающуюся в Крыму войну между британскими, французскими и турецкими силами с одной стороны и Россией с другой. Вместе с помощником Джоном Спарлингом он сделал 360 фотографий, из которых пара фотографий «Долины смерти» является самой знаменитой» [47], — читаем мы в рецензии «Сан-Франциско Кроникл».

Накануне Крымской войны российский канцлер Карл Нессельроде в письме посланнику в Лондоне Филиппу Бруннову от 2 января 1853 года предсказал, что Россия будет воевать одна против всего мира. Так и вышло в действительности. При этом обратите внимание на параллели с современной ситуацией, когда Россия почти в одиночку противостоит всему «цивилизованному миру», считающему Крым украинской территорией.

В 1854 году лондонская «Таймс» писала:

«Хорошо было бы вернуть Россию к обработке внутренних земель, загнать москвитов вглубь лесов и степей».

В том же году Джон Рассел, лидер Палаты общин и глава Либеральной партии заявил:

«Надо вырвать клыки у медведя... Пока его флот и морской арсенал на Черном море не разрушен, не будет в безопасности Константинополь, не будет мира в Европе» [12, с.59].

«Американский Крым»: обман зрения

А премьер-министр Великобритании лорд Палмерстон умудрялся представлять в английских СМИ войну в поддержку мусульманской Турции против православной России войной за... христианские ценности. Примерно так же западные медиа будут поддерживать в конце XX — начале XXI века чеченских исламских террористов в качестве «борцов за свободу» от «тоталитарной России».

В свою очередь в российских средствах массовой информации в ответ также развернулась широкая антизападная пропагандистская кампания. Упомянем здесь хотя бы популярное сатирическое стихотворение В.П. Алферьева:

«Вот в воинственном азарте
Воевода Палмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом» [1].

«Давно уже война висела в воздухе, теперь она сорвалась и все более и более разгорается в людях. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов... Они самым серьезным образом вменяют ей в преступление и относят на ее счет столь известное изречение по поводу какого-то животного: оно было столь свирепо, что защищалось, когда на него нападали. Что же до вероятного исхода борьбы, весь вопрос для меня сводится к следующему: окажется ли ненависть к нам Запада, как Запада католического, так и Запада революционного, в конечном счете сильнее ненависти, которая их разделяет? Весь вопрос в этом...» [24, с.155], — писал в одном из писем великий русский поэт Ф.И. Тютчев.

И далее, в другом письме:

«Вопреки всему — рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно произойти. И вызвано это столкновение не одним скаредным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюристе, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это — вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток» [24, с.160].

И это лишь несколько примеров. Крымская война отразилась в творчестве многих русских писателей, поэтов, мыслителей той

эпохи — Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, А.С. Хомякова, Ф.Н. Глинки, П.А. Вяземского, А.К. Толстого, А.Н. Майкова и других.

Тогда, в середине XIX века, Запад не смог «вырвать клыки у русского медведя», не смог отнять у него Крым. Отчасти это удалось позже, после распада СССР, однако события Крымской весны восстановили статус-кво в Причерноморье, и сегодня Запад снова одержим задачей полуторавековой давности.

Образы Крымской войны довлеют над американскими и западноевропейскими средствами массовой информации, описывающими борьбу за полуостров со ссылками на те исторические события.

28 декабря 2005 года авторитетная американская газета «Уолл-Стрит Джорнал» опубликовала статью «Новая Крымская война». Ее авторы, директор программы для России и Евразии в Фонде Карнеги за международный мир Андерс Аслунд и основатель международной неправительственной организации «Оранжевый круг» Адриан Каратницкий рассказывали читателям о российско-украинском газовом конфликте и попытках Киева выдавить из Крыма российский Черноморский флот.

«Судя по сенсационным заголовкам в средствах массовой информации Москвы и Киева, эти две страны находятся на пороге войны. Яблоком раздора являются энергоносители — конкретно, сколько именно контролируемый Кремлем «Газпром» будет брать с Украины за природный газ в 2006 году» [31], — писало издание.

9 января следующего, 2006 года, в британской «Индепендент» появилась статья «Новая крымская война: как Украина дала отпор Москве». Ее автор журналист Эндрю Осборн рассказывал о том, как из-за газового спора «прогремели первые залпы в битве за то, чтобы избавить украинские воды от присутствия Москвы» [111] и напоминал, что Севастополь хорошо известен на Западе благодаря Крымской войне.

До войны тогда дело не дошло, но сам этот художественный, технологический и политический прием — сравнение современной ситуации с Крымской войной 1853-1856 годов — продолжает активно использоваться американскими и европейскими средствами массовой информации.

«Американский Крым»: обман зрения

Вот еще несколько примеров.

13 мая 2009 года в американском издании «Глобал Политишн» появилась статья известного заокеанского эксперта, бывшего научного сотрудника Стэнфордского, Гарвардского и Оксфордского университетов Андреаса Умланда «Ждать ли нам новой Крымской войны?»

Анализируя ситуацию в Крыму, Умланд утверждал, что «агрессивные фракции в империалистических кругах постсоветской Москвы хотели бы рано или поздно аннексировать Крым — а то и весь юго-восток Украины» [157].

«Многие из этих ультра националистов готовы даже немедленно начать войну ради подобной цели» [157], — писал эксперт. При этом, по его мнению, даже «простого нагнетания страстей вокруг судьбы военно-морской базы в Севастополе, положения русскоязычного большинства населения Крыма в рамках украинского государства, или прав татарского меньшинства в Автономной Республике Крым может оказаться достаточно, чтобы пролилась кровь. После этого политическая «цепная реакция» в Киеве и Москве, мобилизация общественности и взаимные обвинения быстро поставят две крупнейшие страны Европы на грань вооруженной конфронтации» [157].

«Результат войны в Крыму, — заявлял Умланд, — будет катастрофическим. В худшем случае, подобно двум чеченским войнам, такое развитие событий приведет к гибели тысяч жителей Крыма (в том числе этнических русских) и длительной международной изоляции России» [157].

Еще через два дня, 15 мая 2009 года, на сайте «Радио «Свобода» появилась статья профессора университета Сан-Франциско Андрея Цыганкова «Предотвращение новой Крымской войны».

«Российско-грузинская война в августе 2008 года серьезно осложнила отношения России с Западом, — писал автор. — Если бы республиканский кандидат в президенты, сенатор от Аризоны Джон Маккейн выиграл в минувшем ноябре выборы в Соединенных Штатах, две страны могли перейти на следующий уровень конфронтации — возможно, военной природы» [151].

По словам Цыганкова, члены политической команды Маккейна активно лоббировали вступление Грузии в НАТО. И если бы их усилия увенчались успехом, и на момент конфликта в Северной Осетии в августе 2008 года Грузия была членом НАТО, то США и Россия автоматически оказались бы в состоянии войны.

Экономический кризис заставил нового американского президента Барака Обаму сосредоточиться на внутренних проблемах, однако «конфронтация между Соединенными Штатами и Россией на Кавказе еще может произойти» [151], — предупреждал ученый.

Как видим, образ Крымской войны применительно к современной реальности достаточно последовательно используется в США в частности и в Западном мире в целом. Активная апелляция медиа к событиям более чем полуторавековой давности означает, что, с одной стороны, они живы в историческом сознании, исторической памяти западного общества, а с другой, что Крым по-прежнему является одним из ключевых стратегических регионов, за который идет серьезная борьба между ведущими мировыми державами.

Ответ на вопрос о том, что значит для Западного мира Крымская война 1853-1856 годов, мы можем отыскать в газете «Нью-Йорк Таймс». 8 июля 2011 года на страницах этого авторитетного издания появилась статья, которая так и называется: «Почему Крымская война имеет значение». Ее автор, профессор Принстонского университета Гэри Басс, рассказывает о том, какое значение имели для мира события, разворачивавшиеся на полуострове и вокруг него более полутора столетий назад.

«Крымская война, в которой погибли 750 тысяч солдат и неизвестное количество гражданских лиц, разрушила почти четыре десятилетия мира в Европе. Она воспламенила соперничество России с Османской империей на Балканах, создав запал для Первой мировой войны» [39], — пишет ученый.

Рецензируя книгу известного британского историка Орландо Файджеса «Крымская война: история», Басс характеризует Крымскую войну как переломный момент в истории Европы и Ближнего Востока.

«Это был первый пример современной войны с использованием новых промышленных технологий, современных винтовок, паровых кораблей и железных дорог, современных форм логистики и коммуникации — таких как телеграф, важных инноваций в военной медицине, военной журналистике и фотожурналистике» [39], — утверждает Басс вслед за Файджесом.

Еще один аспект, на который обращают внимание ученые: Крымская война была во многом войной религиозной. Не случайно оригинальное британское название книги Файджеса: «Crimea: The Last Crusade» («Крым: последний крестовый поход»). Правда, это был крестовый поход Запада не против мусульманской Оттоманской империи, а против христианской православной России.

Напомним, одним из поводов к началу Крымской войны действительно стал спор между Россией и Францией за ключи от Церкви Рождества Христова в Вифлееме, который в то время входил в состав Оттоманской империи. В 1852 году турки отобрали ключи от храма у православной общины и передали их католикам. В ответ российский канцлер Нессельроде от лица Николая I заявил, что Россия «не потерпит полученного от Османской империи оскорбления».

Файджес придает большое значение, с одной стороны, религиозному соперничеству между Россией — защитницей православных в Оттоманской империи и Францией — защитницей католиков. С другой стороны, он рассматривает Крымскую войну на фоне религиозного конфликта между христианами и мусульманами на Балканах, на юге России и на Кавказе. При этом здесь, думается, уместно напомнить, что религиозный конфликт между христианами и мусульманами на Балканах, на юге России, на Кавказе и в Крыму в том или ином виде существует до сих пор.

По мнению британского ученого, российским императором Николаем I во многом руководили именно религиозные мотивы — находясь под влиянием идей панславизма он решил захватить Молдавию и Валахию и поддержать восстание славян против османов.

На религиозную природу Крымской войны указывает и упоминавшийся выше Андрей Цыганков.

«Последнее военное противостояние между Россией и Западом в этом регионе имело место около 150 лет назад как эскалация конфликта из-за святых мест и прав православных христиан в Оттоманской империи», — пишет он в своей статье «Предотвращение новой Крымской войны» [151].

«В последний год (речь идет о 2008 году — автор.) Россия снова продемонстрировала готовность защищать тех, кто исторически к ней тяготеет. Кремль вме-

шался в то, что он видит как использование Грузией силы против одной из мятежных провинций» [151], — замечает Цыганков, «наводя мосты» между событиями полуторавековой давности и современностью.

По мысли ученого, как в 1853 году Россия взяла под свою защиту Молдавию и Валахию, так в 2008 году она взяла под защиту Южную Осетию и Абхазию. Правда, в этот раз, к счастью, дело не обернулось большой войной, хотя западные страны и пытались оказать давление на Россию для того, чтобы изменить курс Кремля.

«Тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс сравнила российскую роль в войне на Кавказе с советским вторжением в Чехословакию в 1968 году, а вице-президент Дик Чейни призвал наказать Россию за ее агрессию. После начала боевых действия несколько натовских кораблей вошли в Черное море, официально — для того, чтобы доставить гуманитарную помощь, а на самом деле — чтобы устрасить Россию» [151].

Сейчас мы имеем дело с похожими процессами. Ведущие мировые державы — США и Европейский Союз опасаются усиления позиций России как в Причерноморье, так и в мире в целом, зримо вызвавшегося в возвращении Крыма.

«... Многие на Западе продолжают разделять русофобскую позицию лорда Палмерстона, видя слабость России как важный фактор, способствующий утверждению американских и европейских интересов в регионе» [151].

И в 1853-1856 годах и сегодня перед нами — в первую очередь, противостояние двух политических миров. Как полагают Файджес и Басс, Крымская война была столкновением между политическими системами: британский либерализм против российского абсолютизма.

«Когда началась Крымская война, — пишет Файджес, — британская публика увидела в ней защиту таких «британских принципов», как «свобода, цивилизация и свободная торговля» [39]. «Свободомыслящие британцы (также как и многие французы, презиравшие удушающее правление Наполеона III) ужасались российскому деспотизму и кровавому подавлению либеральных революционеров в Польше и Венгрии» [39].

Не правда ли, эта риторика очень напоминает риторику Запада по отношению к России сначала в годы советской власти, а теперь и в годы президентства Владимира Путина.

По Файджесу, тогда, в середине XIX века, Британия была озабочена тем, что Россия угрожает свободе и цивилизации. Причем, по мнению ученого, эта извечная британская озабоченность сказала и век спустя, когда между Западом и Советской Россией развернулась так называемая холодная война.

Холодная война завершилась три десятилетия назад, однако Крымская война по-прежнему «остаётся тревожаще актуальной» [39], полагают Файджес и Басс. Несмотря на усилия президента США Барака Обамы по перезагрузке отношений с Россией, «структурные условия для конфронтации супердержав... сохраняются» [151]. «...Таким образом, развитие событий в направлении еще одной Крымской войны еще только предстоит предотвратить» [151].

Сравнение событий Крымской войны с современной ситуацией возникает в американских и европейских СМИ прежде всего в периоды резкого обострения российско-украинских отношений — будь то, к примеру, раздел Черноморского флота в начале 1990-х годов, конфликт из-за острова Тузла в 2003 году, газовые войны второй половины 2000-х годов, вооруженный конфликт в Южной Осетии и, конечно, события весны 2014 года, о чем более подробно мы поговорим в следующих главах работы.

С одной стороны, эти сравнения носят стихийный характер и обусловлены желанием журналистов и экспертов привлечь внимание к своим статьям резкими, пугающими, бросающимися в глаза образами и заголовками. А с другой, как мы видели в ходе анализа, для этих параллелей есть и более серьезные, «нехудожественные» причины — ибо как и 150 лет назад Крым по-прежнему остается местом столкновения двух политических систем: Запада и России.

ГЛАВА 2. «НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ» ОБРАЗА КРЫМА В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

2.1. «Русский компонент» образа Крыма

В современном мире представления о той или иной стране, о том или ином регионе в значительной степени формируются не в результате личного опыта, а опосредованно — с помощью медиа. Подавляющее большинство жителей Западного мира, как представителей политической и культурной элиты, так и простых граждан, никогда не были в Крыму, однако в их сознании существует образ этого региона, сформированный средствами массовой информации.

При этом анализ публикаций ведущих печатных СМИ США показывает, что **образ Крыма в американских медиа — это образ спорной территории между Украиной и Россией, потенциальной горячей точки**, на которую постоянно «примеряют» сценарии различных конфликтов — чеченского, абхазского, приднестровского, косовского; а после 18 марта 2014 года — и вовсе образ незаконно оккупированного Россией региона суверенной Украины.

Между тем, в современном мире образ того или иного государства или региона — это один из основных ресурсов, который определяет их политическую, экономическую и социокультурную перспективу. Иначе говоря, от сложившегося в западных медиа (и шире — в западном сознании) образа Крыма часто зависит принятие тех или иных важных решений, политическая стабильность, туристическая и инвестиционная привлекательность региона.

Вне всяких сомнений, одной из существенных характеристик, формирующих образ Крыма в западных медиа, является неразрывная историческая, культурная, языковая и этническая связь региона с Россией. Представления о России распространяются

на представления о Крыме. Образ России (часто — негативный), сложившийся в западных медиа, оказывает существенное влияние на формирование образа Крыма — до весны 2014 года как русского этнического, языкового и культурного анклава на Украине, а сейчас как аннексированного Россией региона, где якобы угнетаются представители других, нерусских народов — прежде всего, украинского и крымско-татарского.

В последние годы в научном обороте появляется достаточно много работ, исследующих образ или имидж государств и регионов. Назовем хотя бы таких авторов, как Гавра Д. П., Галумов Э. А., Замятин Д. Н., Киселев И. Ю., Почепцов Г. Г., Савицкая А. С., Таранова Ю. В. Однако в то же время исследования этих и других ученых носят либо общий теоретический характер, либо изучают другие государства и регионы.

Как справедливо отмечает Д. П. Гавра, в современной научной литературе представлены две противоположные точки зрения на соотношение понятий «образ» и «имидж». Согласно одной из них, это два принципиально разных понятия, где образ — это продукт собственной психической активности субъекта, связанной с освоением информации об объекте, а имидж — продукт внешней имиджевой деятельности других субъектов, навязанный данному субъекту. Вторая точка зрения, наоборот, опирается на отождествление понятий образа и имиджа [8].

Оставив в стороне запутанные теоретические дискуссии о том, что такое имидж и что такое образ и чем они друг от друга отличаются, скажем, что в рамках нашего исследования мы понимаем под образом государства (региона) совокупность эмоциональных и рациональных представлений об этом государстве или регионе. В нашем случае это совокупность эмоциональных и рациональных представлений о Крыме, которые отражаются в публикациях ведущих американских средств массовой информации.

При этом, опираясь на работы Э. А. Галумова, можно сказать, что всякое государство (регион) есть уникальный по набору конгломерат ценностей, национальных интересов, специфических особенностей географического положения, характеристик вну-

тригосударственной экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов и обычаев, эволюционирующих в перманентно развивающемся сообществе людей. И каждый из этих компонентов так или иначе участвует в формировании образа того или иного государства или региона [9].

Образ государства (региона) формируется на протяжении многих десятилетий (часто — столетий) и **поддается корректировке с большим трудом.**

Негативный образ Крыма в западном сознании начал формироваться очень давно. Как мы уже отмечали, борьба за полуостров между ведущими политическими игроками идет с незапамятных времен. Стратегическую важность региона осознавали еще древние греки, основавшие на его берегах такие города-государства, как Херсонес, Пантикапей, Феодосия.

Крым был форпостом России в ее противостоянии с Западом в годы Крымской войны. С тех пор прошло более полутора веков, однако борьба за полуостров, то утихая, то разгораясь с новой силой, продолжается и до сих пор.

Если моделировать некий собирательный образ Крыма в публикациях американских СМИ последних трех десятилетий, то полуостров предстает как регион, занимающий важное географическое и геополитическое положение в Причерноморье. При этом многие публикации акцентируют внимание на драматичной истории Крыма (борьба за полуостров между Османской империей и Россией, Крымская война 1853-1856 годов, Вторая мировая война, холодная война за Крым между Украиной и Россией после распада Советского Союза и, наконец, воссоединение полуострова с Россией в 2014 году, упорно оценивающееся западными медиа как аннексия или оккупация). Среди других ключевых характеристик, которые выделяют западные СМИ, — сложный этнический состав с преобладанием русского и русскоязычного населения и в то же время наличием достаточно многочисленного крымско-татарского населения.

«Американский Крым»: обман зрения

Русская составляющая, «русский компонент», по мнению западных СМИ, играет существенную роль в формировании образа Крыма. Даже в украинский период истории полуострова они признавали, что исторически этот регион является российской территорией:

«Украинские требования являются территориальными: Крым является частью Украины с 1954 года, когда он был передан из-под юрисдикции России Киеву, отчасти из соображений административного удобства. Требования России — исторические, многие русские, живущие здесь и составляющие более 70 процентов четырехсоттысячного населения города (имеется в виду Севастополь — автор.), до сих пор сохраняют глубокую эмоциональную связь с Россией» [45].

Среди важнейших особенностей Крыма, которые выделяют западные СМИ, — тот факт, что большинство населения полуострова составляют этнические русские:

«За спором из-за флота лежит «кипящая проблема Крыма», автономного региона в составе Украины, большинство населения которого русские» [45].

И еще:

«Господин Вулси сказал, что потенциальный политический кризис лежит в растущем сепаратистском движении в Крыму, единственном регионе Украины, где этнические русские составляют большинство. Их стремление к воссоединению с Россией угрожает расколоть оперяющуюся республику» [159].

При этом крымчан связывают с Россией тесные исторические, политические, культурные и родственные узы. Прочитируем здесь еще раз статью репортера «Лос-Анджелес Таймс» Меган Стэк от 29 сентября 2008 года «Крым: напряжение в украинско-российских отношениях нарастает»:

«Жители Севастополя и остальной части Крымского полуострова поддерживают тесные связи с Москвой, и аналитики полагают, что Украина может распасться, если ее лидеры оттолкнут Россию» [144].

Собственно, именно так и произошло несколько лет спустя, когда после государственного переворота 22 февраля 2014 года украинские власти окончательно встали на путь конфронтации с

Россией и притеснения прав русскоязычного большинства населения Крыма.

«В Крыму, как и в Южной Осетии, широко распространена неколебимая лояльность по отношению к России. Больше половины крымчан — этнические русские, и больше 70 процентов говорят по-русски, а не по-украински» [92], — констатирует «Нью-Йорк Таймс» еще в 2008 году, сразу после так называемой войны 08.08.08.

Особенно подчеркивают американские журналисты русскость Севастополя, который они описывают как форпост России в Крыму. Вот как, к примеру, делает это Алекс Родригес в статье «Российская проблема Украины», опубликованной в «Чикаго Трибьюн»:

«На его уставленных киосками бульварах и набережных почти все говорят по-русски. В центре города на нескольких зданиях развеваются российские флаги. В сувенирных лавках продаются бейсболки с надписью «Севастополь — город русской славы» [122].

При этом по крайней мере часть американских репортеров остается в плену лубочных представлений о России и русских. Характерным выглядит в связи с этим финал статьи уже упоминавшейся нами Меган Стэк на страницах «Лос-Анджелес Таймс»:

«Российские моряки и православные священники сидят вместе за длинным столом и опрокидывают водку стопку за стопкой, произнося при этом эмоциональные тосты. Кажется, что сценка взята из времен царизма.

«Запад содрогнулся 150 лет назад, когда Россия обнажила свой меч, и Черное море стало красным от крови», — произнес священник Игорь Бебин, встав и подняв рюмку водки высоко вверх.

Это истинная правда. Как и то, что теперь, впервые за долгое время, меч России снова засверкал. Опасайтесь этого меча.

Русские чокнулись и выпили залпом» [144].

Для многих американских СМИ Россия — это «империя зла», государство, являющееся стратегическим противником США. Как отмечает Э. А. Галумов, «международный имидж России в различные эпохи был чаще негативным, чем позитивным. С ней ассоциировались агрессия, военно-полицейский режим, культурная отсталость и т.д. В досоветский период Россию представляли

«Американский Крым»: обман зрения

как «тюрьму народов» и «жандарма Европы», в советский период она стала «империей зла», в постсоветский период — царством нищеты, коррупции и преступности. Сегодня получают распространение новые стереотипы.

Так, например, **на постсоветском пространстве Россия предстает как внешняя угроза**, как чуждая сила, уже однажды нарушившая нормальное развитие «коренных народов», нанеся огромнейший ущерб репрессиями, русификаторской политикой и т.д.» [9].

Русофобия зародилась на Западе много веков назад. Ее историю можно вести, как минимум, со времени Великого церковного раскола 1054 года, когда православная Россия как наследница Византии стала главным антагонистом католического Запада. С тех давних пор свой вклад в демонизацию, а иногда и дьяволизацию России внесли Сигизмунд Герберштейн, Шарль Луи Монтескье, Жан Шапп д'Отрош, Сен-Марк Жирарден, Алексис де Токвиль, Астольф де Кюстин, Генри Джон Темпл Палмерстон, Арминий Вамбери, Брэм Стокер, Теодор Шиман, Пауль Рорбах, Макс Ленц, Фридрих Мейнеке, Ганс Делбрюк, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Уинстон Черчилль, Эрнст Нольте, Хэлфорд Маккиндер, Николас Спайкмен, Джозеф Маккарти, Джордж Кеннан, Рональд Рейган, Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Джон Маккейн, Джордж Сорос, Мадлен Олбрайт, Ричард Пайпс, Барак Обама, Хиллари Клинтон и многие-многие другие политики, историки, философы, общественные деятели Запада.

Русофобия как идеология, как система представлений и стереотипов сформировалась в Западной Европе, чтобы после окончания Второй мировой войны и переноса главного интеллектуального и военного центра Западного мира в США стать одним из краеугольных камней американской внешней политики. Ее эволюцию можно описать следующим образом:

«Внешняя политика Соединенных Штатов прошла огромный путь — от первых шагов юной, по преимуществу аграрной республики, составлявшей едва заметную величину на весах международной политики, до глобализма самой мощной миро-

вой державы, влияние которой ощущается практически во всех странах и регионах мира» [14, с.12].

«Благодаря своему завидному экономическому и геополитическому положению в конце Второй мировой войны Америка обрела новый статус — хозяйки мировой арены. В результате во время последовавшей Холодной войны между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического, Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит, и главы» [5, с.20].

После 1945 года русофобия становится наряду с мессианством одной из констант американской внешней политики, в русле которой следуют все крупнейшие национальные средства массовой информации. Представление об особой роли и предназначении США в мире, зародившееся еще в колониальный период, стало основой внешнеполитической идеологии США как страны, несущей в мир свободу и демократию.

«Формы реализации этой установки менялись... но одно всегда оставалось неизменным — убеждение в универсальности своих принципов, благодати американской мощи для мира и самих США и в необходимости цивилизаторской миссии Америки» [14, с.12].

На этом пути США совершенно сознательно не гнушались и не гнушаются прямым вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

«Соединенные Штаты и их союзники, по существу, нарушили суверенитет Сербии, Грузии, Украины, поддерживая демократические движения в этих странах посредством денежных вливаний, помощи советников и поддержки на выборах. Уважение традиционного суверенитета — позиция реалистов, несовместимая с революционной в конечном счете американской внешней политикой» [26, с.235], — замечает Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Америка на распутье».

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого столетия, да и в начале нынешнего века тоже США пытались цивилизовать и «дикую азиатскую Россию», однако довести эту «миссию» до конца им не удалось, и теперь они жаждут очередной попытки.

Современная американская русофобия с одной стороны является универсальной западной русофобией, а с другой — опирается

на синтез французской, английской и немецкой русофобий, имеющих более глубокие исторические корни.

Стереотипы о непонятном, деспотичном, недоразвитом, жестоком, полуварварском и, главное, мешающем гегемонии Запада Востоке пережили века и переносятся на современную Россию. Русофобия прочно укоренилась в западных правительствах, академических и медийных кругах и редакциях западных газет и разрослась сегодня до истерики и безумства. Фактически, **речь идет о идеологической войне, развязанной Западом против России и длящейся уже более тысячелетия.**

Русофобия — это инструмент, использующийся западными политиками для того, чтобы не дать России окрепнуть. Именно поэтому она становится особенно агрессивной в периоды усиления России, как это произошло, например, после окончания Второй мировой войны или после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году.

«Русофобия — предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к России или к русским, к их обычаям и культуре и даже к русскому языку», — формулирует швейцарский общественный деятель и журналист Ги Меттан в своей фундаментальной работе «Запад — Россия: тысячелетняя война» [13, с.46].

«Вот «символ веры» антирусской идеологии: Россия — отсталая, варварская страна, стоящая на низкой ступени развития, претендующая на чужие территории, стремящаяся вернуть себе былое господство и воспринимающая как должное деспотизм власти, который является национальной традицией. Соответственно, русские — существа узколюбые, склонные к национальному шовинизму, враждебные всему новому — то бишь, реакционеры, а кроме всего неотесанные грубияны и алкоголики; правда, временами у них случаются поэтические и художественные прорывы» [13, с.92-93].

При этом русофобия — не только набор стереотипов, затертых идей и клише. Это активная, заведомо враждебная позиция, «целью которой является если не нанесение прямого ущерба, то по крайней мере стремление ущемить «другого» в его правах. С этой точки зрения русофобия сродни расизму: во что бы то ни

стало принизить «другого», чтобы сподручней было над ним властвовать». [13, с.46-47]. По Меттану, русофобия присуща именно Западному миру и не характерна ни для Азии, ни для Африки, ни для Южной Америки, которые не видят в России могучего конкурента, препятствия на пути к мировому господству.

Збигнев Бжезинский в своей классической книге «Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы» предлагает разделить Россию на три части:

«Децентрализованная Россия была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавляемого тяжелой рукой московской бюрократии» [4, с.240].

Разделить, децентрализовать, уничтожить Россию — та задача, которая и сегодня остается на повестке дня США. И если это нельзя сделать военным путем, значит, на помощь придет «мягкая сила», теория которой была разработана Джозефом Наем — профессором Гарвардского института государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди, занимавшим в разное время ряд постов в американской правительственной администрации.

«Мягкая сила» дополняет «жесткую» и часто играет даже более важную роль в мировой политике и в борьбе государств. Она базируется на таких нематериальных ресурсах, как положительный имидж или репутация государства, его престиж, культура, язык, коммуникативные возможности и т.д., и т.п. Одним из мощнейших инструментов «мягкой силы» являются средства массовой информации. Симбиоз «мягкой» и «жесткой» силы Най позже назвал «умной силой» — smart power.

Еще один важный нюанс заключается в том, что без русской угрозы, без мифа о кровожадном русском медведе, о кагэбисте Путине, мечтающем вернуть утраченное советское могущество и утраченные советские территории Запад будет чувствовать себя

«Американский Крым»: обман зрения

«осиротевшим», потеряет важный инструмент для консолидации общественного мнения. Жизнь без врага оказывается невыносимой для современного Западного мира. Россия как будто самим богом ниспослана ему в качестве пугала, чтобы олицетворять образ врага, в борьбе против которого должны объединиться «просвещенные народы».

После распада СССР мышление Холодной войны никуда не исчезло.

«Цинично воспользовавшись ситуацией, мы сыграли на временной слабости России, чтобы сплотить шесть бывших сателлитов и три бывшие республики СССР — всем им Москва добровольно дала вольную — в союзе против Москвы, — пишет Патрик Бьюкенен. — Антиамериканизм свирепствует в России и не собирается ослабевать. Но Соединенные Штаты могут слегка исправить положение, прекратив обманывать себя и других насчет наших обязательств и интересов в Прибалтике, на Кавказе, в Центральной Азии и в самой России» [7, с.517-518].

По окончании Холодной войны «наша политическая элита не захотела снимать пьесу из репертуара после сорокалетнего «прогона», с Америкой в главной роли защитника Запада против могущественного и злобного «русского медведя» [7, с.520].

Как заметил по этому поводу классик современной американской литературы Джон Апдайк: «Без холодной войны какой смысл быть американцем?» [7, с.520].

«Если смотреть на вещи с этой точки зрения, то становится понятно, как выстраивается легенда, *storytelling*, которую Запад рассказывает сам себе, едва речь заходит о России. Постоянно совершенствуя, оттачивая свою антироссийскую риторику, Запад стремится возвыситься в собственных глазах, обрести уверенность в себе за счет принижения России. Тон задают, как правило, высоколобые интеллектуалы, академические верхи. И как только случается какой-нибудь кризис, подобный украинскому, масс-медиа, университеты, институты исследования международных отношений извлекают на свет божий допотопные клише и включают воображение, приглашая польских, балтийских, англосаксонских экспертов присоединиться к общему хору» [13, с.130].

В конце восьмидесятых годов прошлого века советник Михаила Горбачева по внешней политике академик Георгий Арбатов пошутил на переговорах с американцами: «Мы собираемся сде-

лать ужасную вещь... лишить вас врага». Увы, несмотря на свои высокие научные регалии, Арбатов, как, собственно, и Горбачев был человеком наивным. Он не понимал, что русофобия Запада направлена не против коммунизма, а против России — вне зависимости от политического строя. Еще хуже — точно также наивны были и большинство граждан СССР, поверивших в сказки о грядущей мировой гармонии. Как только уже капиталистическая Россия ушла от предательского, пораженческого курса девяностых, как только начала отстаивать, а не сдавать свои интересы, так тут же оказалась такой же плохой, как и Россия коммунистическая. Причем набор претензий оказался до оскомины прежним: деспотизм, экспансионизм, нарушения прав человека и т.д., и т.п.

За века русофобия стала, если можно так выразиться, «органичной» чертой западного человека. Он впитывает ее если не с молоком матери, то со страницами школьных учебников, антироссийскими голливудскими киноподелками, лекциями университетских профессоров и, конечно, репортажами и «аналитическими» материалами средств массовой информации (здесь правильное было бы написать — дезинформации или манипуляции). Иначе говоря, часто русофобия западных журналистов и редакторов является неосознанной.

«Я был как громом поражен, когда обнаружил, сколько предрассудков, сколько банальностей и предвзятых суждений формируют мнение основной массы западных СМИ. Чем больше я ездил по миру, чем больше разговаривал с людьми и читал, тем более глубокой виделась мне пропасть непонимания, разделявшая Западную Европу и Россию» [13, с. 20].

Европа, а вслед за ней и Америка пять веков подряд повторяет и развивает суждения и заключения, сделанные в XV-XVI веках первыми ступившими на русскую землю представителями «великой западной цивилизации».

«Ненависть к России превратилась в метод анализа, в критерий подхода, в удобную подушку, обеспечивающую тем, кто на ней прикорнул, академические лавры и журналистские успехи. Какой исследователь, какой журналист может сделать на Западе карьеру, разоблачая двойные стандарты и спасая доброе имя России?» [13, с.38].

«Американский Крым»: обман зрения

«В теперешней ситуации, в самый разгар украинского кризиса, заставившего ярких защитников «Запада» вконец потерять чувство реальности, оказаться в роли защитника России (или «Putin — Verstehet», как говорят в Германии) — вполне достаточно, чтобы получить волчий билет без надежды на реабилитацию. Одно только желание понять, что спровоцировало такую реакцию России, малейшая попытка выслушать другую сторону (*audiatur et altera parte*) расценивается главными редакторами периодических изданий, представителями интеллектуальных кругов и политиками едва ли не преступлением. Сами же они, едва открыв рот, раздражаются гневными филиппиками в адрес России» [13, с.38].

Как справедливо замечает Стивен Коэн, те, кто благосклонен к России, оказались на Западе в катастрофическом меньшинстве и лишены доступа к ведущим средствам массовой информации [51].

Увы, пресса поверхностна, она часто не дает себе труда глубоко вникать в суть событий. Такова одна из родовых черт медиа. Любые ситуации, любые события представляются в упрощенном, подчас карикатурном виде; мир делится на хороших и плохих парней, роль которых сегодня чаще всего играют именно русские, понимая это слово даже не в национальном, а в политическом «значении». Журналисты часто просто механически, не осознавая этого, воспроизводят уже существующие клише и стереотипы. При этом их используют в своих целях другие, более «глубокие» политические силы.

В американских СМИ на образ Крыма переносятся многие негативные представления и стереотипы об СССР и России. Недаром в свое время говорили, что Крым — это Советский Союз в миниатюре.

В 1992 — 2014 годах Крым политически и культурно тяготел к России и противостоял стремившейся к интеграции с Западным миром Украине. Этнические русские, составлявшие большинство населения полуострова, находились в конфликте (иногда скрытом, а иногда и открытом) с крымско-татарским и украинским этническими меньшинствами. Крым неохотно перенимал

западные стандарты управления и ведения бизнеса, ему были (и остаются) присущи такие «исконно российские пороки», как господство бюрократии и коррупция. Можно сказать, что образ России отражался в образе Крыма как пророссийского сепаратистского региона Украины. Крым как бы наследовал негативные черты, которые присущи России в массовом западном сознании, формируемом и поддерживаемом прежде всего средствами массовой информации.

Надо сказать, что в известном смысле оценки американских медиа оказались верны. Крым был самым русским, самым пророссийским регионом той старой Украины, которой не стало 22 февраля 2014 года, и после прихода к власти в Киеве откровенных националистов просто «отчалил» к родным берегам.

Итак, образ России оказывает существенное влияние на формирование образа Крыма. Мощный «русский компонент», с одной стороны, много лет определял уникальность Крыма в составе государства Украина, а с другой, являлся конфликтогенным фактором, который приводил к противостоянию между Украиной и Россией, как это было при разделе Черноморского флота СССР, в ходе конфликта из-за расположенного в Керченском проливе острова Тузла, в дни войны между Россией и Грузией в августе 2008 года.

Апогеем этого процесса стало воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года.

Именно программный **отказ пришедших к власти в Киеве политиков националистического толка от русского языка, русской истории, русской культуры** стал одной из главных причин, по которой крымчане в 2014 году фактически единогласно приняли решение о «возвращении к родным берегам».

У Украины был только один шанс сохранить Крым в своем составе — уважать его право на свой язык, свою историю, свою культуру и сохранять дружеские отношения с Россией. Увы, этого не поняли ни Порошенко с Турчиновым, ни их западные кура-

«Американский Крым»: обман зрения

торы, хотя Самуэль Хантингтон «предупреждал» их еще в конце девяностых годов прошлого века:

«Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническими, религиозными и цивилизационными» [27, с.185].

«Крым в подавляющем большинстве населения является русским и был частью Российской Федерации до 1954 года, когда Хрущев, якобы в честь принятого Хмельницким 300 лет назад решения, передал его Украине» [27, с.255] — напоминал ученый.

По Хантингтону, Украина — государство, расколотое между униатским, националистическим, говорящим по-украински Западом и православным русскоязычным Востоком, а именно в таких государствах наиболее остро стоит вопрос идентичности, решение которого может привести к расколу страны:

«Расколотые страны, разделенные линиями разлома между цивилизациями, сталкиваются с особенно серьезными проблемами по поддержанию своей целостности» [27, с.207].

Линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных, проходит по Украине, отделяя униатский запад от православного востока, полагал исследователь. По его мнению, одним из наиболее вероятных вариантов развития ситуации выглядел раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России. Именно так, конечно, с определенными оговорками, и произошло, когда в 2014 году из Украины ушли Крым и Донбасс. При этом, по мнению ряда экспертов, процесс распада Украины в ее неорганичных советских границах еще не завершен.

«Когда приходит кризис идентичности, для людей в первую очередь имеет значение кровь и вера, религия и семья. Люди сплываются с теми, у кого те же корни, церковь, язык, ценности и институты и дистанцируются от тех, у кого они другие» [27, с.186].

«В расколотой стране основные группы из двух или более цивилизаций словно заявляют: «Мы различные народы и принадлежим к различным местам». Силы отталкивания раскалывают их на части и их притягивают к цивилизационным магнитам других обществ» [27, с.208-209].

Непонимание России и русских — те грабли, на которые Запад наступал не один раз. Еще Александр Сергеевич Пушкин сформулировал:

«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..» [15, с.209-210].

Крым в сознании русских людей всегда был (и останется) их землей. В качестве доказательства еще две цитаты из больших русских писателей. Первая — из Льва Николаевича Толстого:

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [22, с. 87] И: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» [22, с. 99-100].

В финале «Севастопольских рассказов» Лев Николаевич описывает чувства, с которыми русские по приказу командования покидали город в конце Крымской войны в 1855 году:

«Непонятно тяжело было для каждого русского первое впечатление этого приказа... Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимую горечью в сердце вздыхал и грозился врагам» [23, с. 204].

Много лет спустя другой великий русский писатель — Александр Исаевич Солженицын — похоже описал чувства русских после оставления Крыма и Севастополя в 1991 году:

«Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипло-

«Американский Крым»: обман зрения

матии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести» [18, с.81].

И Пушкин, и Толстой, и Солженицын, и десятки других больших писателей и поэтов всегда считали Крым частью России. Именно поэтому воссоединение полуострова с исторической, культурной, литературной родиной воспринимается абсолютным большинством выросших на великой русской литературе граждан России и жителей Крыма не как «аннексия» или «оккупация», а как восстановление попорченной когда-то исторической справедливости. В этом смысле и западным журналистам, и их «кураторам» хорошо бы перестать воспроизводить русофобские клише, вместо этого обратившись к изучению настоящей русской истории и культуры. Это позволило бы избежать многих недоразумений, а может быть и трагедий не только в прошлом, но и в будущем. Ибо, увы, иногда от незнания школьной программы проистекают грандиозные исторические катаклизмы.

2.2. «Крымско-татарский компонент» образа Крыма

Конфликтный потенциал Крыма определяется целым рядом факторов, особое место среди которых занимает наличие сравнительно многочисленного крымско-татарского населения. Это обстоятельство в значительной степени определяет ситуацию на полуострове на протяжении последних нескольких столетий. Даже в годы, когда подавляющее большинство татар находились в депортации за пределами Крыма, этот фактор продолжал влиять на ситуацию в регионе. Ну и, естественно, с новой силой проблема проявилась после возвращения крымских татар на родину.

На протяжении всего постсоветского периода «крымско-татарский вопрос» находится в сфере пристального внимания Западного мира и, соответственно, западных средств массовой информации. Тому есть несколько причин.

Во-первых, как уже говорилось, это действительно существенный конфликтогенный фактор в стратегически важном Причерноморском регионе.

Во-вторых, многие конфликты последних десятилетий на постсоветском и европейском пространстве имеют религиозную подоплеку — будь то, например, в Нагорном Карабахе, Чечне или Косово. Конфликт между христианами и мусульманами, да еще искусно подогретый политиками и средствами массовой информации, обладает серьезным разрушительным потенциалом.

В-третьих, история крымских татар отлично вписывается в «правозащитную систему ценностей», которую, во всяком случае на словах, поддерживают вслед за властями своих стран ведущие западные медиа. Крымские татары — сначала выселенные с полуострова тоталитарным сталинским режимом, а затем вынужденные много лет бороться за право вернуться на родину — воспринимаются в западных медиа как обиженные, как «маленький, но гордый народ», борющийся за право жить на родной земле. Кроме того, депортация целого народа, борьба за возвращение на родину, само возвращение и обустройство на «старом новом месте» — это драматическая «голливудская» история, которая хорошо продается аудитории. Ну и наконец, еще один важнейший нюанс — антикоммунистический, антисоветский, антироссийский характер этой истории. Антикоммунизм — это серьезная психологическая травма американского общества — еще со времен Гражданской войны в России и дальше — через годы Холодной войны, маккартизм, крестовый поход Рейгана и т.д., и т.п.

«Если корреспондент европейской газеты отправляется в Крым, то он едет туда не ради встречи с русскоязычными жителями Крыма, которые составляют 90 процентов населения полуострова, а чтобы сделать репортаж о «притеснениях крымско-татарского меньшинства» [13, с.375], — иронично констатирует Ги Меттан.

Впрочем, сейчас, после 2014 года, журналисты крупных западных СМИ не ездят в Крым в принципе, демонстративно не желая посещать «оккупированную территорию» и довольствуясь дезинформацией из Киева.

Крымские татары — удобная ставка, которая позволяет поддерживать в регионе антироссийское напряжение. Их пытаются превратить в своеобразную пятую колонну в Крыму, учитывая, что большинство населения полуострова чувствуют себя частью

Русского мира. Неслучайно в «украинский период» истории полуострова лидеры запрещенного сейчас в России Меджлиса любили повторять фразу о том, что единственные настоящие украинцы в Крыму — это крымские татары. Не случаен и политический союз украинских националистических сил — «Народного Руха Украины», «Нашей Украины», «Батькивщины» — с Меджлисом, который регулярно поддерживал их на выборах в разные органы власти.

Таким образом, одной из существенных характеристик, формирующих образ Крыма в современных западных медиа, наряду с неразрывной исторической, культурной, языковой и этнической связью этого региона с Россией, является наличие на полуострова сравнительно многочисленного крымско-татарского населения.

По данным последней «украинской» переписи населения региона, проводившейся в 2001 году, в Крыму проживало около 243 тысяч крымских татар, что составляло 12 процентов от всего населения полуострова. По российской переписи 2014 года их численность немного сократилась и составила 232 тысячи 340 человек или 10,57 процента.

Рассмотрим, как американские медиа описывают «крымско-татарский компонент» Крыма, на примере конкретных публикаций. Одна из опасностей, которая видится американским СМИ в Крыму, это опасность межнационального конфликта. Заокеанские газеты начали высказывать предположения о вероятности гражданской войны либо кровопролитных этнических конфликтов в бывшем СССР еще до официального распада страны. Примером тому — хотя бы публикация «Страшный кошмар Советов: этническая вражда» в газете «Чикаго Трибьюн» от 28 августа 1991 года. Статья рассказывает о том, что известный советский эксперт, профессор Геннадий Чуфрин тщательно рассмотрел вероятность повторения в СССР югославских событий и пришел к выводу: югославский конфликт может показаться незначительным в сравнении с вероятным межэтническим конфликтом в такой огромной стране, как СССР, где живет множество народов и этнических групп.

В Крыму главной линией вероятного этнического конфликта, естественно, выйдет конфликт между славянским и крымско-татарским населением.

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века в американских медиа формируется та крымско-татарская повестка дня, которая по большому счету остается неизменной до сих пор. В августе 1992 года «Лос-Анджелес Таймс» пишет:

«Перетягивание каната в Крыму вновь открывает старые раны этнического напряжения: желанный черноморский полуостров снова оказался под перекрестным политическим огнем» [30].

«Крым затрагивает души: русскую, украинскую, татарскую. Станет ли Крым независимым государством? Воссоединится с Россией? Или останется с Украиной, но с гораздо большей автономией?» [30] — задается издание вопросами, которые были актуальными до самого последнего времени, и указывает: «Среди двух с половиной миллионов человек, живущих на полуострове, больше всего русских, далее следуют украинцы и татары. У каждого народа есть своя общественно-политическая организация: пророссийское Республиканское движение Крыма, проукраинская организация «Крым с Украиной», Национальное движение крымских татар и Меджлис крымских татар» [30].

Приблизительно в то же время, летом 1992 года, в «Вашингтон Пост» появляется другая публикация на «заданную тему».

«Крым с его русским большинством и меньшинствами украинцев, татар, болгар, греков и других — перекресток и плавильный котел еще со времен античности. Но сегодня здесь, как и во многих других местах, жадность, национальная подозрительность и желание исправить исторические ошибки завязались в узел, который, кажется, невозможно распутать» [74], — пишет издание.

Главный редактор одной из крымских газет Геннадий Сяньков, которого цитирует автор публикации, Фред Хайетт, говорит, что другие регионы страны, где большинство населения составляют этнические украинцы, будут следовать за Крымом в борьбе за больший суверенитет:

«На Украине в целом зреет стремление к федерализации. После Крыма могут отделиться Донбасс и Западная Украина» [74].

«Американский Крым»: обман зрения

Сюньков — не пророк. Крым жил внутри этой проблематики все последние годы. Слабые места, опасные точки были хорошо видны всем — и медиа, и экспертам, и политикам, однако предотвратить политический кризис 2014 года в итоге все равно не удалось.

Судьба крымских татар стала одной из приоритетных крымских и шире — украинских тем американских медиа с момента возвращения татар из депортации.

Рассмотрим большую статью «Нью-Йорк Таймс» «Крымские татары, выселенные Сталиным, возвращаются домой», опубликованную 8 февраля 1992 года, где заявлен сразу целый ряд тем, которые будут затем из года в год подниматься в публикациях различных американских изданий.

Газета рассказывает о тяжелой жизни крымско-татарского народа. Материал начинается с зарисовки:

«На холодном и ветреном холме над Ялтой около 35 семей крымских татар строят эту деревню своими руками, вернувшись на землю, с которой их изгнал Сталин около полувека назад» [83].

Далее автор повествует о депортации крымских татар по обвинению в сотрудничестве с нацистами и их борьбе за возвращение на родину.

«Первые поселенцы вернулись назад, в Крым, в конце восьмидесятых, и к 1990 году струйка стала мощным потоком. Из приблизительно полумиллиона крымских татар 166.000 вернулись в Крым к 1 января, сказал Мустафа Джемилев, лидер крымско-татарского национального движения» [83].

Судьбе Джемилева, который провел 15 лет в советских лагерях, также посвящено несколько строк:

«Он был одним из пяти татар, которые провели первую протестную демонстрацию в Москве в 1969 году. Он вернулся в Крым в 1989 году и поселился в Бахчисарае, где с XV по XVII век жили татарские ханы, управлявшие Крымом как вассалы Османской империи, пока императрица Екатерина II не аннексировала регион в 1783 году» [83].

Этот исторический бэкграунд помещает современное общественно-политическое движение крымских татар внутрь сложной истории региона, показывает их наследниками Крымского ханства.

«Мы утверждаем свое право на весь Крым, — говорит Джемилев, — однако это не означает, что мы хотим кого-то выселить. На полуострове 2,5 миллиона человек, около 70 процентов из которых русские и 22 процента украинцы» [83].

«Татарские лидеры поддерживают нынешний статус Крыма как автономной республики в составе Украины и отрицают «шовинистические» российские претензии на регион, который Никита Хрущев передал из России в Украину в 1954 году» [83], — писал «Нью-Йорк Таймс», фактически обозначая ту же самую политическую проблематику, которая остается актуальной для теперь уже снова российского Крыма и сегодня.

Издание утверждает, что Джемилев обещает полное равенство всех религий, акцентируя внимание на том, что среди татар-суннитов нет тенденции к исламскому фундаментализму. И это еще одна важная линия возможного конфликта в Крыму, за которой будут пристально следить американские медиа на протяжении всех последующих лет — вероятность радикализации ислама и конфликта мусульман с христианским большинством населения полуострова.

В этой же публикации можно обнаружить еще одну сквозную крымскую тему американских медиа — описание материальных и бытовых трудностей, с которыми крымские татары сталкиваются после возвращения на родину, их противостояние с чиновниками и остальным населением полуострова в борьбе за земельные участки:

«Несмотря на обещания финансовой помощи из Москвы и Киева, Асан Чапук, лидер этого поселения, говорит, что до недавнего времени татары сталкивались только с притеснениями и препятствиями со стороны властей и все еще не получили от правительства денег на обустройство» [83].

«Мистер Чапук, инженер-строитель, рассказал, что татары поселились на этом холме после силового противостояния с государственным табачным хозяйством, которое владело земельным участком» [83].

«Американский Крым»: обман зрения

Наконец, последний тезис. По словам героя публикации, не смотря ни на что, ни у него, ни у членов его семьи никогда не было сомнений в необходимости возвращения на родину.

«Моя родина здесь, где родились мои предки. Там, откуда я приехал, родина узбеков» [83], — говорит он в финале.

Об ужасах депортации и трудностях возвращения на родину рассказывает еще одна большая публикация в «Нью-Йорк Таймс» от 3 августа 1993 года.

«Приблизительно через 50 лет после того, как Сталин выселил около 200 тысяч татар с их родины в Крыму, некоторые депортированные и множество их потомков вернулись из среднеазиатского изгнания с небольшим количеством вещей, но с решимостью вернуть то, что было отобрано у них во время одной из самых жестоких советских депортаций.

Татары, тюркский народ, усвоили воинственную установку здесь, в крымской столице, где также растет этническое напряжение между русскими и украинцами.

Под руководством Мустафы Джемилева, харизматичного 49-летнего политика, которому было семь месяцев, когда его и его семью депортировали, и который провел 15 лет в лагерях, татары ведут борьбу за политическое представительство, землю, право строить дома и доступ в школы» [115].

Причем, как свидетельствуют медиа, иногда в этой борьбе крымские татары прибегают не только к мирным методам.

«Вопреки их прежней ненасильственной позиции, татары жестко борются за свои требования. В прошлом году Джемилев мобилизовал тысячи людей в Симферополе на протесты против разрушения милицией крымско-татарского поселения. Здание парламента было забросано камнями. В июле, когда Николай Багров, бывший первый секретарь Крымской коммунистической партии, а сейчас глава крымского парламента, разгневанно сказал на пресс-конференции, что он отказывается рассматривать татарские требования о представительстве, Лиля Буджурова, популярная татарская тележурналистка, спросила: «Что мы должны делать? Снова забрасывать парламента камнями?» [115].

При этом следует отметить, что негативные стороны национального движения крымских татар не освещаются или практически не освещаются ведущими американскими медиа —

скорее всего, потому что не укладываются в удобную для них схематичную черно-белую картинку действительности.

Между тем, такие **негативные стороны, несомненно, имели и имеют место быть**. Здесь можно упомянуть и массовые захваты земли, и конфронтационные требования о создании национальной автономии, и неоднократные насильственные акции — столкновения с правоохранителями в Феодосии, штурм Свято-Успенского монастыря, массовые драки со славянами на Центральном рынке в Бахчисарае, так называемый крестоповал, резня в симферопольском клубе «Коттон» и ряд других событий.

«Органы печати отбирают ту информацию, которая соответствует общепринятой точке зрения. При этом, когда корреспонденты, находящиеся на месте событий, пытаются объяснить начальству, что реальность не соответствует их ожиданиям и надо внести коррективы, все усилия оказываются тщетны. Тут уж либо статья, не соответствующая редакционным требованиям, идет в мусорную корзину, либо журналист рискует потерять работу, либо (третий вариант) журналиста могут заподозрить в том, что он стал жертвой стокгольмского синдрома и начал симпатизировать злодеям. Итак, опровергнуть антирусский дискурс весьма непросто, тем более, если события уже отошли в историю и превратились в миф. Именно это и произошло в коллективном западном сознании» [13, с.395-396], — отмечает Ги Меттан

В описании американских СМИ крымские татары выглядят правыми даже во время столкновений с правоохранительными органами. Пример тому — освещение одного из самых острых конфликтов такого рода в Восточном Крыму в середине девяностых годов прошлого века.

«Сотни крымских татар, разгневанных коррупцией в милиции, столкнулись с правоохранителями в бунтах, которые распространились как минимум на шесть городов. Два человека были убиты и десять — ранены, — писала «Чикаго Трибьюн». — Около 600 татар, вооруженных палками, камнями и зажигательными бомбами, сожгли магазин, разбомбили ресторан и атаковали еще ряд магазинов во время волнений воскресной ночью. В одном городе они ненадолго взяли в заложники начальника милиции, но отпустили невредимым» [32].

«Американский Крым»: обман зрения

Украина официально легализовала возвращение крымских татар, рассказывают американские СМИ, «но радушие по отношению к приблизительно 200 тысячам татар, которые приехали из Узбекистана... меньше, чем ожидалось» [115].

«Десятилетия антитатарской пропаганды, давка за землю на желанном крымском побережье, где жило большинство татар, и региональное крымское правительство, в котором доминируют бывшие коммунистические бароны, привели к враждебности. В нескольких случаях на протяжении двух последних лет милиция силой разрушила татарские поселения» [115], — пишет «Нью-Йорк Таймс». И приводит пример: «В прошлом году они снесли татарские дома на том холме, — рассказала Шазиэ Сейдаметова, 37-летняя мать двоих сыновей, чья оливковая кожа, глубокие коричневые глаза и черные волосы демонстрируют напряжение тяжелого физического труда, который она и ее муж выполняют, чтобы построить временное жилище из грубых известняковых блоков. «Мы брали воду из соседней колонки, но на прошлой неделе власти ее перекрыли, и сейчас мы должны ходить намного дальше» [115].

Истории из жизни людей, свидетельства очевидцев — очень часто используемый журналистский прием, цели которого — во-первых, придать публикациям достоверность; во-вторых, передать не только информацию, не только факты, но и эмоции, создать эмоциональную связь между героями статей и читателями.

«Лос-Анджелес Таймс» описывает ужасные условия, в которых живут вернувшиеся на родину татары:

«В грязном поле на краю крымской столицы, очень далеко от последней автобусной остановки, 126 татарских семей живут в поселении без воды. Тем не менее, они бились с полицией за этот жалкий кусок родной земли, электричество — единственное удобство, которое у них есть» [46].

Почти каждый год в американских СМИ обязательно появляются публикации, приуроченные к годовщине депортации крымских татар. Вот пример одной из них, увидевшей свет в журнале «Тайм»:

«Пожилая женщина плачет на митинге крымских татар в центре Симферополя, посвященном годовщине сталинской депортации, — рассказывает популярный американский журнал. — Когда Шевкет Османов переехал на родину его семьи в 1987 году после того, как провел всю жизнь в Узбекистане, радушие, которое он получил, было не слиш-

ком бурным. «Люди были запуганы», — говорит Османов, который был частью первой волны крымских татар, вернувшихся в Крым во время перестройки в конце восьмидесятых годов. — «За десять дней перед Курбан-байрамом они закрыли все школы, потому что были слухи, будто мы собираемся приносить в жертву детей» [98].

«Но даже после двадцати лет борьбы за свои права татары продолжают верить в лучшее, мирное будущее. «Собаки лают, караван идет», — говорит Османов, цитируя арабскую поговорку. — Бог все видит, и в конце концов он все устроит правильно» [98].

Все вместе эти истории становятся историей народа, стремящегося домой вопреки всем препятствиям, народа, борющегося за свой язык, свою культуру, свою национальную идентичность.

Едва ли не главным противником крымских татар в этой борьбе, в интерпретации американских СМИ, оказывается другое национальное движение — русское.

Напомним, первый мощный всплеск русского движения на полуострове пришелся на начало девяностых годов прошлого века и ознаменовался победой на выборах президента Крыма Юрия Мешкова. Тогда американские СМИ видели в этом опасность превращения полуострова в следующую Боснию, следующий Нагорный Карабах или следующую Абхазию.

«Панславянский национализм пугает крымских татар, мусульман, которые доминировали в регионе до XVIII века, когда они были подчинены Россией. Они также были жестоко депортированы Сталиным 50 лет назад. С помощью украинского правительства татары возвращаются и расселяются и сейчас составляют более 10 процентов населения. Они выступают против Юрия Мешкова, крымского президента, и сейчас поддерживают Киев в конфликте из-за статуса Крыма» [145].

Тогда, в середине девяностых, Киеву удалось справиться с русским движением, Юрий Мешков уехал в Москву, а Республика Крым потеряла значительную часть своих полномочий. Однако вскоре после той победы Киев обнаружил, что у крымских татар на самом деле — свои, не совпадающие с центром политические задачи. Описание противоречий между татарами «как полезными, но требовательными союзниками», и Киевом излагается в следующей публикации.

«Американский Крым»: обман зрения

«Через шесть месяцев после того, как украинское правительство нейтрализовало русское сепаратистское движение здесь, на Крымском полуострове, оно столкнулось с нарастающим давлением другой группы — крымских татар.

Киев обнаруживает, что татары — исламский тюркский народ, который составляет около 10 процентов населения Крыма — полезные, но требовательные союзники. Татары решительно противостояли русскому сепаратизму, но увеличивают давление, чтобы усилить свое политическое влияние и культурные права» [127].

Так называемые «самозахваты» земли, которые в украинские времена вызывали в Крыму неприятие большинства жителей, описывались американскими медиа как механизм борьбы крымских татар за свои права. При этом, как мы уже отмечали, обратная сторона процесса, увы, фактически игнорировалась.

«До сих пор правительственные схемы приватизации земли не смогли дать татарам честной доли. Некоторые прибегли к захвату земли, на которой строят новые дома. Эти часто убогие поселения раскинулись на пустых землях в Симферополе и легко узнаются благодаря крошечным каменным домам, выглядящим как постоянные строительные площадки. «Мы не просим об одолжении», — говорит Рустем Халилов, живущий в Яны-Кырым, поселении, построенном в Симферополе на земле, захваченной в 2006 году, где сейчас стоят дома 80 семей. «Мы просто хотим, чтобы нам было, где жить. Если бы нам дали землю, нам не нужно было бы захватывать ее» [98].

Дискриминацию по национальному признаку обнаруживают американские медиа и описывая проблему трудоустройства крымских татар.

«И земля — далеко не единственная их проблема. Пока местные русские часто говорят об уважении к предпринимательским способностям и рабочей этике крымских татар, Халилов рассказывает, что его не взяли на работу, когда увидели, что он татарин. «Я не расист, но я не взял бы их на работу», — говорит Владимир, отставной русский моряк и местный бизнесмен, который отказался назвать свою фамилию» [98].

Кроме того, по версии «Тайм», татары испытывают религиозные притеснения в Крыму: «Некоторые татары также видят религиозный элемент в том, как к ним относятся: в апреле прошлого года были осквернены мусульманские могилы, и на протяжении последних пяти лет татары безуспешно борются за

выделение земли для строительства центральной мечети в Симферополе» [98].

Очень подробно конфликт вокруг выделения земельного участка для строительства соборной мечети в Симферополе описывается в публикации «Нью-Йорк Таймс».

«Этнические русские власти в Симферополе, столице Крыма, тормозят планы строительства мечети, вызывая гнев татарского сообщества» [93], — пишет газета.

По мнению татарских лидеров, которое приводит издание, «местные политики просто не хотят, чтобы в Симферополе появилась выдающаяся мечеть».

«За сценой они говорят: «Крым — русская православная земля. Если татары хотят строить мечеть, они должны строить ее там, где никто не сможет ее увидеть» [93], — цитирует «Нью-Йорк Таймс» Рефата Чубарова.

В опровержение этого тезиса после воссоединения Крыма с Россией «оккупационные власти» не только дали разрешение на строительство соборной мечети на том самом месте, но и возводят ее за счет бюджета Российской Федерации, однако об этом факте ни «Нью-Йорк Таймс», ни другие американские СМИ предпочитают не упоминать.

Наконец, по мнению американских медиа, для создания негативного образа крымских татар используется также старый миф об их сотрудничестве с фашистами во время Второй мировой войны:

«Действительно, старый миф о татарском предательстве во время Второй мировой войны еще широко распространен» [98].

Так формируется образ страдающего, угнетаемого народа, борющегося за свои права.

Ну и, конечно, не обходят американские СМИ вниманием роль России, якобы провоцирующей нестабильность в Крыму: «Татарские лидеры ясно дают понять, кто, по их мнению, стоит за попытками спровоцировать конфликты и нестабильность на полуострове.

«Я не думаю, что Россия рассчитывает вернуть Крым, но для нее важно держать полуостров в состоянии постоянного напряжения», — говорит лидер Меджлиса Мустафа Джемилев корреспонденту журнала «Тайм». — «Некоторые русские газе-

«Американский Крым»: обман зрения

ты (в Крыму) публикуют грязные инсинуации о татарах. Это провокации против нас, но не в нашей культуре отвечать на них насилием» [98].

Далее журнал приводит мнение Джемилева о том, что Россия якобы раздает в Крыму российские паспорта и пытается спровоцировать татар для того, чтобы получить основания для защиты русских, как это было в Южной Осетии в 2008 году.

Именно руководители Меджлиса Джемилев и Чубаров чаще всего цитируются американскими медиа и представляются ими как народные лидеры. И наоборот, когда оппозиционная Меджлису организация «Милли Фирка» обратилась к руководству России с просьбой защитить крымских татар от геноцида со стороны Украины, американские СМИ принялись цитировать заявления Джемилева о том, что авторы упомянутого обращения — отщепенцы, которые не представляют крымско-татарский народ.

«Мустафа Джемилев, лидер Меджлиса, сказал, что обращение «Милли Фирка» не отражает позиции крымских татар.

«Каждая нация имеет право иметь некоторое количество дураков» [68]. «Таким образом, изначальное сообщение и способ, которым оно распространялось, — это еще один пример дезинформационной кампании Москвы и прозрачная попытка оказать давление на Украину, чтобы получить еще одно основание для российской интервенции здесь под предлогом защиты этнического меньшинства» [68].

Таким образом, анализируемый нами «крымско-татарский компонент» оказывает существенное влияние на формирование образа Крыма. Он, с одной стороны, определяет уникальность региона, а с другой, является мощным конфликтогенным фактором, который время от времени приводит к противостоянию между крымско-татарским и славянским населением полуострова.

В силу ряда причин, упоминавшихся в начале публикации, крымско-татарский вопрос является привлекательной темой для американских и шире — западных средств массовой информации, укладываясь в их искривленную матрицу политической и культурной реальности в бывшем СССР вообще и в Крыму в частности.

Чаще всего **крымско-татарская тема возникает на страницах американских медиа в конфликтные, переломные моменты новейшей крымской истории** — во время распада СССР, в дни президентства Юрия Мешкова, российско-грузинской войны 2008 года и, конечно, Крымской весны 2014 года.

Именно среди крымских татар прежде всего ищут американские журналисты недовольных воссоединением с Россией жителей полуострова. Исторические события февраля-марта 2014 года, приковавшие к полуострову внимание всего мира, стали мощнейшим катализатором крымской и крымско-татарской темы в западных медиа. В те дни на полуострове работали журналисты всех ведущих американских изданий — «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» и многих других. С одной стороны, в их публикациях эпохи Крымской весны, как в капле воды, отразилась вся крымско-татарская проблематика минувших постсоветских лет. С другой, старые, привычные темы зазвучали острее и тревожнее.

«Со времен коллапса Советского Союза в 1991 году Крым, очаг напряженности, характеризующийся этническими, политическими и религиозными различиями, периодически переживал вспышки пророссийских страстей, которые в конце концов терпели фиаско» [77], — напоминает «Нью-Йорк Таймс». Февральские события 2014 года, по крайней мере поначалу, кажутся изданию такой же обреченной на фиаско вспышкой. Газета цитирует Рефата Чубарова, который «предупреждает, что любое голосование об отделении Крыма от Украины будет очень опасным» [78] и обвиняет пророссийские силы в ночном захвате правительственных зданий, характеризуя это как «прямое вмешательство в дела Крыма и Украины» [78].

При этом издание подчеркивает, что захват правительственных зданий произошел через несколько часов после того, как «тысячи крымских татар... и толпа этнических русских устроили соперничающие митинги перед крымским парламентом. Митинги, закончившиеся хаотичной рукопашной схваткой с несколькими ранеными, и сорвавшие сессию регионального парламента, которую хотели провести пророссийские группы, чтобы объявить об отделении Крыма от Украины» [78]. «Это первый шаг к гражданской войне» [78], — цитирует «Нью-Йорк Таймс» Игоря Бакланова — одного из рядовых участников событий.

«Американский Крым»: обман зрения

Описывая настроения крымских татар, газета утверждает, что большинство из них хочет, чтобы Крым оставался частью Украины:

«Крымско-татарское население, которое было депортировано Сталиным, в большинстве своем хочет, чтобы регион оставался частью Украины, и, традиционно очень мирное, начинает сейчас организовывать отряды самообороны, чтобы противостоять возможным атакам русских активистов» [77].

Таким образом, «Нью-Йорк Таймс» констатирует наличие конфликта между крымскими татарами с одной стороны и русскоязычным большинством населения полуострова — с другой. При этом издание находит параллели между Крымской весной и событиями 2008 года:

«Сразу не было ясно, какую именно роль сыграла (и сыграла ли) Россия в организации мятежа, но ситуация здесь в чем-то похожа на ситуацию, которая ранее складывалась в таких регионах, как Абхазия и Южная Осетия, где преимущественно пророссийское население откололось от Грузии, такой же бывшей советской республики, как Украина, чтобы стать российским протекторатом» [77].

В то же время, по мнению эксперта «Вашингтон Пост» Оксаны Шевель, контролировать Крым России будет сложнее. И причиной тому — крымские татары:

«Контролировать Крым России будет сложнее, чем Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье. Главная причина — крымские татары. . . Они представляют собой хорошо мобилизованную единую проукраинскую группу, которая противостоит пророссийскому сепаратизму на полуострове» [138].

«Оглядываясь в прошлое, на референдум о независимости 1991 года, весьма вероятно, за небольшое преимущество в пользу независимости Украины при голосовании в Крыму надо благодарить именно крымских татар. С тех пор крымские татары и их представительный орган, Меджлис, сотрудничают с проукраинскими политическими партиями. Лидеры Меджлиса Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров являются членами украинского парламента, избранными по спискам украинских националистических партий, таких как «Рух» в 1990-е и «Наша Украина» позже, — объясняет Шевель. — 26 февраля, за день до того, как крымский парламент был захвачен вооруженными людьми, крымские татары провели большой митинг возле парламента, который был больше, чем аналогичный про-

российский митинг. Ни в одном из других отделившихся регионов такой мобилизованной группы, выступающей против российского захвата, нет» [138].

«С советских времен попытки расколоть крымско-татарское движение и убедить кого-то из татар поддержать просоветскую, а позже пророссийскую идеологию не увенчались успехом, — рассказывает Шевель и цитирует Джемилева, который говорит, что «крымские татары не доверяют России и хотят, чтобы Крым оставался с Украиной» [138]. «Крымские татары известны историей ненасильственного сопротивления, — утверждает автор, — а Джемилев является лауреатом медали Нансена за десятилетия мирной борьбы за права крымских татар. Пока крымские татары не выходят на улицы, а их лидеры, так же, как и украинские лидеры в Киеве, сохраняют похвальную сдержанность. Но если Россия не отступит и попробует аннексировать и удержать Крым, очевидно, что мы увидим устойчивую и мобилизованную оппозицию крымских татар» [138].

«Аннексия может привести к росту межобщинного насилия и нестабильности на полуострове» [162], — констатируют в свою очередь другие эксперты «Вашингтон Пост» Елена Яковлева-Голани и Надежда Кравец.

Американские СМИ детально описывают страхи крымских татар перед Россией (заметим здесь в скобках, что описания страхов русских перед националистическим киевским режимом, пришедшим к власти на Украине в феврале 2014 года, мы в этих изданиях не обнаружим или практически не обнаружим).

Татары рассказывают корреспонденту «Вашингтон Пост» Памеле Констебл, что они боятся оказаться после референдума под ударом. По их словам, в Бахчисарае неизвестные люди отметили дома крымских татар крестами.

«Мы не знаем, что произойдет, но все боятся, — говорит 55-летний администратор железной дороги Талая Апастаник. — У нас были хорошие отношения с нашими соседями, но я не могу гарантировать, что они будут меня защищать» [52].

Констебл описывает нервное напряжение, царящее среди крымских татар накануне референдума.

«В старинном крымском городе с населением в 25 тысяч человек (Бахчисарае — автор.), окруженном яблоневыми садами и находящемся в тени изящных минаретов, мало признаков напряжения, которое охватывает его жителей — татар. Однако вну-

«Американский Крым»: обман зрения

три их домов, кафе и мечетей у каждого татарина есть пугающая история о том, как они встречают вероятную аннексию той страной, чьи правители однажды оправили их в изгнание. Домохозяйка рассказывает о мужчинах, которые ночью на прошлой неделе нацарапали крест на воротах ее дома. Владелец магазина описывает чиновника, который забрал его украинский паспорт и сказал, что он получит российский после воскресного референдума об аннексии Крыма. Мусульманский священник говорит, что верующие по очереди охраняют их мечеть от заката до рассвета» [54].

«Никто не спит всю ночь, — цитирует автор публикации имама Мусу Назиза. — Российские власти говорят, что они будут уважать нас, но как мы можем им верить? Наш район полон их войск, ожидающих приказа. Если они придут за нами, мы на этот раз не уйдем. Мы будем защищаться» [54].

Другая героиня статьи, Ленора, говорит журналистке: «Мы просто хотим избежать бойни, но это земля наших предков, нам некуда отсюда идти. Если они снова попробуют нас депортировать, пусть лучше они убьют нас здесь» [54].

Американские журналисты и их редакторы хорошо понимают: чтобы убедить, одних слов мало.

«Если все время повторять одно и то же — об экспансионизме России, о деспотизме российского режима, — то становится скучно. . . Чтобы вас услышали, и услышали далеко, нужно придумать сюжет, заинтриговать, рассказать историю. Нужно создать миф, который пустит корни в коллективном сознании» [13, с.401].

Именно поэтому западные медиа так охотно пересказывают «живые истории» пострадавших от России татар и не только татар. В результате теоретические постулаты русофобии как будто получают подтверждение в реальной жизни.

«Создание рассказа для дискредитации России — вещь в высшей степени сложная. Как подчеркивают специалисты, это должен быть не просто рассказ, а метарассказ: рассказ в рассказе, истории в истории, они должны продолжать начатую линию, прятаться друг в друге, как русские матрешки. . . Одно событие вызывает в памяти другое, влетает в целую цепь событий; одно мнение отсылает к другому; к предыдущим эпохам, к другим культурам, к далеким континентам» [13, с.401-402].

В этом смысле «аннексия Крыма» — тоже один из рассказов внутри большого антироссийского метарассказа, мифа о кровавом русском медведе, готовом вырваться из своих дремучих

лесов и ввалиться в цивилизованный мир, мифа, назначение которого — подменить собой реальность.

Констатируя, что подавляющее большинство жителей полуострова действительно поддержало воссоединение с Россией, американские медиа указывают на особое мнение крымских татар. «Вашингтон Пост» рассказывает о бойкоте референдума со стороны лидеров Меджлиса и большинства их соотечественников:

«Многие люди в Крыму — многонациональном регионе с населением около двух миллионов человек — не слишком счастливы в связи с перспективой аннексии, но только татарские лидеры объявили об официальном бойкоте референдума» [54].

Возникает в эти дни на страницах американских медиа и тема сотрудничества крымских татар с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны:

«Российские власти и их помощники в Крыму оживили старые обвинения против татар, которые остро резонируют с местными этническими русскими: после Второй мировой войны диктатор Иосиф Сталин обвинил татар в симпатиях к фашистам и отправил их в изгнание в Среднюю Азию. Москва сейчас бросает эти обвинения против татар и этнических украинских групп, которые поддерживают недавнее восстание в Киеве, называя новых лидеров Украины «фашистской хунтой» [54].

За день до референдума «Вашингтон Пост» описывает публичные протесты крымских татар:

«На окраине столицы сотни протестующих выстроились вдоль автомобильной трассы, держа проукраинские лозунги и бледно-голубые флаги крымских татар, мусульманского меньшинства, которое заявило о бойкоте референдума» [56].

«Мы хотим оставаться с демократической Украиной. Мы 20 лет живем в свободной стране и не хотим назад в землю ГУЛАГа», — говорит Гульнара Аджисалиевна, 53-летний библиотекарь татарского происхождения, которая выросла в ссылке. Она держит написанный от руки плакат, который гласит: «Стоп незаконному референдуму!» [56].

Непосредственно в день референдума «Нью-Йорк Таймс» рассказывает о том, что большинство крымских татар не пошли голосовать, а остались дома:

«Граждане, несогласные с присоединением к путинской Российской Федерации, особенно крымские татары, мусульманский тюркский народ с историей преследо-

«Американский Крым»: обман зрения

ваний Россией, в основном предпочли остаться дома, а не участвовать в том, что они называют сфальсифицированным голосованием» [73].

Информируя о результатах референдума, американские СМИ пишут:

«Чиновники избиркома сообщили, что проголосовали 82,7 процента избирателей. Но многие оппоненты референдума не голосовали: лидеры крымских татар, например, призывали их сообщество бойкотировать референдум, и многие этнические украинцы тоже заявили, что не голосовали» [104]. «Большинство крымских татар, мусульманского меньшинства, судя по всему, не пришли на избирательные участки. На некоторых из них, по словам членов комиссий, к обеду не было зарегистрировано ни одного татарина. Некоторые татары угрюмо сидели в своих гостиных, смотря телевизионные новости, а другие приняли участие в организованном «вареничном протесте», делая татарские равиоли с сыром и угощая ими соседей» [104].

Герои репортажа «Вашингтон Пост» сомневаются в подлинности результатов референдума:

«Эти цифры не могут быть верными, — сказал Мустафа Аблязов, член Симферопольского совета крымских татар. — Было очевидно, что они заранее решили все фальсифицировать. Для татар это большая угроза. Мы безоружный и законопослушный народ, но как мы можем терпеть такие вещи?» [105].

Точно также подвергает сомнению результаты референдума и эксперт «Вашингтон Пост» Илья Сомин:

«Крайне маловероятно, чтобы при свободном голосовании 96,7% избирателей проголосовали «за», учитывая, что население Крыма включает крупные меньшинства украинцев и крымских татар, которые большей частью сопротивлялись возвращению российского правления» [142].

По мнению американских медиа, референдум грозит расколоть многонациональное крымское сообщество. Одна из публикаций в «Нью-Йорк Таймс» называется «Крым — следующая Югославия?»

«Завершает балканскую параллель группа, которая боится, что российский контроль может вылиться в прямое угнетение, так же, как боснийцы боялись сербского правления. В Крыму это татары, мусульманская этническая группа, которая пострадала от депортации и массовых казней во время правления Сталина» [40], — пишет газета.

Дополнительной угрозой, которая может спровоцировать конфликт, издание считает радикалов-исламистов. «Как насчет мнимых друзей из царства джихада, которые могут посчитать защиту крымской родины их братьев стоящим делом?» [40], — вопрошает журналист.

Ответа на этот вопрос он ищет у Фазила Амзаева, руководителя пресс-службы украинской организации «Хизб ут-Тахрир», запрещенной во многих странах мира, в том числе, и в России.

«Мы не хотим халифата здесь, в Крыму, — заверяет Амзаев, — мы хотим мира», но в то же время соглашается: «Простого впечатления, что мусульмане находятся под ударом, может быть достаточно для того, чтобы горячие головы ринулись в Крым. Опасность есть. Если это произойдет, даже Путин не будет в состоянии контролировать ситуацию» [40].

О вероятности такого развития событий рассказывает и «Вашингтон Пост» устами Мустафы Джемилева:

«У нас есть исламисты, ваххабиты, салафисты и представители других течений, которые воевали в Сирии. . . Мы не можем остановить людей, которые хотят умереть с честью» [54].

«Этот джихадистский импульс, предупреждают эксперты, может легко зажечь своей собственной жизнью, провоцируя межнациональное и межконфессиональное насилие в регионе, где этнические русские, татары и представители других национальностей мирно живут на протяжении многих лет» [54], — констатирует «Нью-Йорк Таймс».

В свою очередь, журналист «Вашингтон Пост» Фред Хайетт цитирует в своей статье другие слова Мустафы Джемилева:

«Мы не христиане, если они ударят нас по одной щеке, мы не можем гарантировать, что мы подставим другую. Мы попробуем отрубить руку, которая бьет нас» [75].

После того, как становится ясно, что референдум состоялся и Россия решила принять Крым в свой состав, американские медиа начинают анализировать последствия. Для них (равно как, кстати, и для какого-то количества крымских татар) воссоединение Крыма с Россией часто представляется чем-то вроде возвращения назад в СССР:

«Американский Крым»: обман зрения

«Я встречалась в Крыму со многими татарскими семьями, и все они рассказывали истории о советских преследованиях. . . Они были единственными крымчанами, которые использовали слово «ГУЛАГ», и многие из протестных лозунгов содержали это слово, написанное заглавными буквами. Во многих обеспокоенных разговорах крымские татары предупреждали о грядущих репрессиях» [58], — пишет журналистка «Вашингтон Пост» Памела Констебл.

Сразу после подписания договора о воссоединении Крыма с Россией в этой газете выходит статья, построенная на намеренном контрасте: пока русские пляшут и поют, радуясь воссоединению с Россией, татары хоронят одного из своих соотечественников — референдум разделяет их еще и таким образом.

«В Севастополе, самом русском городе в Крыму, тысячи людей танцуют и поют после подписания во вторник договора о соединении Крыма с Россией. А на мусульманском кладбище за Симферополем сотни человек пришли на похороны татарина, которого в последний раз видели, когда его после акции протеста забирали люди в военной форме» [57].

Татарские лидеры, пишет издание, боятся, что убийство Решата Аметова — часть новых репрессий, направленных против крымских татар, которые решительно выступают против того, чтобы Крым стал частью России.

Еще одна крымско-татарская тема американских СМИ: попытки России и Украины привлечь татар на свою сторону, обещая им те или иные преференции. Материал политолога Оксаны Шевель в «Вашингтон Пост» так и называется: «Чтобы усилить свои притязания на Крым, Россия и Украина обхаживают крымских татар».

«Российская аннексия Крыма быстро стала новой реальностью, — пишет эксперт. — Но битва за Крым не окончена, даже если в ближайшие годы она будет вестись не оружием, а юридическими и дипломатическими методами. В этой юридической битве крымские татары могут оказаться важным «капиталом», несмотря на то, что они составляют только от 12 до 15 процентов крымского населения» [139].

С самого начала конфликта и Москва, и Киев пытаются обхаживать крымских татар, констатирует Шевель. «Для Путина и России получить если не прямую поддержку, то, по крайней мере, отсутствие открытой оппозиции российской аннексии Крыма со стороны крымских татар было важно по нескольким при-

чинам, — пишет эксперт. — Во-первых, оппозиция крымских татар аннексии ставит под сомнение образ России, идущей навстречу ошеломляющему местному требованию единства. Во-вторых, вероятность вооруженного сопротивления крымских татар... полностью не исключена, поскольку... среди них есть радикальное меньшинство» [139].

Среди предложений, сделанных Россией крымским татарам, — декларация «О гарантиях восстановлении прав крымско-татарского народа», гарантировавшая государственный статус крымско-татарского языка и как минимум двадцатипроцентное представительство татар в органах государственной власти в Крыму. Однако, констатирует Шевель, «морковка, предложенная Россией и пророссийскими лидерами Крыма, не поколебала крымско-татарскую оппозицию референдуму и аннексии Крыма» [139].

«В своем обращении 18 марта, цитируя официальные итоги референдума, согласно которым более 96 процентов крымчан одобрили присоединение, Путин заявил, что этот результат показывает, что крымские татары «тоже склоняются к России». Крымско-татарские лидеры, однако, говорят, что меньше одного процента крымских татар приняли участие в референдуме, и заявляют, что в общей сложности только 34 процента крымчан проголосовали за присоединение к России» [139].

Причина, по которой крымские татары не соблазнились российскими предложениями, связана с недостатком доверия к обещаниям, идущим от пророссийских сил Крыма и от России, утверждает эксперт, поскольку на протяжении предыдущих двадцати лет местные элиты решительно противились тем мерам, которые они сейчас предлагают. При этом «крымские татары не доверяют не только пророссийским властям Крыма, но и России. Это недоверие имеет глубокие корни, которые следует искать в депортации 1944 года» [139].

Российские попытки добиться расположения крымских татар не остались незамеченными на Украине, замечает автор.

«Как единственная мобилизованная и активная проукраинская сила на полуострове, крымские татары являются бастионом проукраинских настроений в Крыму со времени обретения Украиной независимости, — пишет он. — Но Украинское

«Американский Крым»: обман зрения

государство с неохотой встречало ключевые политические требования крымских татар, так как для него важнее было умиротворять гораздо более многочисленный русский электорат» [139].

Однако российское вторжение и референдум о сецессии драматически изменили эти политические расчеты, утверждает Шевель:

«В этом контексте киевские элиты наконец-то сделали то, чего крымские татары добивались почти двадцать лет. 20 марта украинский парламент принял резолюцию, признающую крымских татар коренным народом, а также признающую их право на самоопределение в Украине и признающую Курултай и Меджлис представительными органами крымских татар» [139].

По мнению эксперта, эти шаги вряд ли изменят новую реальность, в которой сегодня живут крымские татары, но могут предложить дополнительный набор аргументов в дальнейшем юридическом и политическом споре за Крым.

«В затяжном противостоянии между Россией, Украиной и Западом из-за статуса Крыма крымские татары будут продолжать играть важную роль» [139], — делает вывод Шевель.

Неслучайно позиция крымских татар или, точнее, Меджлиса крымско-татарского народа после воссоединения Крыма с Россией также оказывается в центре внимания американских медиа. 26 марта «Вашингтон Пост» публикует материал, посвященный сессии Курултая. Начинается статья с ритуального упоминания о депортации, а затем автор рассказывает об опасениях крымских татар после «поглощения Россией» опять потерять свою землю.

«Россия предлагает нам много хороших вещей. Но мы понимаем сущность российской империи, потому что мы являемся ее жертвами, — цитирует издание Зевгета Кутумерова. — Если Путин велит, они переступят завтра через любой закон. Вот чего мы боимся» [34].

«Лидеры крымско-татарского меньшинства собрались в субботу, чтобы осудить российскую аннексию полуострова и обратиться к международным организациям за признанием их как автономной группы» [35], — рассказывается в еще одном материале, опубликованном в «Вашингтон Пост» 29 марта.

«Россия трижды выгоняла нас. Она считает нас никчемными. Я не верю России» [35], — цитирует издание Айше Сетметову. «Мы, как коренной народ на этой земле, не должны сотрудничать с оккупационной властью, — говорит делегат конгресса Илвер Аметов. — Украина тоже не была нашим домом, но, по крайней мере, она была демократией. У нас есть притча о собаке, которая убежала в Москву, потому что там жизнь была лучше, но затем вернулась назад на Украину, потому что здесь ей, по крайней, разрешают лаять» [35].

Наконец, находит свое отражение в американских медиа и запрет на въезд в Крым лидерам Меджлиса Мустафе Джемилеву и Рефату Чубарову за провокационные, сеющие межнациональную рознь и дестабилизирующие ситуацию на полуострове высказывания и призывы. Эти решения видятся заокеанским СМИ продолжением антитатарской политики Москвы.

В представлении американских СМИ, в дни Крымской весны «крымско-татарский компонент» был одним из главных конфликтогенных факторов, способных привести к превращению полуострова в горячую точку.

В отличие от русского населения полуострова, лидеры Меджлиса и часть их соотечественников выступили против воссоединения Крыма с Россией и бойкотировали референдум. Причиной тому, как полагают эксперты и журналисты американских изданий, историческая память о депортации, а также антитатарские настроения крымской политической элиты и значительной части населения полуострова.

В дни Крымской весны татары были напуганы, испытывали давление со стороны российских и крымских властей и ожидали едва ли не новой депортации, полагают американские СМИ. В то же время, существовала (и продолжает существовать) опасность радикализации движения крымских татар, вплоть до возникновения вооруженного сопротивления с элементами джихада.

При этом одновременно следует отметить, что американские медиа практически не уделяли (и не уделяют) внимания другой — также достаточно многочисленной — группе крымских та-

«Американский Крым»: обман зрения

тар, которая приняла участие в референдуме 16 марта и работает сейчас в различных органах власти Республики. На самом деле крымско-татарское движение далеко не так едино, как это представляется в публикациях анализируемых нами изданий.

Несмотря на фактическое воссоединение с Россией, статус Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации не признан ни Украиной, ни США, ни их союзниками.

И значит, борьба за стратегически важный полуостров в Черном море не завершилась. Она продолжается в юридическом, дипломатическом, информационном пространстве. При этом крымские татары видятся американским СМИ серьезным «капиталом» в этой информационной войне, и, следовательно, крымско-татарская тема по-прежнему будет находиться под пристальным вниманием ведущих американских изданий.

Еще раз подчеркнем: анализ информационной политики западных СМИ, закономерностей и способов изображения ими международной ситуации в Крыму необходим для понимания и нейтрализации действий наших геополитических противников. Это позволит эффективно противопоставить им собственную грамотную информационную стратегию, опирающуюся на продуманную государственную национальную политику, фундаментом которой является Указ президента России Владимира Путина «О реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития».

ГЛАВА 3. ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ

3.1. Крымская весна 2014 года

Воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года на несколько месяцев стало главной темой всех крупнейших мировых средств массовой информации и навсегда изменило не только Крым, Россию, Украину, но и весь мир. Позже, в мае 2014 года гражданская война на материковой Украине отодвинула крымскую тему в мировых медиа на второй план, однако она не исчезла и не исчезнет из сферы их внимания на протяжении ближайших лет, а может быть и десятилетий, в течение которых Крым, весьма вероятно, будет существовать в составе России как частично признанная международным сообществом территория.

Следует признать, история доказала — пусть отчасти, но «примерки» на Крым различных конфликтных сценариев имели под собой основания, хотя воссоединение с Россией получилось почти бескровным — это, кстати говоря, признают и транснациональные медиа, большинство из которых трудно заподозрить в симпатии к «сепаратистскому Крыму». Тем не менее, локальные столкновения — сначала 26 февраля, накануне захвата зданий парламента и правительства Республики, а затем при взятии под контроль базировавшихся на полуострове украинских воинских частей — все-таки происходили. Ну и, безусловно, во время событий Крымской весны был риск превращения полуострова в по-настоящему горячую точку.

«Важная морская база, управляемая другим государством, сообщество патриотически настроенных военных пенсионеров, многонациональная мозаика, слабое государство и конкурирующие национальные мифологии — эта смесь является причиной того, что крымский конфликт выглядит кошмарным сценарием... и сейчас представляет собой самый серьезный кризис в Европе с момента окончания Холодной войны» [84], — писала «Нью-Йорк Таймс».

«Американский Крым»: обман зрения

К счастью, худшего сценария удалось избежать — прежде всего, благодаря поддержке России. Говоря о воссоединении Крыма с Россией, мы используем этот «термин» вслед за авторами «Вашингтон Пост» Уильямом Эйрисом и Стивеном Сайдеманом, которые совершенно справедливо замечают, что говорить следует не о сепаратизме, а о ирредентизме крымчан.

«Новости из Крыма повышают вероятность ирредентизма. Ирредентизм — это стремление воссоединить «потерянную» территорию, населенную этническими родственниками, с материнской страной. . . — пишут эксперты. — Соответственно, если бы Крым отделился от Украины и стал частью России, это было бы успешным примером ирредентизма» [37].

Безусловно, статус Крыма как части России еще долго будет оспариваться и Украиной, и частью международного сообщества, однако де-факто Республика Крым и город Севастополь являются сегодня субъектами Российской Федерации.

В качестве образца освещения воссоединения Крыма с Россией американскими медиа рассмотрим материалы «Вашингтон Пост». На протяжении февраля-апреля 2014 года в бумажной и электронной версиях издания было опубликовано больше двухсот статей, так или иначе затрагивающих события в Крыму.

В эти исторические дни на полуострове работало несколько корреспондентов «Вашингтон Пост», которые регулярно передавали в газету свои репортажи с места действия. Эти материалы показывают, какими видят события в Крыму американские репортеры, выросшие в системе ценностей Западного мира, под влиянием негативного образа России, формирующегося на Западе на протяжении нескольких последних столетий.

Одновременно в «Вашингтон Пост» регулярно появляются материалы с изложением точки зрения многочисленных экспертов — политиков, политологов, историков, публицистов, среди которых есть много широко известных личностей — Кондолиза Райс, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Уильям Тейлор, Стивен Пайфер,

Джон Хербст и другие. При этом российскую (или точнее — анти-российскую) точку зрения на страницах издания выражают оппозиционные Кремлю политики Андрей Илларионов и Гарри Каспаров.

Что ж, отбор источников — это старый испытанный способ деформации реальности. Одним отдается предпочтение, другие игнорируются.

«Практически все эксперты, политики, которые цитируются, работают на американские или европейские аналитические центры, являются главами неправительственных организаций, финансируемых американскими европейскими фондами, и т.д. Газеты и журналы по любому поводу интересуются их мнением и оценкой, игнорируя другие источники [13, с.371].

Привычное клише западной русофобии, которое не выдерживает критики при малейшей попытке беспристрастного анализа, гласит, что Россия — агрессор. Хотя это француз Наполеон вторгся в Россию в 1812 году, а немец Гитлер — в 1941-м. Это Англия и Франция прислали свои войска в Крым в 1854 году, чтобы отобрать полуостров у России. И это НАТО расширяется на Восток на протяжении последней четверти века, а не наоборот. Никто не потерял столько территорий, сколько Россия после распада СССР. 27 миллионов этнических русских оказались за пределами родины после этой геополитической катастрофы, но в интерпретации западных СМИ Россия — все равно агрессор.

Точно так же, агрессором, представляют ее американские медиа и во время событий Крымской весны, хотя воссоединение полуострова с Россией прошло практически бескровно, в отличие от миротворческих операций США и НАТО в Ливии, Ираке или Афганистане.

При анализе содержания «крымских публикаций» «Вашингтон Пост» сразу же обращает на себя внимание обилие сравнений с российско-грузинской войной, случившейся в августе 2008 года.

«На протяжении последних нескольких дней российская армия пытается спровоцировать украинцев совершить ошибку, которую сделали грузины в 2008: выстрелить

«Американский Крым»: обман зрения

первыми» [149], — пишут 3 марта бывшие послы США на Украине Уильям Тейлор, Стивен Пайфер и Джон Хербст.

«Владимир Путин уже делал это раньше. Когда он вторгся в Грузию в августе 2008 года, западная дипломатия и давление не дали ему достичь главной цели: дойти до Тбилиси и свергнуть демократически избранное грузинское правительство. Однако Путин захватил два региона, Абхазию и Южную Осетию, которые российские войска оккупируют до сих пор» [70], — утверждают на следующий день, 4 марта, политики Стивен Хэдли и Дэймон Уилсон.

Среди тех, кто сравнивает события в Крыму с войной 08.08.08, и бывший президент Грузии Михаил Саакашвили:

«Поразительные параллели между ранними стадиями российской агрессии против Грузии и тем, что происходит на Украине. Наблюдая за последними событиями и глобальной реакцией на них, я продолжаю думать о том, что история повторяется. . .» [129].

Один из аспектов этих исторических параллелей — сравнение военного потенциала Тбилиси и Киева и оценка возможностей Украины противостоять России вооруженным путем. Уже упоминавшиеся Тейлор, Пайфер и Хербст пишут:

«Когда каждый из нас работал послом США на Украине, мы посещали украинские военные базы, разговаривали с командирами и войсками, наблюдали за учениями и оценивали подразделения. Многие из этих подразделений хорошо оснащены танками, артиллерией и транспортом. . . Российская атака на украинские войска или территорию обернулась бы классической и кровавой танковой войной, которой Европа не видела со времен Второй мировой войны» [149].

В подобном же духе высказывается Джошуа Такер:

«Украина — это не Грузия. . . Украина гораздо больше, у нее гораздо больше население и гораздо больше армия. Грузинская армия насчитывает 37.000 солдат и офицеров и 140.000 резервистов. Украинская — 160.000 солдат и офицеров и 1.000.000 — в резерве. Война с Украиной выглядела бы совсем не так, как война с Грузией» [152].

Вообще, есть ощущение, что многие эксперты, даже такие информированные, как бывшие послы США на Украине, явно переоценили и техническую, и моральную готовность украинских вооруженных сил.

Уже после воссоединения Крыма с Россией ряд экспертов оценивают военный потенциал российской армии:

«Хорошо организованная крымская операция также показывает улучшения в качестве и подготовке российской армии. Их войска действовали с гораздо меньшей точностью десять лет назад в Чечне и во время вторжения в Грузию в 2008 году» [81].

Сравнения крымских событий с российско-грузинской войной подтверждают: прогнозы многих западных экспертов о том, что на полуострове возможно повторение юго-осетинского или абхазского сценария, оказались верными, хотя, безусловно, между событиями в Крыму в 2014-м и в Южной Осетии и Абхазии в 2008 году много отличий. А вот параллели с другой горячей точкой — Косово — практически все эксперты «Вашингтон Пост» отрицают.

«Российский президент Владимир Путин недавно упомянул «хорошо известный косовский прецедент как оправдание для действий его режима в Крыму. Он заявил, что ситуация в Косово была очень похожа на нынешнюю ситуацию в Крыму. В действительности две эти ситуации очень различны» [143], — утверждает, к примеру, политолог Илья Сомин.

Впрочем, эти оценки выглядят легко прогнозируемыми, учитывая тот факт, что решение России принять Крым в свой состав во многом опиралось именно на так называемый косовский прецедент. «Вашингтон Пост» пытается опровергнуть этот российский аргумент в споре за полуостров, двигаясь в русле официальной позиции американских властей и абсолютного большинства крупнейших западных СМИ.

Следующий аспект, бросающийся в глаза при анализе «крымских публикаций» «Вашингтон Пост», мы уже подробно анализировали ранее. Это особое внимание, которое издание уделяет крымско-татарскому фактору. Кроме того, героями газетных репортажей становятся не только татары, но и этнические украинцы, выступающие против воссоединения Крыма с Россией:

«Я патриотка Украины. Я выросла здесь и я не хочу принадлежать к другой стране, — говорит 23-летняя учительница английского языка Алина Шажко. — Мы слишком многим пожертвовали ради нашей свободы и мы не хотим ее потерять» [53].

«Американский Крым»: обман зрения

Еще одна группа, которая часто становится объектом изображения «Вашингтон Пост», — это украинские солдаты и офицеры и члены их семей.

«Украина нашла нового героя в командире осажденной базы» [33], — называется одна из публикаций издания, рассказывающая о командире воинской части в Бельбеке полковнике Юлии Мамчуре.

В то же время репортеры «Вашингтон Пост» описывают и настроения русскоязычного большинства населения полуострова.

«Люди ждут этого 23 года» [103], — цитирует издание жительницу Севастополя Ольгу Манько. «Мы неотделимы от России» [103], — вторит ей Галина Глебова.

Особенно ярко настроения большинства крымчан изображены в репортажах, рассказывающих о событиях в день референдума, 16 марта. Например:

«Незадолго до полуночи в Симферополе, на заполненной тысячами людей площади Ленина, крымские политические лидеры объявили предварительные результаты голосования. В небе взорвались фейерверки, мужской хор исполнил российский государственный гимн, а люди кричали от радости и обнимали друг друга» [104].

«Вашингтон Пост» подчеркивает всплеск пророссийского патриотизма в Крыму, однако в то же время задается вопросом: «А что дальше?» [58].

«Снова и снова я продолжала удивляться, как крымские русские сумели вычеркнуть из памяти полвека лишений и репрессий под Советской властью, которые завершились в 1991 году. Как будто никогда не было ни бесчеловечных бюрократов, ни лагерей, ни афганской войны, ни давления, заставлявшего приспособляться и предавать. Единственная жалоба крымчан заключалась в том, что Никита Хрущев отдал Крым в 1954 году» [58], — удивляется репортер Памела Констебл.

Этот пассаж великолепно иллюстрирует западные стереотипы о Советском Союзе, под властью которых находится журналистка издания. Ни ей, ни ее коллегам, похоже, невдомек, что при Советской власти были не только лагеря для инакомыслящих, диссиденты, дефицит товаров и очереди за продуктами, но и масса достижений, которые до сих пор не забыты крымчанами, живши-

ми в то время — бесплатное образование, бесплатная медицина, бесплатное жилье, достойные зарплаты и пенсии, невысказанный сегодня уровень безопасности, отсутствие безработицы, уверенность в завтрашнем дне.

Другой нюанс, на который следует обратить внимание: у журналистки (и не у нее одной) **воссоединение Крыма с Россией ассоциируется с возвращением в СССР**, между тем современная Россия — это, конечно, далеко не Советский Союз.

Ища причины, по которым большинство крымчан поддерживают воссоединение полуострова с Россией, «Вашингтон Пост» указывает не только на культурные и языковые, но и на экономические факторы.

«В четверг люди собрались вокруг постеров... Графики сравнивали зарплаты бюджетников, пенсии, социальные выплаты и стоимость горючего на Украине и в России. В каждом случае жизнь в России выглядела лучше» [55], — пишет издание.

«У меня нищенская пенсия, но скоро я буду получать почти в два раза больше», — цитирует газета 79-летнего крымчанина Юрия Кочива. Он говорит, что на воскресном референдуме собирается голосовать за то, чтобы присоединиться к России — частично из патриотических чувств, частично из-за таких обещаний, как на этих постерах» [55].

На этом фоне газета рассказывает о проблемах в банковской сфере, остановившихся продажах недвижимости, панике с валютой, людях, забирающих или пытающихся забрать свои деньги из банков и т.д., и т.п.

Наконец, «Вашингтон Пост» пытается анализировать перспективы курортной отрасли Крыма, оказавшейся в результате произошедших событий в непростой ситуации.

«Ялтинские власти нервничают, но надеются на то, что курортный сезон в этом году состоится» [106], — пишет Кэрл Морелло.

В то же время изданию приходится признать бескровность воссоединения Крыма с Россией. Статья Евгения Конторовича так и называется: «Бескровное завоевание Крыма Россией».

«Американский Крым»: обман зрения

«Российское завоевание выгодно отличается его бескровностью. Пока российские войска, кажется, не убили ни одного человека. Это должно быть самое бескровное успешное завоевание за последнее время» [86], — пишет Конторович.

Объясняя причины воссоединения Крыма с Россией, эксперты «Вашингтон Пост» ищут их, в частности, в распаде Советского Союза.

«На самом деле истоки крымского кризиса относятся к распаду Советского Союза, в ходе которого республики стали независимыми государствами с границами, когда-то прочерченными Сталиным. Большинству российского населения было чрезвычайно трудно признать, что Украина стала независимым государством и что Крым, входивший в состав российских территорий с 1783 года, достался Украине из-за прихоти Хрущева» [147], — замечает бывший советолог Анджела Стент.

В редакционной статье, представляющей собой своеобразный ликбез для читателей, «Вашингтон Пост» отвечает на вопрос, «почему Россия хочет Крым?», следующим образом:

«Россия и Крым имеют глубокие исторические связи. Российский президент Владимир Путин сказал в своей недавней речи, что «все в Крыму говорит о нашей общей истории и гордости» [158].

Другой вопрос: «Хотят ли крымчане быть частью России?»

«Да, — отвечает издание. — Большинство людей в Крыму хотят выйти из состава Украины и присоединиться к России. Они голосовали около недели назад, и большинство людей, принявших участие в голосовании, сказали да. В ночь после голосования тысячи людей вышли на улицы крымской столицы, чтобы отметить это событие. Однако в то же время не каждый был счастлив, некоторые люди не голосовали, потому что они считают, что присоединение к России — это плохая идея» [158].

Еще одна характерная черта, на которую нельзя не обратить внимания — персонификация крымских событий, которые в интерпретации «Вашингтон Пост» часто выглядят не столько как решение крымчан, сколько как спецоперация президента России Владимира Путина.

Чтобы убедиться в этом, достаточно просто привести заголовки статей: «Украинский гамбит Путина» [87], «Нажим Путина на

Украине» [49], «Ошибка Путина на Украине — из тех, что ведут к катастрофе» [80], «Недальновидность Путина в Крыму» [50], «Захват Путиным Крыма — часть более глобальной стратегии» [70].

События в Крыму рассматриваются газетой сквозь призму геополитической борьбы между Россией и Западом, Россией и Америкой. При этом заметен страх многих американских журналистов, политиков и экспертов перед усилением России. Характерный пример — статья Чарльза Краутхаммера «Украинский гамбит Путина», в которой автор вспоминает:

«Генри Киссинджер однажды сказал, что со времен Петра Великого Россия расширялась со скоростью в одну Бельгию в год. Разумеется, ситуация коренным образом изменилась после распада Советского Союза, который российский президент Владимир Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» [87].

По мнению Краутхаммера, сегодня «миссия Путина заключается в восстановлении. Во-первых, он хочет восстановить традиционный российский деспотизм и разрушить основы зарождающейся в России демократии. А затем он рассчитывает создать «стабильность», обеспечиваемую силой железного кулака» [87].

«Вашингтон Пост» указывает на то, что после воссоединения Крыма с Россией может начаться новая холодная война: «захват Россией Крыма вызывает призрак Холодной войны» [64]. И даже рассуждает о том, приведет ли «захват Путиным Крыма» к единению Америки: «Может ли силовой захват Путина в Крыму объединить нас?» [61].

Демонизация Путина как главного русского злодея, пришедшего на смену Ивану Грозному, Петру Первому, Николаю Первому и Иосифу Сталину, — **еще один прием современной русофобии**, с помощью которого западные СМИ, с одной стороны, персонализируют «русскую угрозу», а с другой, пытаются разделить плохого Путина и хороших интеллигентных либеральных русских парней, которые должны отвергать экспансионистскую, захватническую политику нынешнего президента.

«Американский Крым»: обман зрения

В то же время некоторые эксперты, высказывающиеся на страницах «Вашингтон Пост», позволяют себе критиковать политику США. С одной стороны, они указывают на то, что Америка сама регулярно вмешивается в дела других государств.

«Мне это кажется, или разглагольствования о кризисе на Украине звучат так, будто Вашингтон страдает от амнезии? — вопрошает Юджин Робинсон. — Предполагается, что кризис должен нас шокировать. Нас должно потрясти то, что могучая военная держава состряпала повод для вторжения на территорию страны поменьше и послабее? Простите, но неужели все забыли трагические события в Ираке, произошедшие несколько лет тому назад?

Скажу честно, мыслями я на стороне законного украинского правительства, а не неоимпериалистического российского режима. Но если говорить откровенно, Соединенные Штаты Америки не в том положении, чтобы настаивать на абсолютном соблюдении территориальной целостности суверенных государств.

До Ирака был Афганистан, была война в Персидском заливе, была Панама, была Гренада. И даже когда мы клеймим Россию позором за ее возмутительную агрессию, мы оставляем за собой право запускать смертоносные ракеты по территории Пакистана, Йемена, Сомали и бог еще знает каких стран» [121].

«Американские ястребы — политики и ученые мужи, которые били в барабаны, призывая к интервенции в Ирак, а сейчас критикуют президента Обаму за недостаточную агрессивность в украинском вопросе — должны объяснить, почему своекорыстная доктрина превентивной войны, которую они использовали для оправдания нашей иракской авантюры, должна быть зарезервирована исключительно для нас» [102], — вторит Гарольд Мейерсон.

Другие эксперты, наоборот, критикуют Обаму за недостаточно жесткую политику в отношении России.

«Жалкий ответ Обамы на вторжение Путина в Крым», — называется статья Чарльза Краутхаммера. «Последствия? — восклицает автор — Отказ в визах и замораживание активов для 11 человек, семеро из которых русские. Семеро! Из 140 миллионов. Не Путин. Не Медведев. Не олигархи. . . » [88].

Еще одна статья этого эксперта называется: «Обама против Путина: не ровня».

«Разумеется, России не стоит тягаться с американской сверхдержавой. Однако при ее нынешнем президенте Россия превосходит Америку — начиная с попытки

обольщения в период перезагрузки и заканчивая пустыми угрозами Америки, обещающей некие «последствия» в случае, если Россия аннексирует Крым.

Россия аннексировала Крым. И «последствия» оказались поистине смехотворными. В XIX и XX веках в сражениях за Крым погибло бесчисленное количество европейских солдат. Путину удалось завоевать его в ходе стремительной скрытой кампании, на которую он потратил всего три недели, и которая не стоила его солдатам ни одной вывихнутой лодыжки» [89].

Так или иначе, но, по мнению абсолютного большинства журналистов, политиков, экспертов, выступающих на страницах одной из самых влиятельных американских газет, «Запад теперь должен готовиться к долгой борьбе с Россией» [160]. «Россия становится лидером антизападного мира» [66], — констатирует Маша Гессен.

3.2. Семь лет в России

США и их союзники ведут информационную войну против России — об этом не раз говорили в последние годы и президент РФ Владимир Путин, и министр иностранных дел Сергей Лавров. То же самое констатируют эксперты-политологи, историки, журналисты.

«События, разворачивающиеся сегодня в глобальном информационном пространстве, с новой силой демонстрируют место и роль технологий формирования сознания мировой общественности в арсенале инструментов заокеанских стратегов, используемых с целью реализации внешнеполитических задач США. Информационная война и санкционное давление на Россию вследствие ее последовательной линии на защиту своих жизненно важных интересов, своего народа, языка и русского культурного пространства в целом, ярко подтверждают известный тезис американских политологов о том, что тенденции в развитии международных отношений будут только усиливать значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств, прежде всего США, сочетающих военные и невоенные компоненты в своей международной деятельности». [25, с.307-308].

В особенно острую стадию «невоенные боевые действия» перешли после воссоединения Крыма с Россией. С тех пор полуо-

«Американский Крым»: обман зрения

стров описывается в западных СМИ как оккупированная (аннексированная) Россией территория Украины, где систематически нарушаются права человека.

На протяжении шести с половиной лет новейшей истории российского Крыма в ведущих средствах массовой информации США и других стран Запада появились тысячи материалов, рассказывающих о положении дел на полуострове (в одной только «Нью-Йорк Таймс» с марта 2014 по ноябрь 2019 года опубликовано более двух тысяч статей и заметок, содержащих слово «Крым»).

При этом, увы, абсолютное большинство этих материалов изображают ситуацию на полуострове предвзято. Российский Крым для ведущих западных медиа — это оккупированная депрессивная территория, где массово нарушаются права человека, население которой живет в бедности и страхе перед агрессором.

То, что крымчане считают воссоединением с Россией, западные СМИ называют «аннексией». Практически все «крымские публикации» ведущих американских и европейских медиа объединяет употребление журналистами в отношении судьбы полуострова глагола «аннексировать», который означает «насильственно присоединять, захватывать территорию чужого государства».

Аннексия или воссоединение? Оккупация или свободное возвращение в Россию? Сепаратизм или ирредентизм? Выбор лексики — очень важный элемент современной информационно-пропагандистской кампании. Именно он создает ощущение принадлежности к одному и тому же лагерю или, наоборот, порождает недоверие и враждебность...

«Занимаются этим профессионалы от коммуникации, это они придумывают формулировки и клише, которые удобно повторять и которые потом прочно войдут в обиход и замелькают на первых страницах периодических изданий. Именно так все и было, когда разразился украинский кризис», — отмечает Ги Меттан. — «Самый простой способ дискредитировать Россию — через тщательно отобранную лексик-

ку. Освещая украинский конфликт, можно писать о «воинствующих сепаратистах Донбасса», а можно — об «антиукраинских сопротивленцах». Можно говорить об «аннексии Россией Крыма» — а можно о «возвращении Крыма в лоно России-матушки». А ведь речь идет об одних и тех же людях и событиях» [13, с.365].

«Если проанализировать язык прессы в начале конфликта и проследить за его развитием (это касается любых конфликтов вообще), то нетрудно засечь момент, когда агентства по коммуникации, ответственные за разработку риторики, формируют клише; затем их подхватывают западные СМИ, которые направляют общественное мнение в желаемое русло. В 2014-м, когда разразился украинский кризис, в распоряжение украинского правительства было послано несколько десятков американских специалистов по коммуникации, они-то и разработали антирусский «новояз» [13, с.365-366].

Чтобы убедить, не надо лгать, надо просто правильно представить факты, выстроить аргументацию, подобрать соответствующие слова. Именно так, слово за слово, западной прессой создается лубочная картинка «доброе американского дяди» и, в противовес ей, страшный образ русского «злодея».

«Аннексия» Крыма Россией — не подлежащая сомнениям данность, фундамент, основываясь на котором американские СМИ строят свой метарассказ о новейшем периоде истории региона. Таким образом **аудитории изначально навязывается тезис о незаконном, насильственном захвате полуострова Россией, а предыстория и итоги референдума о воссоединении попросту игнорируются.**

Рассказывая о российском Крыме, американские медиа делают акцент на нескольких аспектах. Первый из них — военный. Пристальное внимание обращается на модернизацию базирующегося в регионе Черноморского флота. Западные журналисты и эксперты опасаются наращивания военной мощи России, прекрасно понимая, что она является гарантом нерушимости нового статуса полуострова.

«На фоне напряженности Россия разворачивает в Крыму передовую ракетную систему класса «земля-воздух», — тревожится в одном из своих материалов «Вашингтон Пост». — После аннексии Крыма военно-морской флот России

«Американский Крым»: обман зрения

значительно укрепил части Черноморского флота, дислоцированные в Севастополе и Крыму, и перебросил подразделения из своего Южного военного округа на полуостров, разместив там контингенты артиллерии, воздушно-десантных войск, авиации» [67].

Новый российский Крым в кривом зеркале западных СМИ — это напичканный сверхсовременным вооружением регион со стагнирующей под влиянием санкций «международного сообщества» экономикой и падающим уровнем жизни населения. Еще одно следствие «аннексии» Крыма Россией, по версии американских медиа, — ухудшение туристического потенциала региона.

«Туристическая экономика является основным источником дохода полуострова, но то, что раньше было сезоном, растянувшимся почти на шесть месяцев, теперь ограничивается июлем и августом» [65], — фантазирует Миша Фридман в статье «Высокая цена путинского захвата Крыма», опубликованной авторитетным информационным агентством «Блумберг».

Если в прежние, «украинские годы», у американских медиа была одна ритуальная дата в году, когда они обязательно писали о Крыме — 18 мая — день депортации крымских татар, то теперь таких ритуальных дат стало две; к 18 мая добавилось 16 марта — день проведения референдума о воссоединении полуострова с Россией. Это, что называется, программа-минимум.

«Что случилось с Крымом через год после аннексии» [114], рассказывает в 2015 году крупнейшая общенациональная газета США «Ю-Эс-Эй Тудэй». Автор статьи, некто Дэн Полищук (показательная «идеологическая контаминация», смешение англо-саксонского имени с украинской фамилией) рассказывает о том, что из региона ушли «Эппл» и «Макдональдс», не работают платежные системы «Виза», «Мастеркард» и «ПэйПэл», прекратилось железнодорожное и автобусное сообщение с материковой Украиной, спорадически отключается электроэнергия.

С одной стороны, все эти трудности, заметим — искусственно созданные для Крыма так называемым международным сообществом, имели, а некоторые и до сих пор имеют место быть. С другой, и «Ю-Эс-Эй Тудэй» об этом старается не распространяться,

вышеперечисленные проблемы успешно решены или не имеют критического значения — как, например, в случае демонстративного закрытия на полуострове «Макдональдсов».

Ко второй годовщине «аннексии» показательный редакционный (то есть, прямо выражающий точку зрения издания) материал увидел свет в «Вашингтон Пост». Статья называлась: «Новая норма» репрессий в Крыму».

«Через два года после незаконной аннексии Россией Крымский полуостров — одно из самых изолированных, бедных и — буквально — темных мест в Европе. Экономика уничтожена: линии электропередач из Украины были разрушены в ноябре, отрезав от электричества два миллиона крымчан. . . — пишет издание, репортеры которого даже не потрудились приехать в Крым и взглянуть на ситуацию собственными глазами. — Импорт из Украины запрещен, лекарства в дефиците и когда-то бурно развивающаяся туристическая отрасль умирает. Единственная процветающая индустрия в этой отрезанной украинской провинции — репрессии, исчезновения, политические преследования и другие юридические и физические атаки на любого, кто ставит под сомнение российскую оккупацию» [60].

Замечательная формулировка — линии электропередач «были разъединены». И ни слова о том, кто и как их «разъединил». Иными словами, ни слова о террористическом акте, совершенном украинскими и крымско-татарскими боевиками на границе с Крымом в ноябре 2015 года для того, чтобы сделать невыносимой жизнь людей, которые отказались входить в одно государство с пришедшими к власти на Украине неонацистами. Ни слова о том, что «разъединение» поставило в буквальном смысле под угрозу жизни сотен крымчан, находившихся в тот момент в больницах и на операционных столах. Ни слова о том, как жители Щелкино поздней осенью на протяжении нескольких дней подряд грелись и готовили еду на кострах прямо посреди дворов, между многоэтажками.

При этом, как уже отмечалось, репортеры «респектабельного» американского издания даже не потрудились приехать в Крым и взглянуть на ситуацию собственными глазами. Еще бы — Государственный департамент США настоятельно не рекомендует своим гражданам посещать «оккупированный полуостров» — а ну как увидят правду. Журналисты «Вашингтон Пост» не потру-

«Американский Крым»: обман зрения

дились зайти домой к кому-нибудь из крымчан и включить свет, заглянуть в аптеку, в супермаркет, поговорить с жителями полуострова и отыскать здесь хоть одного оккупанта — желательно «верхом на танке». Да и ни к чему это, потому что все равно опубликовать можно было только то, что было опубликовано.

Объективная реальность мало интересует занятые конструированием крымского симулякра западные СМИ.

Они озабочены живописанием ужасов «оккупации» и поиском путей вернуть регион в лоно «цивилизованного мира» (читай — в состав Украины).

Особую ставку в информационно-пропагандистской войне против Крыма и России американские медиа делают на миф об преследовании на полуострове крымских татар. Запрет экстремистского Меджлиса, лидеры которого ответственны за террористический акт по подрыву линий электропередач в Крым и создание так называемого «батальона смертников» имени Номана Челебиджихана, равно как и борьба с запрещенной не только в России, но и во многих других странах, в том числе, например, в Германии, партией Хизб ут-Тахрир и другими радикальными исламскими течениями выдается за репрессии против крымско-татарского народа. Так же, как приговор кинорежиссеру-любителю Олегу Сенцову за подготовку на территории Крыма террористических актов — за репрессии против этнических украинцев и интеллигенции.

«В реальности Россия усиливает свои репрессии против крымских татар, которые сейчас составляют 12 процентов населения Крыма, — пишет «Нью-Йорк Таймс». — ...Российские войска совершали налеты на дома и мечети, а также преследовали и лишили свободы крымско-татарских активистов, некоторые из которых исчезли или были убиты. Россия пыталась запретить крымским татарам проводить публичные мероприятия» [112].

Главную силу сопротивления «российской оккупации», по версии западных СМИ, представляет радикальная часть крымских татар во главе с лидерами запрещенного Меджлиса Мустафой Джемилевым, Рефатом Чубаровым и Ленуром Ис-

лямовым, бежавшая после воссоединения полуострова с Россией на территорию «свободной Украины». «Татары, враги России в Крыму, заблокировали поставки продовольствия», — пишет «Нью-Йорк Таймс» 21 сентября 2015 года. — Крымские татары, возмущенные аннексией Россией черноморского полуострова, заявили в понедельник, что блокада поставок продовольствия в Крым из Украины будет продолжаться бесконечно» [85], — рассказывает автор материала. Цель блокады формулирует Мустафа Джемилев. Она «состоит в том, чтобы оккупанты покинули нашу территорию» [85].

Американские СМИ стараются рассказывать о «преследованиях» татар и «нарушениях прав человека» при каждом удобном и не очень удобном случае. Так, например, происходит, когда «Вашингтон Пост» пишет о победе певицы Джамалы в конкурсе «Евровидения» в 2016 году [82]. О музыке в материале — один процент, остальные 99 — о депортации татар проклятым сталинским режимом и аннексии Крыма не менее проклятым режимом Путина.

Почему в качестве «целевой группы» для дезинформационной кампании выбраны именно крымские татары? Американские политтехнологи делают ставку на генетическую память, историческую обиду этого народа, обусловленную депортацией 1944 года.

«Почему крымские татары так враждебно относятся к России?» [113] — задается вопросом журналист «Вашингтон Пост» Леонид Пейсахин. По его мнению, Россия прочно ассоциируется у крымских татар с угрозой насилия, и молодое поколение остается верным этим убеждениям.

Другой немаловажный фактор — экономические сложности, с которыми крымские татары сталкивались после возвращения на родину. Третий — их определенная обособленность, вызванная изоляционистской политикой национальных лидеров, которые стремились противопоставить крымских татар остальным проживающим на полуострове народам, и прежде всего — русскому. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что некоторая часть крымских татар действительно до сих пор остается под влиянием находящихся в эмиграции лидеров Меджлиса.

Остающиеся в Крыму татары изображаются американскими СМИ как угнетаемое меньшинство. «Россия пытается стереть с

лица земли крымских татар» [112], — утверждает на страницах «Нью-Йорк Таймс» 19 мая 2016 года Кристина Пасчин. По ее мнению, это выражается в запрете Меджлиса, аресте одного из лидеров этой экстремистской организации Ильми Умерова, закрытии крымско-татарских СМИ (по-видимому, речь о телекомпании АТР Ленура Ислямова), обысках и арестах членов Хизб ут-Тахрир и других запрещенных террористических религиозных организаций.

«Крымские татары по-прежнему отказываются подчиняться российской оккупации, — утверждает издание. — Большинство выступало против аннексии 2014 года, и их руководство продолжает требовать воссоединения Крыма с Украиной» [112]. «Есть те, кто говорит, что Крым — это потерянное дело, что господин Путин никогда не позволит ему вернуться на Украину, потому что российские связи с полуостровом пролегают слишком глубоко. Они забывают, что Крым принадлежал сначала крымским татарам, задолго до Российской империи, Советского Союза и господина Путина» [112], — поучает «Нью-Йорк Таймс».

При этом мы становимся свидетелями игнорирования западными СМИ многочисленных фактов успешной интеграции крымских татар в российском Крыму — Указа Президента РФ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», придания их языку государственного статуса в регионе, открытия национальных школ и классов, обустройства национальных поселков, строительства соборной мечети в Симферополе, реставрации Ханского дворца, представленности крымских татар во всех органах власти — начиная с муниципалитетов и заканчивая Государственной Думой Российской Федерации.

Западные СМИ выдают мнение лидеров запрещенного Меджлиса за мнение всего народа, стараясь кроме всего прочего еще и противопоставить крымских татар представителям остальных национальностей, проживающих в Крыму и, таким образом, искусственно создать в регионе межнациональную напряженность.

19 марта 2020 года, к шестой годовщине воссоединения Крыма с Россией, в «Уолл-Стрит Джорнал» появляется материал под

названием «Россия цементирует связи с Крымом, замораживая конфликт с Западом».

«Шесть лет назад Россия захватила Крым, отняв его у Украины... — пишет автор, Энн Симмонс. — Действия Москвы по помощи Крыму подрывают долговременную стабильность в этом регионе. Потому что до тех пор, пока между Украиной и Россией сохраняется противостояние, США и Европа, уже наложившие санкции на Россию за агрессию против Украины, до окончания этого противостояния вынуждены будут находиться с Россией в положении замороженного конфликта... Санкции изгнали с полуострова западные финансовые институты — такие, как платежные системы Visa и Mastercard, — а также затруднили работу западных гостиничных гигантов, поскольку транснациональные корпорации избегают инвестиций в Крым с 2014 года... Иностранцам, посещающим полуостров, приходится сначала лететь в Москву или совершать путешествие на машине или поезде из Киева. А ведь когда-то направления полетов из аэропорта Симферополя включали Стамбул, Тель-Авив и Франкфурт. Международные компании доставки, такие как «Амазон», не доставляют заказанные товары в Крым из-за санкций, поэтому многие местные жители получают такие посылки через родственников или друзей в других городах... Россия нарастила свой военный потенциал в Крыму и активно наращивает инфраструктуру для работы с ядерными компонентами на полуострове, что вызывает серьезную озабоченность с точки зрения безопасности. Таково мнение и украинских, и западных официальных лиц... В декабре Генеральная Ассамблея ООН выразила «глубокое беспокойство по поводу постепенной милитаризации Крыма». Была также принята резолюция, требовавшая отвода российских сил с полуострова «без каких-либо проволочек»... Активисты борьбы за гражданские права говорят, что жителей полуострова заставляют продавать свои права и свободы за мещанское благополучие и внешний блеск инфраструктурных проектов» [140].

«Уолл-Стрит Джорнал» цитирует первого заместителя министра иностранных дел Украины, крымскую татарку Эмине Джапарову:

«Я бы сравнила это с тем, как похищенную женщину одевают в красивое платье. Вы ее похищаете, наряжаете, наносите красивый макияж и заставляете улыбаться, хотя к ее спине приставлен пистолет. И она даже не может сказать, что несчастна» [140].

«ООН обвинила Россию в «многочисленных и грубых нарушениях» основных прав

«Американский Крым»: обман зрения

граждан Крыма. Среди нарушений — бесновательные аресты, пытки, а также исчезновения с общественного горизонта украинских журналистов, членов альтернативной православной церкви, гражданских активистов. Особенно страдают представители угнетаемой крымско-татарской общины — мусульманского этнического меньшинства, являющегося коренным населением полуострова» [140], — рассказывает издание.

«Уолл-Стрит Джорнал» пишет:

«Оппозиция со стороны крымских татар российской аннексии сделала их жертвами репрессий Москвы, говорят активисты-правозащитники. Россия наложила клеймо «экстремистов» на меджлис — выбранную когда-то ассамблею татарского народа, которая бросила вызов правлению Москвы и теперь запрещена в России» [140].

По сведениям некой Мелинды Хэринг, заместителя директора расположенного в Вашингтоне центра «Евразия», являющегося структурным подразделением «Атлантического совета», до 200 тысяч крымчан (!!!) сталкивались с тем, что к ним подходили и запугивали сотрудники ФСБ, а некоторых, о ужас, даже допрашивали.

Ну и так далее, и тому подобное.

Репортажный финал материала в «Уолл-Стрит Джорнал»:

«Ветреным утром на набережной Севастополя, главной базы российского Черноморского флота, оператор прогулочных морских туров пытается сагитировать прохожих присоединиться к пароходной экскурсии по местному заливу. Желающих немного. Некоторые из его коллег-экскурсоводов говорят, что большинство туристов нынче — прижимистые российские гости.

«До того, как мы стали частью России, дела шли получше. Весь мир к нам приезжал — из Европы, из Америки», — говорит туристический агент, который не захотел назвать своего имени, поскольку как крымский татарин все время боится репрессий со стороны властей.

А другой мужчина, представившийся Григорием, тоже предлагает прохожим морские прогулки. «Все думали, что жизнь будет лучше под русской властью, — говорит он. — Но на самом деле многие предприятия малого бизнеса здесь просто закрылись» [140].

Этот, опубликованный в одной из главных газет Запада материал дает нам квинтэссенцию «крымского симулякра». Объективная реальность мало интересует его «конструкторов». Они озабочены живописанием ужасов «аннексии» и поиском путей вернуть регион в лоно «цивилизованного мира» (читай — в состав Украины).

Единственное, что в конце концов пришлось признать Западу — вклад России в развитие инфраструктуры Крыма:

«Блестящий, роскошный современный аэропорт, новые тепловые электростанции, а также мост, связывающий Крым с российским «материком» — все это части финансируемых Россией проектов по развитию полуострова. Именно эти проекты сцементировали контроль Москвы над этой территорией» [140], — пишет «Уолл-Стрит Журнал».

Искажение реальности осуществляется западными медиа с помощью таких приемов, как «произвольный отбор фактов, их подтасовка, смещение точки отсчета, извращение причинно-следственных связей. Такое передергивание требует от читателя (зрителя, слушателя) досконального знания событий и их последовательности. Оно также играет на забывчивости читателя, занятого будничными делами, не способного переварить ежедневно обновляющуюся лавину информации» [13, с.376-377], — объясняет Ги Меттан.

Среди американских «механизмов» решения «крымской проблемы» стоит упомянуть периодически вбрасывающуюся в информационное пространство заведомо неприемлемую ни для России, ни для крымчан затею провести повторный референдум. Такой вариант предлагает, к примеру, Дуг Бэндоу в материале «Проблему Крыма надо решать с помощью референдума. Но пусть он будет свободным и честным» [38], который опубликован в «Нэшнл Интерест» в 2018 году.

Как уже говорилось, положительные изменения в регионе либо игнорируются, либо, когда сделать это невозможно (как в случае со строительством Крымского моста), освещаются под негативным углом зрения. Например, рассказывается о том, что Крымский мост строился без разрешения киевских властей, или о том,

«Американский Крым»: обман зрения

что, по оценкам «экспертов», он вскоре неминуемо рухнет из-за неблагоприятных природных условий.

По мнению журналистов «Нью-Йорк Таймс» Нила Макфаркьюэра и Ивана Нечепуренко, Крымский мост имеет не столько инфраструктурное, сколько символическое значение. Таким образом Россия якобы демонстрирует свою власть над полуостровом.

«Строя где-нибудь мост или шоссе, вы заявляете, что это — ваше» [97], — подытоживают журналисты.

Ричард Лурье в «Глоб энд Мэйл» называет Крымский мост — Путинским, персонифицируя не только конкретный строительный объект, но и весь российский «крымский проект». По мнению Лурье, строительством такого масштаба Путин подчеркнул принадлежность Крыма России. Журналист удивляется тому, как и в какие сроки был построен мост.

«Хотя затраты, как и ожидалось, превзошли смету, превысив сумму в четыре миллиарда долларов, проект был завершен досрочно — что поистине удивительно. Уже одно это говорит о значении, которое Путин придал строительству моста» [95], — пишет автор.

Нил Макфаркьюэр характеризует открытие моста 15 мая 2018 года как «театральную постановку». По его мнению, после «вооруженной аннексии Крыма» туристический поток на полуостров снизился, и строительство Керченского моста было совершенно экономически не оправдано [97].

Наконец, зафиксированы случаи, когда реакция на строительство Крымского моста в американских медиа достигает градуса истерики. К примеру, автор «Вашингтон Экзэминэр» Том Роган в статье «Украина должна взорвать путинский Крымский мост» говорит о том, что сооружение является вопиющим примером унижения украинской нации и призывает к уничтожению объекта.

«Украина теперь должна уничтожить элементы моста. Хотя такой курс действий будет эскалацией против Путина и почти наверняка вызовет возмездие России, этот мост является вопиющим оскорблением авторитета Украины» [123], — пишет Роган.

«К счастью, — рассуждает «аналитик», — у Украины есть средства для нанесения воздушных ударов по мосту таким образом, чтобы сделать его хотя бы временно непригодным для использования» [123].

Тему Крымского моста в американских СМИ актуализирует провокация украинских кораблей, нарушивших в ноябре 2018 года государственную границу России в попытке без разрешения пройти через Керченский пролив, продемонстрировав таким образом, что Крым якобы по-прежнему является частью Украины.

После задержания украинских моряков российскими пограничниками в ряде западных СМИ появились материалы, выражающие беспокойство в связи с возможностью начала полномасштабной войны между Украиной и Россией. Статья Сары Маклафлин Митчелл в «Вашингтон Пост» так и называется: «Могут ли новые боевые действия между Россией и Украиной перерасти в полномасштабную войну?» [101].

Другая журналистка этого издания Энн Эпплбаум в статье «Последнее нападение России на украинцев — предупреждение Западу» характеризует Россию как агрессора, незаконно захватившего территорию другого государства и установившего там свое господство. Говоря о «тщательно спланированной провокации» [29], она утверждает, что российские военные намеренно открыли огонь по украинским судам в Керченском проливе. Причиной этого Эпплбаум называет «оккупацию» Крыма.

«Это может быть просто одним из периодических напоминаний России о том, что она не прекратит свою незаконную оккупацию» [29], — пишет журналистка.

После воссоединения Крыма с Россией абсолютное большинство «крымских материалов» западных СМИ сочиняется удаленно. Как отметила на медиафоруме «Открытый Крым: своими глазами» официальный представитель МИД России Мария Захарова, крупные иностранные редакции запрещают своим журналистам посещать полуостров:

«Это объяснимо только одним: если сюда приедет корреспондент, он не сможет не писать о тенденциях, которые увидит», — пояснила Захарова» [20].

«Американский Крым»: обман зрения

Все крупнейшие американские СМИ описывают ситуацию в Крыму в унисон с официальной точкой зрения Вашингтона, фактически являясь инструментами государственной политики США. Вне всяких сомнений, это элемент информационной или, как сейчас говорят, гибридной войны Запада против России. Над американскими журналистами, пишущими о Крыме, довлеют, с одной стороны, антироссийские русофобские стереотипы, складывающиеся на Западе на протяжении столетий, а с другой стороны — сиюминутная политическая конъюнктура.

О неизменности оценок американского истеблишмента хорошо свидетельствует опубликованная в 2018 году Брукингским институтом статья бывшего посла США на Украине Стивена Пайфера «Россия против Украины: еще больше того же самого?» [117]. Надо признать, в этом опусе действительно «все то же самое», те же самые обвинения в «аннексии Крыма», «разжигании конфликта», «агрессии Путина».

Ведущие американские политики продолжают заявлять, что антироссийские санкции будут действовать до тех пор, пока Кремль не признает свою вину в «оккупации Крыма». С таким заявлением выступил, в частности, госсекретарь США Майк Помпео.

«Россия будет сталкиваться с последствиями до тех пор, пока полностью не выполнит Минские соглашения и не возвратит контроль над Крымом Украине» [36], — цитирует Помпео «Ассошиэйтед Пресс».

Наряду с этим госсекретарь презентует «крымскую декларацию», в которой заявляет о нарушении Россией международных принципов.

«Россия путем вторжения на Украину и аннексии Крыма в 2014 году пыталась подорвать основополагающий международный принцип, которого придерживаются демократические государства: ни одна страна не может силой изменять границы другой» [36].

Периодически влиятельнейшие американские издания прямо предоставляют свои страницы украинским политикам. Так происходит, например, 6 декабря 2018 года, когда «Нью-Йорк Таймс»

публикует статью теперь уже бывшего президента Петра Порошенко, который рассказывает американцам о «краже Россией украинского Крымского полуострова» [119].

Отдельные «условно объективные» публикации — лишь **исключение, подтверждающее общее правило** о неизменности позиции американского истеблишмента, которую транслируют ведущие медиа США.

Через три года после воссоединения полуострова с Россией в «Ю-Эс-Эй Тудэй» появляется большой репортаж «Крымчане поддерживают российский захват: если они попытаются вернуть все назад, я буду сражаться». Автор материала, Ким Хьелмгард, рассказывает о том, что многие жители полуострова рады вернуться в Россию.

«Люди чувствуют себя дома в России. Это главное, — цитирует издание крымчанку Дарью Деменко. — Если вы знаете историю, то вам известно, что Крым русский и всегда был русским. Я не хотела оставаться гражданином второго сорта, как это происходило при Украине» [76]. «Мы, украинцы и русские, одна семья. Разницы нет» [76], — добавляет муж Дарьи Александр. «Украина никогда не заботилась о нас здесь. Все предприятия были абсолютно заброшены. Когда мы голосовали на референдуме, были огромные очереди. Никто не оказывал на нас никакого давления... Мы хотели присоединиться к России несмотря на мнение Запада» [76], — говорит еще один герой материала, Сергей Соколов.

По утверждению автора статьи, ему трудно было найти голоса несогласных с российским статусом Крыма, отчасти потому, что в 2015 году Москва признала оспаривание российской принадлежности полуострова преступлением. Тем не менее, в конце концов, один такой диссидент нашелся, но попросил «не называть его имени, поскольку это может привести к тюремному заключению или изгнанию из Крыма» [76]. По его словам, после воссоединения с Россией Крым стал «полицейским государством».

Завершается репортаж «Ю-Эс-Эй Тудэй» словами Александра Деменко:

«Американский Крым»: обман зрения

«Я не хочу войны с нашими украинскими братьями, но если они попытаются вернуть Крым, я буду сражаться».

«И я тоже, — добавляет Дарья. — Это моя родина» [76].

Показательная история произошла с журналистом Джеффом Опдайком, опубликовавшим в июне 2019 года в газете «Лос-Анджелес Таймс» статью «Крым — неожиданная красота на фоне беспокойной истории». Решив абстрагироваться от политики, он просто рассказал об уникальных исторических и природных достопримечательностях региона. По мнению Опдайка, «это живописное и гостеприимное место, которое должны посещать жители западных стран, пусть даже кое-кто из них не желает подпитывать экономику спорной территории своими туристическими долларами» [110].

«В сегодняшнюю эпоху интернета, когда любители Инстаграма показали нашу планету со всех ракурсов и точек, Крым стоит особняком, отличаясь неиспорченной подлинностью» [110], — написал Опдаик и... вызвал международный скандал. Министрство информационной политики Украины направило официальное письмо руководству газеты «Лос-Анджелес Таймс», потребовав уважать законы Украины и не рекламировать незаконные способы попадания на территорию Крыма, который автор статьи несколько раз назвал российской территорией. В итоге редакции пришлось дополнить статью информацией о том, что Украина запрещает посещать Крым без своего разрешения, а также о том, что Госдепартамент США в принципе не рекомендует гражданам США соваться на «оккупированный полуостров». Так всеми возможными способами Киев и его западные покровители пытаются спрятать от мира правду о ситуации в Крыму.

Оценки воссоединения полуострова с Россией как «аннексии» и «оккупации» остаются неизменными. Большинство зарубежных государств, следуя в фарватере внешней политики США, до сих пор не признали российского статуса региона. Официальная версия Вашингтона: Крым — это оккупированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом и рассматривают

полуостров крупные заокеанские медиа. Однако в то же время у них, а значит, и у американских политических кругов растет понимание, что «вероятность того, что Крым снова станет частью Украины, почти равна нулю» [118].

«Данная территория не будет возвращена ни Путиным, ни его преемниками, если только Россия не потерпит поражение в войне. Даже критики Путина признают, что Крым навсегда вошел в состав России» [38], — пишет на страницах «Нэшнл Интерест» Дуг Бэндоу. По его мнению, «принципы отделения продолжают оставаться спорными в международных делах, однако жители Крыма должны обладать правом вето по вопросу о возвращении в состав Украины. Их нельзя передавать то туда, то сюда, как бушель пшеницы» [38].

Таким образом, мы видим, как оценки западных СМИ постепенно эволюционируют к приблизительно следующей формуле: Крым был аннексирован Россией, но, судя по всему, навсегда.

«Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и другие медиа стали оружием в информационной войне Запада против России. Их материалы о новом российском Крыме направлены не на информирование аудитории о реальном положении дел, а на конструирование «крымского симулякра».

Симулякр по Бодрийяру — это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. Оккупация Крыма российскими войсками, уничтоженная экономика, репрессии против мирного населения, продуктовый и лекарственный дефицит, всё это существует исключительно в американском, западноевропейском и украинском медиапространстве.

«Все, что преобразуется в информацию, становится предметом спекуляций, которым нет конца, — замечает Бодрийяр. И продолжает: «Основная функция информации — введение в заблуждение. Не суть важно, о чем нас она «информирует», не суть важно, насколько она «охватывает» события, потому что самое главное сам охват: то, к чему она стремится, всеобщий консенсус в результате смерти мозга» [6, с.37].

Именно этого — «смерти мозга» своих читателей, зрителей, слушателей и последующего единодушного одобрения антикрымской и антироссийской политики, выражающейся, в частности, в

«Американский Крым»: обман зрения

системе международных санкций не только против российского государства и крымской республики, но и против каждого жителя полуострова — и добиваются крупнейшие американские СМИ, конструируя на своих страницах и в своем эфире «оккупированный» Россией Крым.

Благо, те же американские читатели, зрители, слушатели легко поддаются манипуляции в силу не самой высокой осведомленности в таких сферах, как мировая история, политика и даже география. Это признает даже один из самых влиятельных американских политологов последних десятилетий Збигнев Бжезинский:

«...уязвимое место Америки — очень слабые познания американского населения об остальном мире. Горькая правда состоит в том, что американцы пугающе плохо разбираются в основах мировой географии, текущих событиях и даже ключевых вехах мировой истории. . . Менее половины старшекурсников знают, что целью создания НАТО было противостояние советской экспансии, а более 30 процентов взрослых американцев не могли назвать две страны, с которыми сражалась Америка во Второй мировой войне». [5, с.80-81].

В то же время, как говорится в изданном в 2017 году докладе Института журналистики Рейтер при университете Оксфорда, у американцев постепенно падает доверие к средствам массовой информации. С 2001 по 2015 год оно упало с 55 до 26 процентов среди лиц возрастной группы от 18 до 49 лет и с 50 до 38 процентов — среди респондентов от 50 лет и старше. Исследователи объясняют эту тенденцию ростом недостоверной информации. Аудитория не доверяет журналистам, так как они часто распространяют фальшивые новости и неправильно истолковывают информационные поводы. Этой же проблеме посвящена и серия докладов аналитического центра «РЭНД» об «увядании правды», выпущенных в 2018-2019 годах.

«В мире постправды нет места объективности и достоверности — здесь доминируют оценки, комментарии, слухи, байки, мифы и легенды, — констатирует Павел Кошкин в своей монографии «Американская журналистика и постправда». — В этой системе координат отсутствуют твердая опора, определенность и авторитеты, зато есть зыбкость, недосказанность, научный нигилизм и отрицание» [11, с.12].

Постправда — это все то, что идет «после» или «за» правдой: английский префикс *post-* имеет это значение. По определению Оксфордского словаря, постправда — это явление, когда призывы к эмоциям и личные убеждения играют более важную роль в формировании общественного мнения, чем объективные факты.

«Иначе говоря, это отрицание объективной реальности в угоду реальным предрассудкам» [11, с.24].

Среди основных черт постправды: претензии на идеологическое превосходство, стремление навязать окружающим точку зрения и знания, не подкрепленные опытом и не имеющие под собой доказательной базы; безапелляционная вера в собственную интеллектуальную и моральную правоту, несмотря на логические противоречия в личных убеждениях; отрицание объективной истины и переход на позиции постмодернизма со свойственным ему интеллектуальным релятивизмом.

Образ-симулякр «оккупированного Крыма» в «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и прочих американских изданиях создан и сомнению не подлежит.

Стивен Коэн, бывший советолог из службы президента Джорджа Буша, почетный профессор университетов Нью-Йорка и Принстона, журналист газеты «Нейшн» обеспокоен тем, что в американской прессе и политике царствует одна единственная точка зрения:

«Новая холодная война будет тем более опасной, что в Соединенных Штатах не существует никакой сколько-нибудь значимой оппозиции. Мы, отказывающиеся поддерживать неправильную политику нашего правительства, не можем ждать поддержки ни от какого влиятельного лица, не можем ждать и от Конгресса, превратившегося в оплот наступательной политики. С начала украинского кризиса и по сей день ни одна из таких газет, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» или «Уолл-стрит Джорнал», ни разу не давали нам слова. Нас не звали ни на канал MSNBC, ни на «Фокс Ньюс», где все события трактуются с одной единственной позиции: «во всем виноваты русские» [51].

«Американский Крым»: обман зрения

«Сейчас русофобия достигла такого размаха, что это превосходит всякие разумные границы и поражает воображение. Фраза «Во всем виновата Россия» стала излюбленным клише авторов передовиц, экспертов, политиков и университетских исследователей в Европе и Америке. Она идет в ход, когда нужно объяснить малейшую проблему, возникающую на нашем континенте» [13, с.122].

Следует также отметить, что и над западными политиками, и над редакторами и журналистами довлеют русофобские антироссийские стереотипы, которые складывались на Западе даже не десятилетиями, а столетиями, и резко «обострились» в последние годы. Как писал когда-то Александр Солженицын, «подите пробейтесь через клубок предвзятостей и перекосов в какой-нибудь сверкающей центральной американской газете» [17, с. 415].

Ну и, наконец, еще один важный аспект — психологическая травма, полученная американским истеблишментом в результате воссоединения Крыма с Россией. Это событие было воспринято как поражение не только Украины, но и США — и это хорошо прослеживается в текстах многих публикаций. А раз было поражение, значит, необходим реванш — хотя бы в информационном пространстве.

«... У американской политической элиты развился командно-гегемонистский комплекс превосходства и отсутствует опыт длительных равноправных отношений с другими государствами, что и поныне затрудняет признание ими возникающих в мире новых центров силы» [14, с.14].

«Воссоединение Крыма с Россией заставило американский истеблишмент воспринимать Российскую Федерацию в качестве значительной угрозы их глобальной гегемонии» [25, с.13].

Самый большой кошмар современной Америки нашел свое медийное воплощение в фотографии, которой проиллюстрирована одна из статей о ситуации в Крыму и в целом о российско-американских отношениях, опубликованных в «Вашингтон Пост». На этой фотографии президент России Владимир Путин расписывается на стене в молодежном лагере «Таврида» в Крыму, где выведено «Всё будет Таврида» [124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба за Крым между крупнейшими мировыми державами идет уже несколько тысячелетий и не прекратится никогда. Она разворачивается в самых разных сферах: политической, военной, экономической, культурной, информационной. И, соответственно, оружие в этой борьбе — не только мечи, арбалеты, мушкеты, пушки, корабли, самолеты, но и легенды, мифы, романы, рассказы, стихи, репортажи, информационные сообщения и аналитические статьи.

Без этого уходящего в глубину тысячелетий бэкграунда невозможно понять ни воссоединение Крыма с Россией весной 2014 года, ни последующую реакцию международного сообщества в виде политических и экономических санкций и блокады «мятежного полуострова». Чтобы быть правильно понятыми, события Крымской весны должны осмысливаться именно в контексте исторической борьбы за полуостров.

Важнейший этап борьбы за Крым развернулся после распада Советского Союза, когда полуостров де-факто стал спорной территорией между Украиной и Россией. При этом за влияние в регионе активно боролись не только Украина и Россия, но и США, Турция, Европейский Союз, в известной степени — Саудовская Аравия и некоторые другие арабские страны.

Борьба за Крым в этот исторический период как в капле воды отразилась в сотнях публикаций, посвященных ситуации в регионе, которые увидели свет в печатных средствах массовой информации самого могущественного геополитического игрока постсоветской эпохи — Соединенных Штатов Америки. О том, что происходило и происходит в Крыму, писали (и продолжают писать) все крупнейшие издания Нового Света — «Нью-Йорк Таймс» и «Лос-Анджелес Таймс», «Вашингтон Пост» и «Вашингтон Таймс», «Уолл-стрит Джорнал», «Чикаго Трибьюн» и многие другие.

Оторвать Крым от России, таким образом ослабив ее позиции в Черноморском и Средиземноморском регионах, — без преувеличения, вековая мечта Запада, которую он не оставляет и сегодня.

Поэтому естественно, что после распада СССР США и их союзники приветствовали независимую Украину, в состав которой в силу исторического случая вошел Крым. При этом американцы отлично понимали зыбкость исторических (да и юридических тоже) прав Украины на русскоязычный полуостров, подавляющее большинство населения которого составляли этнические русские, и который входил в состав российского государства на протяжении последних двухсот лет.

Крым описывался американскими средствами массовой информации как потенциальная горячая точка на карте мира. К этому региону последовательно примерялись различные конфликтные сценарии — нагорно-карабахский, приднестровский, югославский, чеченский, косовский, абхазский, юго-осетинский — в зависимости от того, когда появлялись те или иные публикации.

Главная опасность, которую американские медиа усматривали в Крыму, — это вероятность гражданской войны или другого вооруженного конфликта, способного в итоге спровоцировать распад Украины в ее неорганичных постсоветских границах.

Надо признать, эти опасения имели под собой «твердую почву». Как подсчитал Самюэль Хантингтон, «на начало 1993 года по всему миру велось около 48 этнических войн, а на территории бывшего Советского Союза имели место 164 «территориально-этнических притязания, из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов» [27, с.36].

Интерес американских СМИ к полуострову был обусловлен следующими причинами:

- ✓ базирование в Крыму Черноморского флота Российской Федерации;
- ✓ претензии на Крым, которые время от времени предъявляли радикальные политические силы в России;
- ✓ мощное пророссийское политическое движение в регионе;
- ✓ стратегическое географическое положение полуострова в Черноморском регионе;
- ✓ сложная история Крыма, который на протяжении долгих лет входил в состав России и лишь в 1954 году волею исторических судеб был передан Украине;

- ✓ сложный этнический состав населения региона, который характеризуется подспудным противостоянием между славянским населением и крымскими татарами;
- ✓ сосуществование, и тоже не всегда мирное, на полуострове двух мировых религий: христианства и ислама.
- ✓ исторические симпатии большинства русскоязычного населения региона к России.

Уже тогда, в начале девяностых годов прошлого века, самые проникательные американские эксперты и журналисты прекрасно понимали: **Крым входит в состав Украины по историческому недоразумению и в силу этого обстоятельства будет стремиться к воссоединению с Россией**, что неизбежно приведет к серьезному российско-украинскому конфликту.

Западным наблюдателям очевидна глубокая, неразрывная историческая связь Крыма с Россией, которая ставит под сомнение как будущее этого региона в составе Украины, так и будущее самой Украины в ее неорганичных, неестественных постсоветских границах. Фактически, противоречия, описанные в публикациях американских СМИ начала девяностых, получили свое разрешение во время событий Крымской весны 2014 года, завершившихся воссоединением полуострова с Россией.

Внимание западных медиа к Крыму на протяжении постсоветского периода было неравномерным. Наиболее пристальным оно оказывалось в кризисных, переломных политических ситуациях:

1992 год — период сразу после распада СССР, связанный с неопределенностью статуса полуострова и неопределенностью судьбы Черноморского флота бывшего Советского Союза;

1994 год — период после победы на президентских выборах в Крыму Юрия Мешкова, связанный с так называемым крымским сепаратизмом и возможным отделением Крыма от Украины и присоединением его к России.

2003 год — конфликт между Украиной и Россией из-за острова Тузла в Керченском проливе.

2008 год — период после войны 08.08.08, связанный со страхами перед повторением в Крыму юго-осетинского сценария.

У регионов третьего мира (а «украинский Крым» относился именно к таковым) есть не очень много шансов оказаться в центре внимания крупных мировых средств массовой информации. И главные из них — война, революция, стихийное бедствие или большая техногенная катастрофа.

Пример Крыма в этом смысле вполне показателен.

Давайте вспомним традиционные позитивные представления о полуострове «до нашей эры», имея ввиду — до 2014 года.

Итак, Крым — это:

1) мост дружбы между Украиной и Россией, регион, который связывает две эти страны неразрывными историческими, культурными, языковыми, ментальными нитями.

2) крупный туристический регион, бывшая всесоюзная здравница, который в перспективе способен конкурировать с ведущими европейскими и мировыми курортами.

3) перекресток цивилизаций — греческой, скифской, римской, турецкой, русской.

Однако эти и другие конструктивные образы Крыма, увы, были очень мало востребованы крупными зарубежными медиа. Чаще всего Крым интересовал их как очаг напряженности, противостояния между Россией и Украиной, между славянами и крымскими татарами, как очаг сепаратизма и потенциальная горячая точка на карте мира.

Последовательно примеряя к Крыму современные конфликтные сценарии, западные СМИ одновременно регулярно используют в своих материалах исторические аналогии с Восточной (Крымской) войной из вроде бы далекого XIX века. Пожалуй, это главный образ из прошлого, с помощью которого осмысливается ситуация в регионе. И это не случайно. В известном смысле, сегодня идет новая Крымская война между Западом и Россией, лишь методы ее стали более изощренными и технологичными.

Пик внимания к Крыму западных медиа пришелся на февраль-апрель 2014 года. Воссоединение полуострова с Россией на несколько месяцев стало главной темой всех крупнейших средств

массовой информации и навсегда изменило не только Крым, Россию, Украину, но и весь мир.

Такого количества иностранных журналистов на полуострове не было еще никогда. Количество «крымских публикаций» американских СМИ на протяжении февраля-апреля 2014 года попросту грандиозно. За эти три месяца таких публикаций было больше, чем за предыдущие 23 года — хотя, повторимся, Крым и прежде не был обделен вниманием западных медиа. И это, в общем, естественно. Любые изменения на политической карте неизбежно вызывают интерес всех ведущих мировых СМИ. Тем более, когда эти изменения происходят в Европе, да еще в таком ключевом регионе этого континента, как Причерноморье.

Позже, в мае 2014 года гражданская война на материковой Украине отодвинула крымскую тему в мировых медиа на второй план, однако она не исчезла и не исчезнет из сферы их внимания на протяжении ближайших лет, а может быть и десятилетий, в течение которых Крым, весьма вероятно, будет существовать в составе России как частично признанная международным сообществом территория.

Следует признать, история доказала — пусть отчасти, но «примерки» на Крым различных конфликтных сценариев имели под собой основания, хотя воссоединение с Россией получилось почти бескровным — это, кстати говоря, признают и транснациональные медиа, большинство из которых трудно заподозрить в симпатии к «сепаратистскому Крыму». Тем не менее, локальные столкновения — сначала 26 февраля, накануне захвата зданий парламента и правительства Республики, а затем при взятии под контроль базировавшихся на полуострове украинских воинских частей — все-таки происходили. Так что, безусловно, во время событий Крымской весны был риск превращения полуострова в по-настоящему горячую точку.

Сегодня, несмотря на фактическое воссоединение с Россией, статус Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации не признан ни Украиной, ни США, ни их союзниками. И значит, борьба за стратегически важный полуостров в Черном море не завершилась. Она продолжается в юридическом, дипломатическом, информационном пространстве.

«Американский Крым»: обман зрения

При этом симпатии абсолютного большинства политиков, политологов, историков, журналистов, выступающих на страницах американских СМИ, находятся на стороне Украины и ее западных союзников, что проявляется и в оценочных суждениях репортеров, и в подборе экспертов. Объяснение тому — прежде всего, их принадлежность к Западному миру с его сложившимися антироссийскими стереотипами.

Образ любого государства (региона) очень консервативен и связан с определенным спектром ожиданий. От Крыма многие на Западе упорно ждут, что он когда-нибудь станет следующей горячей точкой. От Крыма ждут конфликтов, и когда он оправдывает эти ожидания, **негативный образ региона подкрепляется очередными фактами, позитивные же события и тенденции часто остаются незамеченными** медиа именно потому, что диссонируют со стереотипными ожиданиями.

В основе представлений о Крыме во многом лежит уходящая своими корнями вглубь веков русофобия Запада, обусловленная геополитическими причинами, стремлением к экономическому, политическому и военному превосходству. Американские медиа, с одной стороны, опираются на ранее сформированные стереотипы, а с другой — укрепляют эти клише, обращая внимание преимущественно на те факты, которые укладываются в заранее заданное идеологическое русло.

Официальная версия Вашингтона: Крым — это оккупированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом и рассматривают полуостров крупнейшие заокеанские медиа после 2014 года. За без малого пять лет, которые Крым провел в составе России, в американских СМИ появились сотни статей, рассказывающих о положении дел в «оккупированном Россией» регионе. При этом, по их версии, полуостров переживает тяжелый экономический кризис, обусловленный, во-первых, международными санкциями, во-вторых, энергетической, водной, транспортной,

продовольственной блокадой со стороны Украины. А люди здесь живут в страхе и трепете от «путинской дубинки» [128].

Это параллельная, вымышленная реальность, симулякр, сконструированный американскими и европейскими политиками и журналистами в ходе информационной войны против России.

«Самодовольство информации и средств массовой информации напоминает в этом случае политическую самоуверенность западной империи. Все эти журналисты, превозносящие себя как проводников универсального сознания, все эти телеведущие, превозносящие себя как стратегов, в то же время низвергают всех нас в поток бессмысленных образов» [13, с.81].

Такая оценка ситуации в Крыму обусловлена, с одной стороны, геополитическими интересами США — несмотря на декларируемую независимость, ведущие американские СМИ выражают официальную точку зрения Белого дома. С другой — и над редакторами, и над журналистами довлеют антироссийские стереотипы, которые складывались на Западе даже не десятилетиями, а столетиями. Еще один важный аспект — психологическая травма, полученная американским истеблишментом в результате воссоединения Крыма с Россией. Это событие было воспринято как поражение не только Украины, но и США — и это хорошо прослеживается в текстах многих публикаций.

При этом, безусловно, Крым рассматривается не как объект, а как субъект, как карта в большой геополитической игре, ключевой регион Причерноморья, борьба за который идет уже не первое столетие. «Крымская история» является частью другой «истории», гораздо большей, которая охватывает события на Донбассе, в других регионах Украины, на всем постсоветском пространстве и по его периметру, включая Турцию, Сирию, Ирак.

Может ли измениться отношение американских СМИ к крымской проблеме? Быстро — нет. Медленно — может быть, хотя и в этом есть серьезные сомнения. Как уже говорилось, имидж государства (региона) формируется столетиями и поддается изменениям с очень большим трудом. В сущности, для этого тоже нужны столетия.

«Американский Крым»: обман зрения

У части политиков и экспертов были надежды на то, что ситуация изменится после избрания президентом США Дональда Трампа, однако ничего подобного не произошло. Избрание Трампа сопровождалось истерикой в крупнейших и традиционно симпатизирующих демократам американским СМИ. «Трамп не соответствует требованиям, предъявляемым к президенту США», «внешняя политика Трампа будет ужасной», стонали «Вашингтон Пост» и «Нью-Йорк Таймс». «Америка валяет дурака», писали они на следующий день после победы Трампа. «Украина боится, что станет главной проигравшей стороной на выборах президента США». Однако никаких существенных изменений в позиции США по «крымскому вопросу» не произошло, что свидетельствует о стабильности основных констант американской внешней политики вне зависимости от того, какая администрация в тот или иной период находится в Белом доме.

«Устойчивость... базовых элементов внешнеполитической традиции США обеспечивает высокую степень инерционности и преемственности их внешнеполитического курса, несмотря на постоянные, подчас весьма серьезные изменения международной обстановки и постоянную смену правящих партий внутри страны» [14, с.14].

Антироссийские, русофобские стереотипы Запада с избранием Трампа не исчезли и исчезнуть не могли.

Оценки воссоединения полуострова с Россией как «аннексии» и «оккупации» остаются неизменными. Большинство зарубежных государств, следуя в фарватере внешней политики США, до сих пор не признали российского статуса региона. Официальная версия Вашингтона: Крым — это оккупированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом и рассматривают полуостров крупные заокеанские медиа. Однако в то же время у них, а значит, и у американских политических кругов растет понимание, что вероятность того, что Крым снова станет частью Украины, почти равна нулю. Таким образом, мы видим, как оценки западных СМИ постепенно эволюционируют к приблизительно следующей формуле: Крым был аннексирован Россией, но, судя по всему, навсегда.

По «формуле» Збигнева Бжезинского, Евразия «является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» [4, с.13]. В таком случае Крым — несколько исключительно важных клеток на этой доске — стратегическая позиция, плацдарм, владея которым можно контролировать ситуацию в Причерноморье.

«Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля» [4, с.51] — пишет Бжезинский.

Крым — безусловно, такое же важное географическое достояние в системе имперского контроля, как и любая из вышеуказанных точек.

В начале 1945 года, в дни Ялтинской конференции стран — победительниц во Второй мировой войне, Крым в очередной раз оказался в центре внимания всего мира. Здесь собрались самые могущественные люди на планете, чтобы определить контуры послевоенного мира. Премьер-министр Великобритании, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Уинстон Черчилль предложил присвоить Ялтинской конференции кодовое название «Аргонавт», надеясь увезти из Тавриды политическое «золотое руно».

Продолжая метафору великого британского политика, следует признать, что **борьба за крымское «золотое руно» между крупнейшими мировыми державами продолжается до сих пор.**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферьев В.П. В нынешнюю войну [Текст] / В.П. Алферьев // «Северная пчела». — № 37. — 1854.
2. Беспалова А.Г. История мировой журналистики [Текст] / А.Г. Беспалова, Е.А. Корнилов, А.П. Короченский, Ю.В. Лучинский, А.И. Станько. — Москва — Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2003. — 331 с.
3. Бестужев И.В. Крымская война 1853-1856 [Текст] / И.В. Бестужев — М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. — 176 с.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) [Текст] / З. Бжезинский — М.: Международные отношения, 1998. — 256 с.
5. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис [Текст] / З. Бжезинский. — М.: АСТ, 2015. — 288 с.
6. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было [Текст] / Ж. Бодрийяр. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
7. Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы [Текст] / П. Бьюкенен. — М.: АСТ, 2016. — 640 с.
8. Гавра Д. П. Феномен имиджа: сущность и основные характеристики [Текст] / Д.П. Гавра // Капитал страны. — 01.07.2009.
9. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования [Текст] / Э.А. Галумов. — М.: Известия, 2003. — 452 с.
10. Гомер. Одиссея [Текст] / Гомер — М.: «Художественная литература», 1967. — 765с.
11. Кошкин П.Г. Американская журналистика и постправда / Институт США и Канады РАН. М: Издательство «Весь Мир», 2019. — 288 с.
12. Леонтьев М.В. Большая игра (Британская империя против России и СССР) [Текст] / М.В. Леонтьев. — М.- СПб.: Астрель, 2012. — 253 с.
13. Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война [Текст] / Г. Меттан. — М.: Паулсен, 2016. — 464 с.
14. Печатнов В.О. История внешней политики США [Текст] / В.О. Печатнов, А.С. Манькин. — М.: Международные отношения, 2012. — 672с.
15. Пушкин А.С. Клеветникам России [Текст] / А.С. Пушкин // Собр. соч.: В 10 т. — Т.3. — Л.: Наука, 1977. — 494 с.
16. Рассел У.Х. Британская экспедиция в Крым [Текст] / У.Х. Рассел. — М.: Принципиум, 2014. — В 2-х томах.
17. Солженицын А.И. Наши плюралисты [Текст] / А.И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. — Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. — Т.1. — С.415.
18. Солженицын А.И. Россия в обвале [Текст] / А.И. Солженицын. — М.: Русский путь, 2006. — 208 с.
19. Тарле Е.В. Крымская война: в 2 томах. [Текст] / Е.В. Тарле. — М. — Л. 1941-1944.
20. ТАСС. Захарова: многие западные СМИ запрещают своим журналистам посещать Крым [Электронный ресурс] / ТАСС. — 11.06.2017.

21. Твен М. Простак за границей [Текст] / М. Твен // Собр. соч. : В 12 т. — Т.1. — М. : Художественная литература, 1959. — 639 с.
22. Толстой Л.Н. Севастополь в декабре месяце [Текст] / Л.Н. Толстой // Собр. соч. : В 12 т. — Т.2. — М.: Художественная литература, 1973. — 397 с.
23. Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года [Текст] / Л.Н. Толстой // Собр. соч. : В 12 т. — Т.2. — М.: Художественная литература, 1973. — 397 с.
24. Тютчев Ф.И. Письма [Текст] / Ф.И. Тютчев // Полное собрание сочинений. Письма. В 6 томах. — Т. 5. — М.: Издательский центр «Классика», 2005. — 496 с.
25. Филимонов Г.Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России [Текст] / Г.Ю. Филимонов, О.Г. Карпович, А.В. Манойло. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 581 с.
26. Фукуяма Ф. Америка на распутье [Текст] / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2007. — 282 с.
27. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. — М. : АСТ, 2006. — 571 с.
28. Хантингтон С. Кто мы? [Текст] / С. Хантингтон. — М. : АСТ, 2018. — 544 с.
29. Applebaum Anne. Russia's latest attack on the Ukrainians is a warning to the West / A. Applebaum // The Washington Post. — 26.11.2018.
30. Aschenbach Joy. Tug of war in Crimea reopening old wounds ethnic tension: beloved Black sea peninsula is once again caught in political cross-fire / J. Aschenbach // Los Angeles Times. — 16.08.1992.
31. Aslund A.. The New Crimean war / A. Aslund, A. Karatnycky // The Wall Street Journal. — 28.12.2005.
32. Associated Press. Protesting Corruption, Crimea Tatars Riot / Associated Press // Chicago Tribune. — 27.06.1995.
33. Associated Press. Ukraine finds new hero in besieged base commander / Associated Press // The Washington Post. — 27.03.2014.
34. Associated Press. Land key as Crimea's Tatars discuss future plans / Associated Press // The Washington Post. — 28.03.2014.
35. Associated Press. Crimea's Tatars condemn annexation, seek autonomy / Associated Press // The Washington Post. — 29.03.2014.
36. Associated Press. Envoy says 'an awful long way to go' in NK talks / Associated Press. — 26.07.2018.
37. Ayres W. For kin or country: Why the Crimea crisis is not about a Greater Russia project / W. Ayres, S. Saideman // The Washington Post. — 06.03.2014.
38. Bandow D. Settle Crimea with a referendum / D. Bandow // The National Interest. — 30.08.2018.
39. Bass G. Why the Crimean War matters / G. Bass // The New York Times. — 08. 07. 2011.
40. Bittner J. Is Crimea the Next Yugoslavia? / J. Bittner // The New York Times. — 17.03.2014.
41. Bohlen C. Yelstin, in rebuff to Ukraine, lays claim to Black Sea fleet / C. Bohlen // The New York Times. — 10.01.1992.

«Американский Крым»: обман зрения

42. Bohlen C. In Russia-Ukraine fight over navy, Crimea lies at heart of the struggle / C. Bohlen // The New York Times. — 31.03.1992.
43. Bohlen C. Yeltsin rebukes Ukraine over fleet / C. Bohlen // The New York Times. — 08.04.1992.
44. Bohlen C. Black Sea fleet dispute cools / C. Bohlen // The New York Times. — 10.04.1992.
45. Bohlen C. Russia and Ukraine to run Black Sea fleet jointly / C. Bohlen // The New York Times. — 15.08.1992.
46. Boudreaux R. Tatars regaining lost ground in Crimea homeland fifty years after deportations by Stalin, repatriates are establishing communities and mustering political clout. But some are seen as squatters in their native land / R. Boudreaux // Los Angeles Times. — 28.04. 1995.
47. Carroll J. Looking at the cannonballs / J. Carroll // San Francisco Chronicle. — 09. 23. 2011.
48. Clarity J.F. Ukraine woos Soviet troops' loyalty / J.F. Clarity // The New York Times. — 10.01.1992.
49. Cohen E. Putin's power play in Ukraine / E. Cohen // The Washington Post. — 03.03.2014.
50. Cohen R. Putin's folly in Crimea / R. Cohen // The Washington Post. — 04.03.2014.
51. Cohen S.F. Heretiques contre faucons / S.F. Cohen // Le Monde diplomatique. — 10.2014
52. Constable P. Surrounded by Russian militiamen, a Ukrainian officer says his outpost is cut off / P. Constable // The Washington Post. — 10.03.2014.
53. Constable P. In Crimean capital, dueling rallies offer a study in contrasting narratives, ambitions / P. Constable // The Washington Post. — 10.03.2014.
54. Constable P. Crimea's Tatars brace for Russian annexation / P. Constable // The Washington Post. — 13.03.2014.
55. Constable P. Crimeans begin to consider the real benefits and costs of joining Russia // P. Constable, C. Morello // The Washington Post. — 14.03.2014.
56. Constable P. Crimean premier says region has the right to decide its political status / P. Constable // The Washington Post. — 15.03.2014.
57. Constable P. In Crimea, one group celebrates as another mourns / P. Constable, C. Morello // The Washington Post. — 18.03.2014.
58. Constable P. In Crimea, a swell of patriotism, but what is to follow? / P. Constable // The Washington Post. — 19.03.2014.
59. Crimea, strategic as ever, picks own president Sunday // The Washington Times. — 12.01.1994.
60. Crimea's 'new normal' of repression // The Washington Post. — 19.03.2016.
61. Dionne E.J. Can Putin's power grab in Crimea bring us together? / E.J. Dionne // The Washington Post. — 20.03.2014.
62. Eland I. Don't Admit the Ukraine into NATO / I. Eland // Los Angeles Chronicle. — 20.05.2009.

63. Erlanger S. — Glitz to the Right, Kitsch to the Left, Nouveaux Riches Ride Into the Crimea / S. Erlanger // The New York Times. — 17.07.1992.
64. Faiola A. Two cities embody Ukraine's tug of war between East and West / A. Faiola, C. Morello // The Washington Post. — 11.03.2014.
65. Friedman M. The High Price of Putin's Takeover of Crimea / M. Friedman // The Bloomberg. — 16.10.2018.
66. Gessen M. Russia is remaking itself as the leader of the anti-Western world / M. Gessen // The Washington Post. — 31.03.2014.
67. Gibbons-Neff Thomas. Amid tensions, Russia deploys advanced surface-to-air missile system to Crimea / T. Gibbons-Neff // The Washington Post. — 12.08.2016.
68. Goble P.A. Moscow tries to stir up Crimean Tatars / P.A. Goble // The New York Times. — 20.09.2008.
69. Goldberg C. Giving Crimea to Ukraine was illegal, Russians rule commonwealth: Parliament's vote brings tensions between the two powers close to the boiling point / C/ Goldberg // The Los Angeles Times. — 22.05.1992.
70. Hadley S. Putin's takeover of Crimea is part of a larger strategy / S. Hadley, D. Wilson // The Washington Post. — 03.03.2014.
71. Harness T. What's going on in Crimea? / T. Harness // The Washington Post. — 25.03.2014.
72. Harriman P. Our Moscow blinders; The most exciting developments in the former Soviet Union are outside Russia / P. Harriman // The Washington Post. — 26.06.1992.
73. Herszenhorn D.M. Crimea votes to secede from Ukraine as Russian troops keep watch / D.M. Herszenhorn // The New York Times. — 16.03.2014.
74. Hiatt F. Crimea catches sovereignty bug; coveted region wants freedom from newly free Ukraine / F. Hiatt // The Washington Post. — 01.06.1992.
75. Hiatt F. Crimea's suddenly inevitable 'sovereignty' / F. Hiatt // The Washington Post. — 24.03.2014.
76. Hjelmgaard Kim. Crimeans back Russian takeover: If they try to take it back, 'I will fight' / K. Hjelmgaard // USA Today. — 04.01.2017.
77. Higgins A. Grab for power in Crimea raises secession threat / A. Higgins // The New York Times. — 27.02.2014.
78. Higgins A. Gunmen seize government buildings in Crimea / A. Higgins, S. Erlanger // The New York Times. — 27.02.2014.
79. Hockstader L. Separatist storm brewing in Crimea; return to Russia beckons as promises of Ukraine independence falter / L. Hockstader // The Washington Post. — 14.05.1994.
80. Ignatius D. Putin's error in Ukraine is the kind that leads to catastrophe / D. Ignatius // The Washington Post. — 03.03.2014.
81. Ignatius D. What we learned in Crimea / D. Ignatius // The Washington Post. — 19.03.2014.
82. Kalmykov A. Eurovision win lifts spirits in Ukraine, raises eyebrows in Russia / A. Kalmykov, V. Soldatkin // The Washington Post. — 17.05.2016.

«Американский Крым»: обман зрения

83. Kamm H. Chatal Khaya Journal; Crimean Tatars, exiled by Stalin, return home / H. Kamm // The New York Times. — 08.02.1992.
84. King Ch. Crimea, the tinderbox / Ch. King // The New York Times. — 01.03.2014.
85. Kishkovsky S. Tatars, foes of Russia in Crimea, block shipments of food / S. Kishkovsky, A. Smale // The New York Times. — 21.09.2015.
86. Kontorovich E. The bloodlessness of Russia's Crimean conquest / E. Kontorovich // The Washington Post. — 24.03.2014.
87. Krauthammer Ch. Putin's Ukraine gambit / Ch. Krauthammer // The Washington Post. — 28.02.2014.
88. Krauthammer Ch. Obama's pathetic response to Putin's invasion of Crimea / Ch. Krauthammer // The Washington Post. — 21.03.2014.
89. Krauthammer Ch. Obama vs. Putin: The mismatch / Ch. Krauthammer // The Washington Post. — 28.03.2014.
90. Kuhner J.T. Will Russia-Ukraine be Europe's next war? / J.T. Kuhner // The Washington Times. — 12.10.2008.
91. Kuhner J.T. Will Ukraine survive? / J.T. Kuhner // The Washington Times. — 18.11.2010.
92. Levy C.J. Moscow's mayor exports Russia's new nationalism / C.J. Levy // The New York Times. — 25.10. 2008.
93. Levy C.J. Crimean mosque project stirs debate and trauma / C.J. Levy // The New York Times. — 29.10.2009.
94. Lipman M. Risking another Slavic war / M. Lipman // The Washington Post. — 30.01.2006.
95. Lourie R. Putin's bridge over troubled waters / R. Lourie // The Globe and Mail. — 26.10.2018.
96. Lupu N. Why are Crimean Tatars so hostile to Russia? / N. Lupu, L. Peisakhin // The Washington Post. — 05.09.2017.
97. MacFarquhar N. Putin opens bridge to Crimea, cementing Russia's hold on neighbor / N. MacFarquhar // The New York Times. — 15.05.2018.
98. McLaughlin S. M. Could the new fighting between Russia and Ukraine escalate into all-out war? / S.M. McLaughlin // The Washington Post. — 05.12.2018.
99. Marson J. Postcard from Crimea. For Crimea's Tatars, a home that's still less than welcoming / J. Marson // Time. — 16.04.2009.
100. Marson J. Exiled by Stalin, Ukraine's Tatars still struggling to recover / J. Marson // The Christian Science Monitor. — 19.05.2009.
101. Marson J. Putin to the West: hands off Ukraine / J. Marson // Time. — 25.05.2009.
102. Meyerson H. Russia doesn't respect borders. Neither has the U.S. / H. Meyerson // The Washington Post. — 06.03.2014.
103. Morello C. Crimea solidifies ties with Russia ahead of referendum on leaving Ukraine / C. Morello, K. Lally // The Washington Post. — 07.03.2014.

104. Morello C. Crimeans vote in referendum on whether to break away from Ukraine, join Russia / C. Morello // *The Washington Post*. — 16.03.2014.
105. Morello C. Crimea becomes more Russian by the hour / C. Morello, P. Constable // *The Washington Post*. — 17.03.2014.
106. Morello C. Officials in Yalta, Crimea, are nervous but hopeful about this year's tourism season / C. Morello // *The Washington Post*. — 29.03.2014.
107. Murphy K. Russia-Ukraine ties founder on the shore of tiny isle; Tuzla, with its strategic location in a strait linking the Sea of Azov and the Black Sea, has unexpectedly become a bone of contention / K. Murphy // *The Los Angeles Times*. — 03.11.2003.
108. Myers S.L. Ethnic and cultural divisions haunt Ukraine before vote / S.L. Myers // *The New York Times*. — 24.03.2006.
109. Nechepurenko I. Putin's bridge to Crimea may carry more symbolism than traffic / I. Nechepurenko // *The New York Times*. — 11.11.2018.
110. Opdyke J. Crimea is an unexpected beauty set against an unsettled history / J. Opdyke // *Los Angeles Times*. — 23.06.2019.
111. Osborn A. The New Crimean War: How Ukraine squared up to Moscow / A. Osborn // *The Independent*. — 09.01.2006.
112. Paschyn Ch.M. Russia is trying to wipe out Crimea's Tatars / Ch.M. Paschyn // *The New York Times*. — 19.05.2016.
113. Peisakhin L. Why are Crimean Tatars so hostile to Russia? / L. Peisakhin, N. Lupu // *The Washington Post*. — 05.09.2017.
114. Peleschuk D. What's happening to Crimea a year after Russia annexation / D. Peleschuk // *USA Today*. — 19.03.2015.
115. Perlez J. Simferopol Journal; Stalin's pawns return, meaning to play for keeps / J. Perlez // *The New York Times*. — 03.08.1993.
116. Perlez J. Crimea vote raises regional tension / J. Perlez // *The New York Times*. — 08.01.1994.
117. Pifer S. Russia vs. Ukraine: More of the same? / S. Pifer // *Brooking*. — 09.10.2018.
118. Pillar P. The Perils of territorial annexation / P. Pillar // *The National Interest*. — 11.06.2018.
119. Poroshenko P. Putin must be punished / P. Poroshenko // *The New York Times*. — 05.12.2018.
120. Potapenko G. Crimean leader assumes decree power; Parliament dismissed; referendum on political power scheduled / G. Potapenko // *The Washington Post*. — 12.09.1994.
121. Robinson E. In the Ukraine crisis, the U.S. has a credibility problem / E. Robinson // *The Washington Post*. — 04.03.2014.
122. Rodriguez A. Ukraine's Russia quandary / A. Rodriguez // *The Chicago Tribune*. — 03.10.2008.
123. Rogan Tom. Ukraine should blow up Putin's Crimea bridge / T. Rogan // *The Washington Examiner*. — 15.05.2018.
124. Reuters photo // *The Baltimore Sun*. — 08. 04. 2011.

«Американский Крым»: обман зрения

125. Roth A. Tensions mount between Russia and Ukraine ahead of military drills / A. Roth // *The Washington Post*. — 22.08.2016.
126. Rumer E. Is Ukraine in imminent danger of breaking up? Diplomacy: The favorite to become president of Crimea wants to reunite with Russia. Intervention by Moscow may no longer be avoidable / E. Rumer // *The Los Angeles Times*. — 30.01.1994.
127. Rupert J. Ukraine's troubles in Crimea take new turn; reconciliation of Russian separatists advances, but now returning Tatars make demands / J. Rupert // *The Washington Post*. — 04.12.1995.
128. Russia`s truncheon // *The Washington Post*. — 30.08.2015.
129. Saakashvili Mikheil. When Putin invaded my country / M. Saakashvili // *The Washington Post*. — 07.03.2014.
130. Sailors mutiny and take a ship to Ukraine // *The New York Times*. — 22.07.1992.
131. Schmemann S. Ukraine bids fleet To swear loyalty / S. Schmemann // *The New York Times*. — 05.01.1992.
132. Schmemann S. Yeltsin's ambiguity persists: democrat who rules by Fiat / S. Schmemann // *The New York Times*. — 31.01.1992.
133. Schmemann S. Friction rises as Ukraine and Russia clash over ex-Soviet armed forces / S. Schmemann // *The New York Times*. — 05.03.1992.
134. Schmemann S. Main Russia-Ukraine disputes settled / S. Schmemann // *The New York Times*. — 24.06.1992.
135. Schodolski V.J. Soviets' big nightmare: ethnic strife / V.J. Schodolski // *The Chicago Tribune*. — 28.08.1991.
136. Schulz K. Errol Morris looks for the truth in photography / K. Schulz // *The New York Times*. — 09.01.2011.
137. Separatist winning Crimea presidency // *The New York Times*. — 31.01.1994.
138. Shevel O. Who are the Crimean Tatars, and why are they important? / O. Shevel // *The Washington Post*. — 01.03.2014.
139. Shevel O. To strengthen claims on Crimea, Russia and Ukraine woo Crimean Tatars / O. Shevel // *The Washington Post*. — 25.03.2014.
140. Simmons A.M. Russia cements ties with Crimea, freezing conflict with West / A.M. Simmons // *The Wall Street Journal*. — 19.03.2020.
141. Slivka A. Joining the tycoons at a Black Sea playground in Crimea / A. Slivka // *The New York Times*. — 20.08.2006.
142. Somin I. The dubious Crimean referendum on annexation by Russia / I. Somin // *The Washington Post*. — 17.03.2014.
143. Somin I. Why the Kosovo "precedent" does not justify Russia's annexation of Crimea / I. Somin // *The Washington Post*. — 24.03.2014.
144. Stack M.K. Tensions rise over Crimean peninsula / M.K. Stack // *The Los Angeles Times*. — 28.09. 2008.
145. Stanley A. Crimea Is waging a war of nerves with Ukraine / A. Stanley // *The New York Times*. — 30.05.1994.
146. Stanley A. Clinton visit To Ukraine is welcome / A. Stanley // *The New York Times*. — 11.05.1995.

147. Stent A. Why America doesn't understand Putin / A. Stent // The Washington Post. — 14.03.2014.
148. Stress test for Ukraine // The Washington Times. — 15.03.1994.
149. Taylor W. Ukraine must exercise restraint in the face of Russian aggression / W. Taylor, S. Pifer, J. Herbst // The Washington Post. — 03.03.2014.
150. The plot to recapture Ukraine // The New York Times. — 14.03.1994.
151. Tsygankov A. Preventing A new Crimean War / A. Tsygankov // Radio Liberty. — 15.05.2009.
152. Tucker J. 5 reasons I am surprised the crisis in Crimea is escalating so quickly / J. Tucker // The Washington Post. — 28.02.2014.
153. Ukraine dangers rising // The Washington Times. — 20.06.1993.
154. Ukraine's lawmakers in warning to Crimea // The New York Times. — 02.06.1994.
155. Ukraine moves to oust leader Of separatists // The New York Times. — 19.03.1995.
156. Ukraine's lesson for the new Russia // The Washington Times. — 21.03.1995.
157. Umland A. Will there be a Second Crimean War? / A. Umland — The Global Politician. — 13.05.2009.
158. What's going on in Crimea // The Washington Post. — 25.03.2014.
159. Weiner T. C.I.A. Head surveys World's hot spots / T. Weiner // The New York Times. — 26.01.1994.
160. West must prepare for a long struggle with Russia (Editorial Board) // The Washington Post. — 27.03.2014.
161. Will Russia invade Ukraine? // The Washington Times. — 01.10.2008.
162. Yakovlev-Golani H. Is Crimean independence or annexation a good outcome for Russia? / H. Yakovlev-Golani, N. Kravets // The Washington Post. — 06.03.2014.

ОБ ИЗДАНИИ

Книга рассказывает о восприятии Крыма в США и других странах Запада на основе материалов средств массовой информации, начиная с Крымской войны 1853-1856 годов. Наиболее пристальное внимание уделяется периоду после распада Советского Союза. Борьба за занимающий стратегическое положение в Причерноморье полуостров в этот период отразилась в сотнях публикаций, которые увидели свет в печатных медиа самого могущественного геополитического игрока постсоветской эпохи — Соединенных Штатов Америки. О том, что происходило и происходит в Крыму, писали (и продолжают писать) все крупнейшие издания Нового Света — «Нью-Йорк Таймс» и «Лос-Анджелес Таймс», «Вашингтон Пост» и «Вашингтон Таймс», «Уолл-стрит Джорнал», «Чикаго Трибьюн» и многие другие.

Крым описывается американскими средствами массовой информации как потенциальная горячая точка на карте мира. К полуострову последовательно примеряются различные конфликтные сценарии — нагорно-карабахский, приднестровский, югославский, чеченский, косовский, абхазский, юго-осетинский — в зависимости от того, когда появляются те или иные публикации. При этом западные СМИ регулярно используют в своих материалах исторические аналогии с Восточной (Крымской) войной из вроде бы далекого XIX века. Пожалуй, это главный образ из прошлого, с помощью которого осмысливается ситуация в регионе. И это не случайно. В известном смысле, сегодня идет новая Крымская война между Западом и Россией, лишь методы ее стали более изощренными и технологичными. Задача США и их союзников — попытаться навсегда оторвать Крым от России, лишив ее стратегически важного плацдарма в Причерноморье.

Пик внимания к Крыму западных медиа пришелся на февраль-апрель 2014 года. Воссоединение полуострова с Россией на несколько месяцев стало главной темой крупнейших средств массовой информации и навсегда изменило не только Крым, Россию, Украину, но и весь мир.

Официальная версия Вашингтона, транслирующаяся в подавляющем большинстве публикаций американских СМИ: Крым — это аннексированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом рассматривают полуостров крупнейшие заокеанские медиа после 2014 года. Это параллельная, вымышленная реальность, симулякр, сконструированный американскими и европейскими политиками и журналистами в ходе информационной войны против России. Такая оценка ситуации в Крыму обусловлена, с одной стороны, геополитическими интересами США — несмотря на декларируемую независимость, ведущие американские СМИ выражают официальную точку зрения Белого дома. С другой — и над редакторами, и над журналистами довлеют антироссийские стереотипы, которые складывались на Западе даже не десятилетиями, а столетиями. Еще один важный аспект — психологическая травма, полученная американским истеблишментом в результате воссоединения Крыма с Россией. Это событие было воспринято как поражение не только Украины, но и США — и это хорошо прослеживается в текстах многих публикаций.

Анализ крымских публикаций западных средств массовой информации на протяжении последней четверти века дает возможность глубже понять как причины событий Крымской весны 2014 года, так и ту реакцию, которую они вызвали в Западном мире.

Книга «Американский Крым»: обман зрения» рекомендована к публикации Ученым советом факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

МАЩЕНКО Александр Петрович

**«Американский Крым»:
ОБМАН ЗРЕНИЯ**

При создании обложки использованы следующие изображения:

1. Херлуф Бидstrup. Карикатура на вмешательство США в дела Кубы
2. Скриншоты (снимки экрана) статей:

The Wall Street Journal

<https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304914904579439451432142442>

<https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304815004579417541596103908>

The Washington Post

https://www.washingtonpost.com/opinions/dana-milbank-seeing-the-reality-and-limits-of-us-power/2014/03/21/3ad8ea4a-b11c-11e3-95e8-39bef8e9a48b_story.html

<https://www.nytimes.com/2014/02/28/world/europe/crimeas-bloody-past-is-a-key-to-its-present.html?searchResultPosition=72>

The New York Times

<https://www.nytimes.com/2015/03/18/opinion/patrick-chappatte-putins-crimea-anniversary.html?searchResultPosition=79>

Дизайн, верстка Малая Т.Е.

© МАЩЕНКО Александр Петрович, 2021

Подписано в печать 02.06.2021. Формат 60х90 1/16

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Физич. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 8,75.

Заказ № 06А/04. Тираж 300 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

«Американский Крым»: ОБМАН ЗРЕНИЯ

Александр Мащенко — журналист, писатель, ученый-исследователь, автор более двух тысяч публицистических и десятков научных статей, опубликованных в средствах массовой информации и научных журналах Крыма и России.

Лауреат Государственной премии Республики Крым за цикл документальных фильмов, рассказывающих о воссоединении полуострова с Россией — «Лютый февраль», «Весна надежды», «Красный: цвет памяти», «Фашизм. Крымский трибунал». Автор книги «На высоте героев. Крым: война, Победа, память» (в соавторстве с Олегом Маркеловым). Награжден медалями Государственного Совета Республики Крым «За защиту Республики Крым» и «В ознаменование 5-й годовщины воссоединения Крыма с Россией 2014-2019».

Начальник Управления международной деятельности Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиа-технологий и дизайна Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, собственный корреспондент «Парламентской газеты» и журнала «Российская Федерация сегодня» в Крыму.

ISBN 978-5-907438-62-0

9 785907 438620